

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 25, № 6*

Вологда • 2021

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Леонидова Г.В., Димони К.О.

Трудовой потенциал молодежи:
запросы современного рынка труда.....7

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Инерционность модели функционирования региональных
вузов России в условиях постиндустриальной экономики32

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Румянцев Н.М.

Лесопромышленный комплекс как приоритет
структурной политики Вологодской области51

Косыгина К.Е.

Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе67

Шиплюк В.С., Мазилев Е.А.

Перспективы развития обрабатывающих производств
региона в условиях цифровизации.....82

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.

Перспективы формирования межрегиональных агломераций
как направления реализации фронтальной стратегии России
(на примере Республики Башкортостан и Челябинской области)100

Янков К.В.

Проблема транспортной доступности населенных пунктов
в федеральных документах стратегического планирования118

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Секички-Павленко О.О., Неклюдова Н.П.

Изменение половозрастной структуры населения региона
в муниципальных образованиях Свердловской области.....131

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: сентябрь 2021 года	149
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2021 года.....	159

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН	168
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2021 году.....	169
Правила для авторов	171
Информация о подписке.....	174

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Leonidova G.V., Dimoni K.O.

Labor Potential of Young People: Demands of Contemporary Labor Market7

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Inertia of the Model of Functioning of Russia's Regional Universities
in the Post-Industrial Economy32

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Rumyantsev N.M.

Timber Industry as a Priority of the Vologda Oblast Structural Policy51

Kosygina K.E.

Development Tools of the Non-Profit Sector in the Region67

Shiplyuk V.S., Mazilov E.A.

Prospects for Developing the Region's Manufacturing Industries
in the Context of Digitalization82

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Gainanov D.A., Ataeva A.G.

Prospects for the Formation of Interregional Agglomerations as a Direction
to Implement the Frontal Strategy of Russia (the Case of the Republic
of Bashkortostan and the Chelyabinsk Oblast) 100

Yankov K.V.

Transport Accessibility Issue of Settlements in Federal Strategic Planning Documents..... 118

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Sekitski-Pavlenko O.O., Neklyudova N.P.

Dynamics of Gender and Age Structure of the Region's Population
in the Sverdlovsk Oblast Municipalities..... 131

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy in September 2021	149
Monitoring of the Vologda Oblast Population's Social Well-being in October 2021	159

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

New VolRC RAS issues	168
Index of articles and materials published in 2021	169
Guidelines for the authors	171
Subscription information	174

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.1

УДК 331.538.2 | ББК 65.240

© Леонидова Г.В., Димони К.О.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ЗАПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА

ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: [0000-0003-0361-2099](https://orcid.org/0000-0003-0361-2099); ResearcherID: [I-7139-2016](https://orcid.org/1-7139-2016)

КИРИЛЛ ОЛЕГОВИЧ ДИМОНИ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: feodosypriest@gmail.com

ORCID: [0000-0001-8292-8723](https://orcid.org/0000-0001-8292-8723)

Молодежь как особая социально-демографическая группа выполняет важные социальные функции. Она, с одной стороны, наследует достигнутый уровень и обеспечивает преемственность развития общества и государства, с другой – формирует образ будущего и несет функцию социального воспроизводства, обладает инновационным потенциалом, способным влиять на развитие страны и ее регионов. Еще только включаясь в социально-трудовые отношения, молодые люди уже сталкиваются с серьезными вызовами рынка труда, касающимися выбора профессии, проблем трудоустройства, соответствия требованиям рабочих мест, распространения нестандартных форм занятости, а также постепенного сжатия рынка труда. Кроме того, доли возрастных групп 20–24 года и 25–29 лет в структуре занятого населения Российской Федерации неуклонно сокращаются, что обуславливает вызов к качеству их трудового потенциала и способности соответствовать этому вызову. Цель работы заключается в анализе качественных характеристик молодежи и формирующихся трендов ее трудовой занятости в рамках современных изменений рынка труда. Информационной базой для анализа послужили

Для цитирования: Леонидова Г.В., Димони К.О. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 7–31. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.1

For citation: Leonidova G.V., Dimoni K.O. Labor potential of young people: Demands of contemporary labor market. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 7–31. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.1

данные Росстата по вопросам занятости и безработицы в молодежной среде и результаты социологических опросов, проведенных ФГБУН ВолНИЦ РАН в Вологодской области, по качеству трудового потенциала за 1997–2020 гг. В статье рассмотрены тенденции изменения численности молодежной демографической группы, уровней занятости и безработицы, а также такие запросы рынка труда, как качество трудового потенциала молодежи, ее трудоустройство, уровень реализации трудового потенциала. Показано, что значительная часть молодежи работает в условиях неустойчивых социально-трудовых отношений, а значит, чаще сталкивается с риском потери работы и заработка. Рассмотрены вопросы готовности молодежи к трудовой деятельности. Научная значимость статьи связана с актуализацией вышеперечисленных проблем в ракурсе программы содействия молодежной занятости в Российской Федерации до 2030 года, разработанной по поручению Президента Российской Федерации. Новизна исследования заключается в выявлении актуальных проблем современных молодежных когорт на рынке труда, требующих новых акцентов в современной политике поддержки занятости молодежи. Его результаты могут быть использованы при разработке программ молодежной занятости на мезо- и макроуровне.

Молодежь, занятость, рынок труда, качество трудового потенциала.

Введение

Современные экономика и общество, развиваясь по инновационному пути, все в большей степени требуют креативных (творческих), умеющих принимать самостоятельные нестандартные решения, коммуникабельных работников. Опыт мирового развития последних лет свидетельствует, что в стремительно меняющемся мире стратегические преимущества будут у тех стран, которые смогут интенсивно развивать, эффективно аккумулировать и продуктивно реализовывать человеческий капитал, основным носителем которого является молодежь. Международная Организация Труда (МОТ) обращает на возрастную категорию от 15 до 25 лет особое внимание. Этот возраст связан с формированием долгосрочных трудовых установок, является «временем профессиональных проб и первого трудоустройства»¹.

Современные тенденции рынка труда, в том числе молодежного, претерпев существенные изменения относительно прошлых лет, устремились в сторону самозанятости, то-

тальной цифровизации и атомизации молодого поколения. Становится актуальной проблема прекаризации² [1] молодежного труда. Проблемы занятости молодежи особенно обострились в последние два года в связи с пандемией COVID-19. Сегодня на российском рынке труда каждый четвертый зарегистрированный безработный моложе 30 лет. По сути, пандемия коронавируса стала последним камнем, обрушившим лавину качественного изменения рынка труда, завершив формирование уже имеющих место трендов – от цифровизации рынка труда до молодежного нигилизма в отношении социально-трудовых гарантий.

Следует отметить, что в условиях сжатия рынка труда, трансформации занятости, появления новых профессий, сокращения молодежных групп в составе населения важным запросом со стороны работодателей выступает качество молодых работников.

В статье дан анализ качественных характеристик молодежи и формирующихся трендов ее трудовой занятости в рамках современных изменений рынка труда.

¹ Доклад Министра труда и социальной защиты Российской Федерации А. Котякова на совещании с Президентом Российской Федерации о мерах поддержки молодежной занятости. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/92> (дата обращения 10.10.2021).

² Прекариат – новый социальный класс, характеризующийся неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер. Прекаризация – процесс количественного и качественного изменения занятости, которая касается большинства населения и проявляется в постоянном наступлении объективных условий и субъективных факторов в лице работодателей, существующих правовых законов, ориентированных на беспрекословное подчинение власть имущим, осуществляющим экономическое и политическое управление.

Проблемы молодежной занятости в трудах современных исследователей

Проблеме молодежной занятости посвящено значительное количество научных исследований. В последнее время актуальной исследовательской проблемой является неформальная занятость молодежи [2; 3]. На данных, полученных в ходе международных исследований, российские ученые показали прямую корреляционную связь между уровнем образования и трудоустройством в формальном и неформальном секторах экономики. При условии, что молодежь, имеющая более низкий уровень образования, трудоустраивается в неформальном секторе, такое положение не касается сферы фриланса. Находящаяся в этой сфере предпринимчивая молодежь большей частью имеет высшее образование (51%). Причина их трудового выбора кроется в отсутствии бюрократических препон и возможности быстрого получения вознаграждения, а также в большей мобильности при смене работы в случае необходимости. Исследователи отмечают, что молодых людей, занятых в неформальном секторе, по большей части не беспокоит отсутствие социальных гарантий.

Об обострении проблемы прекаризации молодежного труда в контексте последствий пандемии COVID-19 свидетельствуют результаты исследований достаточно большого количества авторов [4; 5]. Проблема молодежной безработицы и ухода молодых людей при наличии вакансий в неформальную занятость, открывающую путь к прекарным трудовым отношениям [6–8], обусловлена низким спросом на рынке труда на только что отучившегося молодого специалиста. В то же время со своей стороны молодые специалисты имеют завышенные ожидания к уровню заработной платы, условиям труда и возможностям карьерного роста [9; 10].

В ряде научных публикаций поднимаются вопросы, касающиеся адаптации молодежи к трудовой деятельности [11], не-

соответствия трудоустройства полученной специальности (профессии)³ [12; 13], приоритетов государственной регуляции и политики поддержки занятости молодежи [14; 15]; трансформации ценностных ориентаций молодежи в трудовой сфере [16]; экономической активности и трудовой мобильности молодежных групп [17; 18]; преград к трудоустройству молодежи [19]. В актуальных исследованиях отмечается повышенное внимание к профессиональной ориентации молодежи [20; 21] и другим аспектам, связанным, прежде всего, с новыми качественными изменениями и вызовами рынка труда к молодым работникам, в частности их занятости в условиях цифровой экономики [21; 22].

С низким уровнем вовлеченности молодежи в экономику на определенном этапе столкнулись многие развитые страны. В связи с этим в государствах с высоким уровнем молодежной занятости (Германия, Франция, США и др.) действуют системные меры поддержки трудоустройства молодежи (субсидирование найма, производственное обучение, раннее профориентирование, программа трудовой мобильности для отдельных профессий и т. д.)⁴. Анализ зарубежной литературы показывает, что сокращение безработицы среди молодежи, расширение и улучшение возможностей ее трудоустройства являются ключевыми политическими задачами во всем мире. Ключом к успешности молодежного участия в рабочей силе, по мнению исследователей, выступает разработка программ, содержащих множество целевых компонентов, в т. ч. помощь в поиске работы, консультирование, обучение и услуги по трудоустройству [23; 24]. Так, в отчете МОТ «Глобальные тенденции занятости молодежи 2020: технологии и будущее рабочих мест» [25] обсуждаются последствия технологических изменений для рабочих мест, доступных молодежи. В нем основной акцент сделан на изменениях в характери-

³ По данным Росстата, 29% выпускников работают по профессии, которая никак не связана с полученным образованием.

⁴ Доклад Министра труда и социальной защиты Российской Федерации А. Котякова на совещании с Президентом Российской Федерации о мерах поддержки молодежной занятости. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/92> (дата обращения 10.10.2021).

ках рабочих мест, а также изучении влияния технологических изменений на неравенство на рынках труда молодежи. Внимание зарубежных авторов к проблемам занятости молодежи также связано с автоматизацией и цифровизацией рабочих мест [26], карьерным продвижением [27].

Вопросы занятости молодежи неразрывно связаны с качественными характеристиками этой демографической группы. В отечественной литературе указанной проблеме посвящены работы, раскрывающие предмет исследований посредством изучения трудового потенциала работников, которым обозначается трудовая дееспособность работника, его ресурсные возможности в области труда. Данная дефиниция, несмотря на схожесть имеющихся представлений о ней и ее сущности, остается дискуссионной с момента введения в научный оборот. Широкая трактовка трудового потенциала заключается в характеристике возможности осуществлять трудовую деятельность [28]. Более узкое толкование связано с пониманием трудового потенциала как запасов труда, определяемых численностью трудовых ресурсов, их демографических характеристик, знаний, профессиональной и территориальной мобильности [29]. В своем исследовании мы придерживаемся комбинированного подхода и определяем трудовой потенциал как совокупность характеристик, позволяющих обеспечить благосостояние человека посредством труда, акцентируя внимание на том, что «эти характеристики включают количественные (количество трудоспособных и соотношение между ними и нетрудоспособными) и качественные параметры способности к труду» [30]. Трудовой потенциал молодежи в таком случае является «резервом наращивания потенциала рабочей силы и повышения эффективности ее использования» [31], а также «динамическим свойством социальной группы, отражающим возможную реализацию знаний, умений и навыков на рынке труда ... ценности, мотивацию, профессиональные интересы индивидов в контексте развития региона, участия в общественной жизни» [32]. Как правило, при определении качества трудового потен-

циала исследователи выделяют следующие субпотенциалы: психофизический (здоровье), образовательный, социально-экономический, профессиональный, общественно-политический и культурно-духовный [33]. Кроме перечисленных компонентов в анализе качества трудового потенциала молодежи используются демографические и аксиологические характеристики (ценности и ценностные ориентации молодежи в сфере образования, труда и профессиональной реализации) [34]. Необходимо отметить, что часть названных компонентов качества трудового потенциала [35] молодежи (образовательного, профессионального, психофизического) достаточно распространена в научных исследованиях, поскольку анализируется с помощью доступных эмпирических данных. Большая же часть компонентов не имеет широкого доступа, т. к. может быть объяснена путем социологических опросов. В этом отношении авторы имеют преимущество, располагая результатами пролонгированного мониторинга качественных характеристик трудоспособного населения одного из регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – Вологодской области за период с 1997 по 2020 год и оригинальной методикой измерения качества трудового потенциала [36].

Таким образом, проблемы молодежи на рынке труда составляют достаточно объемный и распространенный предмет исследования. Однако часто проблемы качественных характеристик молодых людей, их готовности к эффективной реализации трудового потенциала в процессе производства национального богатства остаются дискуссионными и требуют более углубленного анализа. В статье сделана попытка восполнить этот пробел.

Информационная база и методология исследования

В качестве информационной базы использованы материалы государственной статистики Российской Федерации, а также результаты мониторинговых социологических исследований ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» в Вологодской области,

в частности данные мониторинга качества трудового потенциала населения (ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2020 гг.). Объектом исследования выступает население региона в возрасте от 16 до 54 лет для женщин и от 16 до 59 лет для мужчин (общий объем выборки – 1500 чел.). Опросы проведены в городах Вологде и Череповце и восьми районах области: Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки не превышает 3–4% при доверительном интервале 4–5%.

Мониторинг качества трудового потенциала проведен по оригинальной методике, в основу которой положена концепция качественных характеристик населения. Согласно этой концепции интегральным показателем качества трудового потенциала является социальная дееспособность, имеющая сложную иерархическую структуру и вбирающая в себя восемь качественных компонентов первого уровня: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. Оценка качества трудового потенциала верхних уровней иерархии выполняется путем вычисления среднего геометрического индексов нижних уровней. Интегральный индекс социально-профессиональной дееспособности рассчитывается как среднее геометрическое индексов энергетического и социально-психологического потенциалов.

При выделении молодежи мы традиционно придерживались подхода, созвучного российскому законодательству, и относили к данной категории население в возрасте от 14 до 35 лет (согласно Основам государственной молодежной политики, эта катего-

рия населения включает лиц в возрасте от 14 до 30, в некоторых случаях (молодой ученый) – до 35 (кандидат наук) и 45 (доктор наук) лет)⁵. Однако объектом мониторинга качества трудового потенциала выступает население трудоспособного возраста, лица 14 и 15 лет остаются за рамками анализа социологического опроса, к молодежи в трудоспособном возрасте причисляются жители соответствующей территории в возрасте от 16 до 35 лет.

Запросы современного рынка труда

Молодежь как особая социально-демографическая группа отличается: а) возрастными характеристиками; б) обусловленными этими характеристиками психологическими свойствами и в) особым правовым и социальным статусом, который определяется принадлежностью к молодому возрасту [37]. При этом жестких и универсальных границ возраста молодежи, как было сказано ранее, не существует. В различных документах он чаще всего определяется в пределах от 14 до 30 (35) лет либо от 15 до 29 лет⁶.

Численность молодого населения – основы трудовых ресурсов территорий

Принимая за базу расчетов условную границу молодежного возраста 15–29 лет для межстранового сравнения, мы видим, что в высокоразвитых странах доля молодых групп в населении не достигает даже 20%, а в развивающихся и наименее развитых переходит за отметку 24 и 28% (табл. 1). К тому же в первой группе стран доля людей указанного возраста снижается, а в менее развитых странах – растет.

В России молодежная группа 15–29 лет составляет в настоящий момент не самую значительную часть общества, ее доля всего 16%. Причем ее сокращение по сравнению с серединой прошлого века является наиболее весомым из всех групп стран (на 14 п. п.). Этот же тренд отмечается и по сравнению с 2000 годом (на 7 п. п.). Он обусловлен низ-

⁵ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192> (дата обращения 27.10.2021).

⁶ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 10.10.2021).

Таблица 1. Доля населения в возрасте 15–29 лет по группам стран мира, % от всего населения

Регион	Год										2020 год к 1950 году (+/-)	2020 год к 2000 году (+/-)
	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2015	2020		
Россия	29,5	24,2	22,4	26,4	21,2	22,8	24,6	23,3	19,4	15,5	-14,0	-7,3
Весь мир	25,9	24,3	24,8	27,0	27,2	25,9	26,0	25,7	24,5	23,1	-2,8	-2,8
Высокоразвитые страны	25,0	22,4	23,2	24,6	22,6	20,9	20,5	19,7	18,4	17,3	-7,7	-3,6
Развивающиеся страны	26,4	25,1	25,3	27,8	28,5	27,1	27,2	27,0	25,8	24,3	-2,1	-2,8
Наименее развитые страны	26,7	26,0	25,5	25,8	26,8	27,5	27,8	27,8	27,9	28,1	+1,4	+0,6

Источник: World Population Prospects. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population>

Таблица 2. Прогноз изменения численности населения Российской Федерации (средний вариант)

Год	Группа по возрасту					
	моложе трудоспособного возраста		трудоспособного возраста		старше трудоспособного возраста	
	тыс. чел.	% от общей численности населения	тыс. чел.	% от общей численности населения	тыс. чел.	% от общей численности населения
2021	27372,2	18,7	82088,9	56,0	37189,0	25,3
2022	27296,2	18,6	83441,0	57,0	35799,7	24,4
2023	27173,7	18,6	82845,8	56,6	36352,9	24,8
2024	26855,0	18,4	84345,7	57,7	34935,2	23,9
2025	26404,1	18,1	84146,2	57,7	35308,0	24,2
2026	25902,3	17,8	85765,8	58,9	33871,4	23,3
2027	25406,7	17,5	85674,8	59,0	34129,4	23,5
2028	24783,4	17,1	87415,6	60,3	32683,9	22,6
2029	24060,1	16,6	87602,3	60,6	32906,7	22,8
2030	23350,6	16,2	87839,9	60,9	33083,5	22,9
2031	22630,8	15,7	88028,8	61,1	33337,6	23,2
2032	21923,2	15,3	88301,0	61,4	33515,7	23,3
2033	21282,4	14,8	88515,7	61,7	33708,6	23,5
2034	20855,6	14,5	88540,7	61,8	33905,1	23,7
2035	20535,1	14,3	88458,6	61,8	34134,5	23,9
Изменение, 2021 год к 2035 году	-6837,1	-4,4 п. п.	+6369,7	+5,8 п. п.	-3054,5	-1,4 п. п.

Источник: Демографический прогноз / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 11.09.2021).

кой рождаемостью в 1990-х гг.⁷ Сокращение населения моложе трудоспособного возраста в Российской Федерации продолжится и в среднесрочной перспективе. Так, согласно прогнозу Росстата, численность группы населения от 0 до 15 лет сократится к 2030 году на 17% (с 27 до 23 млн чел.; табл. 2).

Уровень участия молодых когорт в рабочей силе ожидаемо является более высоким в возрастной группе 25–29 лет (12%). В группе 15–24-летних этот показатель составляет 6%, что обусловлено, в первую очередь, тем, что в таком возрасте молодые люди еще только получают профессиональное образование (рис. 1).

⁷ Демографический прогноз / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 11.09.2021).

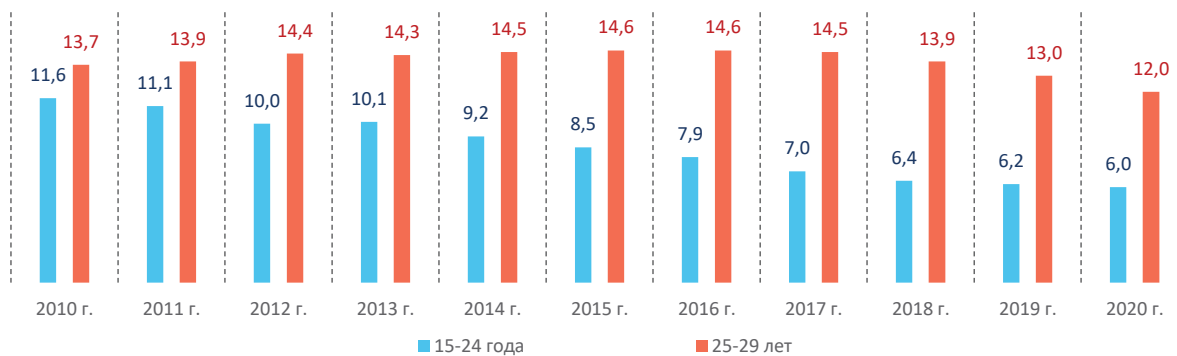

Рис. 1. Динамика участия молодежи 15–29 лет в рабочей силе Российской Федерации, % от численности населения соответствующей возрастной группы

Источник: данные Росстата.

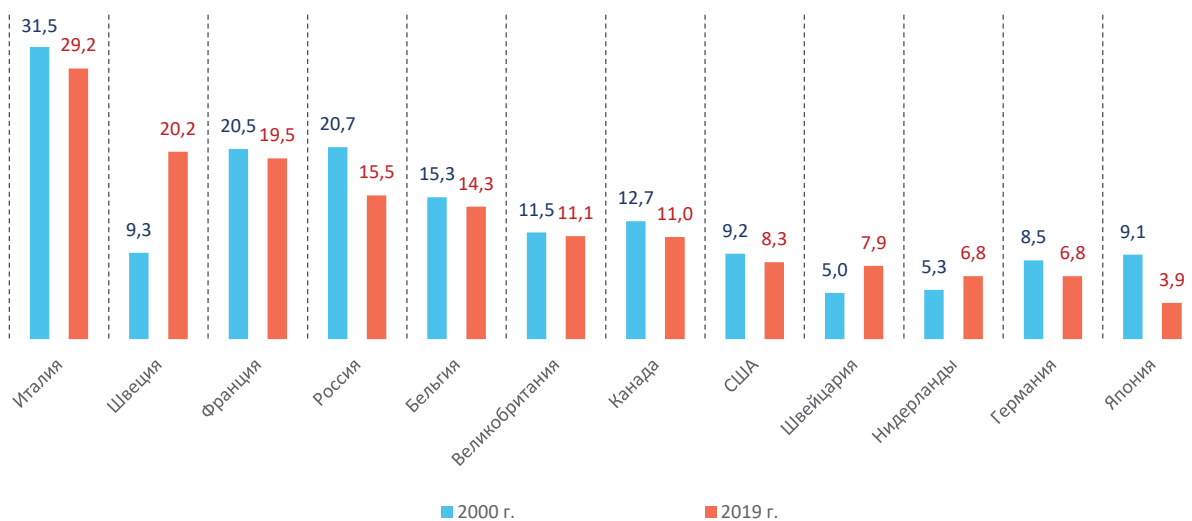

Рис. 2. Динамика уровня безработицы молодежной группы 15–24 лет в страновом разрезе, % от численности населения соответствующей возрастной группы

Источник: World Population Prospects. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population>

Молодежная безработица

Важнейшей социально-экономической проблемой XXI века выступает проблема молодежной безработицы, которая является показателем социального статуса молодых людей, их конкурентоспособности и степени интеграции в современный рынок труда. Средний мировой уровень (по 181 стране) молодежной безработицы составил в 2019 году 15,9%. Показатели Российской Федерации близки к среднемировым (рис. 2).

Положение молодых россиян на рынке труда можно оценить с помощью показателя числа месяцев, затраченных ими на поиск работы. За последние полтора года россияне 15–24 лет находили рабочие места быстрее, чем другие группы населения. К примеру, по дан-

ным Росстата, они тратили на поиск работы в 2021 году 3,6 мес. В группе 20–24-летних период составил 6,2 мес., 25–29-летних – 7,1 мес. «Молодежь (наравне с другой общностью – женщинами) является наиболее ущемленной и дискриминируемой группой» [1]. Безработица среди молодых людей выше по сравнению со старшими возрастными группами.

Наиболее высокий уровень безработицы в России характерен для группы молодежи в возрасте 15–19 лет, что, как уже было сказано ранее, обусловлено «высокой вовлеченностью молодежи этого возраста в обучение по программам общего, среднего профессионального и высшего образования» [38]. Следует отметить, что тенденция снижения показателя в данной возрастной груп-

Таблица 3. Показатели занятости и безработицы в молодежных группах Российской Федерации, % от численности населения соответствующей возрастной группы

Год	Уровень занятости			Уровень безработицы		
	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
2010	7,9	53,2	80,1	31,8	14,9	8,0
2015	5,9	49,9	82,4	32,4	14,3	6,2
2016	6,4	49,9	82,9	29,1	14,9	6,3
2017	5,7	48,7	83,9	28,4	14,7	5,9
2018	5,6	47,8	84,3	27,6	15,3	5,5
2019	5,1	49,4	83,6	24,7	14,4	5,6
2020	4,8	48,0	81,5	27,2	16,2	7,4

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): стат. сб. / Росстат. М., 2020. 145 с.

пе, наблюдаемая до 2019 года, сменилась в 2020 году некоторым повышением (с 24,7 до 27,2%). Это связано, как нам представляется, с воздействием пандемийной ситуации (табл. 3). Вырос также и уровень безработицы в группе молодежи в возрасте 20–24 лет (с 14,4 до 16,2%) и в возрастной группе 25–29 лет (с 5,6 до 7,4%). Соответственно, в 2020 году изменились тренды занятости молодежных групп, которые в отличие от уровня безработицы пошли на понижение.

Российские регионы крайне неоднородны не только с точки зрения их социально-экономического развития, но и по существенным отличиям на региональных рынках труда, что отражается в спросе и предложении на труд молодежи. По данным обследования рабочей силы Росстата, уровень занятости молодежи 20–29 лет в докризисном 2019 году варьировал от 82% в Удмуртской Республике до 43% в Республике Ингушетии, уровень безработицы – от 3% в г. Санкт-Петербурге до 48,8% в Республике Ингушетии.

Рост нестандартной занятости

Одна из тенденций рынка труда в России последних лет заключается в распространении нестандартных форм занятости, в том числе ее удаленного формата. Высокая вовлеченность молодых людей в неформальный сектор (из-за совмещения обучения и работы; работы «для заработка», а не «для карьеры»; распространности индивидуального предпринимательства и самозанятости, в том числе с использованием циф-

ровых платформ) является сегодня особенностью молодежного сегмента рынка труда (табл. 4).

Таблица 4. Динамика удельного веса молодежи, занятой в неформальном секторе, в общей численности занятых, по возрастным группам, %

Год	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
2010	38,9	19,3	16,3
2015	49,6	25,0	20,4
2016	51,1	25,4	20,9
2017	48,4	26,2	19,8
2018	48,6	26,0	20,2
2019	48,0	26,4	21,4

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): стат. сб. / Росстат. М., 2020. 145 с.

Доля молодежи в возрасте 25–29 лет, занятой в неформальном секторе, в общей численности занятых этой возрастной группы в 2010 году составляла 16%, к 2019 году возросла до 21%.

Как показывают опросы ФГБУН ВолНЦ РАН, большинство респондентов (и молодежи, и старшего возраста) имеют постоянную занятость (табл. 5), а неформальный сектор работ занимает небольшую долю. Так, на временной работе трудятся, по оценкам опрошенных, около 6% молодых людей и 4% людей старшего возраста. Превышение доли молодежи в этом сегменте связано, скорее всего, с необходимостью поддержания достойного уровня жизни во время получения профессионального образования.

Таблица 5. Распределение респондентов разного возраста по формам занятости в последние 12 месяцев (опрос 2020 года), %

Возраст	Занятость				
	постоянная (регулярная)	временная	сезонная	случайная (эпизодическая)	затрудняюсь ответить
До 35 лет	88,5	5,5	2,5	3,0	0,5
Старше 35 лет	90,1	3,8	2,6	2,7	0,7

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 год.

Не отрицая в целом нестандартные формы занятости, и не относя все их виды к неформальной занятости, можно заметить, что, согласно данным мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, у людей, имеющих множественную занятость или случайные приработки, показатель качества трудового потенциала (индекс социальной дееспособности) ниже, чем у тех, кто работает в условиях стандартного трудового договора. Разница в индексах составляет 0,015 ед. (0,673 против 0,658 ед.). Полагаем, что качественные характеристики работников, занятых в неформальном секторе экономики, аналогичны полученным результатам.

Профориентация и трудоустройство – важное начало эффективной реализации трудового потенциала молодых людей. Для современной российской молодежи повестка, включающая список наиболее актуальных вызовов рынка труда, начинается с построения образовательной и профессиональной траектории [39]. Сегодня молодежь массово идет в более привлекательные, быстро развивающиеся отрасли. Молодые люди более мобильно обретают необходимые навыки и компетенции и занимают места в сфере услуг. Изменились и приоритеты профессий в глазах молодых работников. Ранее самыми привлекательными были, по мнению молодежи, профессии ученых, инженеров, врачей [40]. В 2000-х гг. иерархию привлекательности возглавили бизнесмены и банковские работники, сегодня – блогеры, IT-специалисты, дизайнеры и т. п.

Согласно данным крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента HeadHunter, запросы молодежи и предложе-

ния рынка труда для этой группы населения далеко не гармоничны. Рынок труда предлагает для начинающих карьеру не совсем те вакансии, на которые они готовы пойти (рис. 3). По данным рекрутингового сервиса, 14% молодых соискателей хотели бы работать в банковском секторе, однако такие вакансии составляют только 4% от общего количества мест, куда их готовы принять.

Выбор профессиональной траектории приобрел совершенно новый характер, по большинству позиций формирующийся стихийно. Это произошло потому, что система профориентации в рыночной экономике претерпела большие изменения. В советский период профориентация традиционно осуществлялась в школах школьными педагогами (предметниками или классными руководителями), регулярно проводились экскурсии на предприятия, организовывались встречи с представителями рабочих профессий и т. д. Сегодня этот опыт частично утрачен. В большинстве своем школы ограничиваются тестированием на предмет определения профессиональных предпочтений и склонностей школьников, анкетированием по выявлению траекторий и, в лучшем случае, проведением экскурсий. Основным показателем, который может служить критерием недостаточной профориентационной работы, является работа не по специальности. Так, доля выпускников 2015–2018 гг., осуществляющих трудовую деятельность по специальности, не соответствующей полученному образованию, составляет 29%.

В качестве системного решения вопросов профориентации может служить разработка Департаментом труда и занятости Вологодской области ряда мероприятий, служащих ориентиром для выпускников

Рис. 3. Данные HeadHunter о запросах молодежи и предложениях рынка труда для этой группы населения, 2021 год

Источник: В расцвете рабочих сил. Минтруд работает над программой содействия занятости молодежи // Российская газета: Федеральный выпуск № 137 (8488). URL: <https://rg.ru/2021/06/22/mintrud-gotovit-programmu-sodejstviiia-zaniatosti-molodezhi.html> (дата обращения 21.10.2021).

школ в плане выбора как профессии, так и профессиональной образовательной организации и места приложения своих сил уже в качестве профессионала. Все эти моменты отражены на сайте «Живи, учись и работай в Вологодской области» (<http://voloblcareer.ru>).

Важность профориентационной работы обусловлена и теми социально-экономическими эффектами, которые имеет работа по специальности⁸. Результаты расчетов на основе мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области показали, что люди, профессиональная деятельность которых соответствует специальности и призванию, сильнее выкладываются на работе и в большей степени используют свои качества и умения (табл. 6). Кроме того,

они имеют более высокий уровень заработной платы, что является прямым экономическим эффектом не только для работника, но и для территории его проживания.

В то же время существует мнение, что несовпадение профессионального продвижения выпускников с полученной специальностью связано с тем, что «современное высшее образование в определенной мере является... своеобразной предпосылкой для следующего профессионального самоопределения» [41]. То есть молодые люди предпочитают на практике «подыскивать» более интересную работу, устраиваясь на кратковременную, непостоянную работу, часто ее меняя, чтобы приобрести необходимый опыт и найти «наилучшее соответствие» [42].

⁸ Результат был получен путем расчетов числа ответов респондентов на вопросы, характеризующие трудовое поведение («Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?» и «Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашему призванию?»). Все работающие респонденты, за исключением не получивших специальности и затруднившихся ответить, были разбиты в процессе вычисления на четыре группы: первая группа – работающие по специальности и по призванию; вторая группа – работающие по специальности, но не по призванию; третья группа – работающие по призванию, но не по специальности; четвертая группа – работающие не по специальности и не по призванию. По каждой из групп была проведена оценка качества трудового потенциала, уровня его реализации, средней заработной платы, удовлетворенности работой и жизнью.

Таблица 6. Социальные и экономические эффекты работы по специальности и призванию (на примере населения Вологодской области)

Группа	Индекс качества трудового потенциала, ед.				Средняя заработная плата, тыс. руб.				Средний уровень реализации трудового потенциала, %			
	2014	2016	2017	2020	2014	2016	2017	2020	2014	2016	2017	2020
Работают по призванию и по специальности	0,702	0,704	0,698	0,691	20,4	23,7	23,2	29,7	81,9	83,0	83,0	83,9
Работают по призванию, но НЕ по специальности	0,697	0,698	0,686	0,685	20,4	21,1	22,5	26,1	82,5	82,4	81,5	83,4
Работают НЕ по призванию, но по специальности	0,667	0,667	0,682	0,657	16,8	20,9	22,6	26,3	74,5	80,5	80,8	75,2
Работают НЕ по призванию и НЕ по специальности	0,654	0,654	0,660	0,644	15,1	17,2	17,2	21,5	70,2	76,1	74,0	74,0

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2014–2017 гг.

Запросы рынка труда к качеству молодежи. Качество молодого населения, как было сказано ранее, является важным запросом рынка труда в условиях сокращения численности молодежных когорт. Результаты мониторинга (рис. 4) свидетельствуют, что в период с 1997 по 2020 год качество трудового потенциала (индекс социальной дееспособности согласно оригинальной методике) молодежи региона (населения в возрасте 16–35 лет) сохраняло преобладающее положение по отношению к населению более старшего возраста. Общая динамика индекса положительная: с 1997 по 2020 год его значение возросло с 0,676 до 0,688 ед., т. е. на 0,012. В то же время вырос индекс качества трудового потенциала и у людей старших возрастов – с 0,642 до 0,657 ед., т. е. на 0,015. Расчеты показывают, что темпы роста качественных свойств старшего поколения были в этот период выше, чем у молодежи. Это является несколько тревожным сигналом.

В большинстве научных исследований основным компонентом качества молодых поколений признается образовательный уровень. Современная российская молодежь за счет высокого охвата общим и профессиональным образованием формирует высокообразованную группу населения. Ее образовательный уровень непрерывно растет,

превышая среднероссийские показатели. Согласно данным микропереписи 2015 года, 38% молодых людей в возрасте 20–24 лет и 45% в возрасте 25–29 лет имели высшее и незаконченное высшее образование, что существенно выше среднероссийских показателей (26%). Порядка 35% в обеих группах (20–24 и 25–29 лет) имеют начальное и среднее профессиональное образование⁹.

Высокий уровень образования молодежных групп населения можно проследить при сравнении результатов переписей 2002 и 2010 гг. (рис. 5). Диаграмма показывает буквально взрывной рост лиц с высшим профессиональным образованием (с 17 до 42%) и практически такое же двойное снижение лиц, имеющих только среднее общее образование (с 50 до 21%).

Однако формально высокий уровень образования молодежи не капитализируется в полной мере. Одним из множества факторов, определяющих данный процесс, является «превращение высшего образования в массовое» [43]. В связи с этим изменилась и ценность образования, на что указывает уменьшение доли людей, предпочитающих активные действия по пополнению знаний, использованию своих способностей к обучению. Так, среди молодежной популяции стало существенно меньше тех, кто отмечает

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения 10.10.2021).

Рис. 4. Динамика качества трудового потенциала населения Вологодской области (индекс социальной дееспособности) в возрастном разрезе, ед.

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2020 гг.

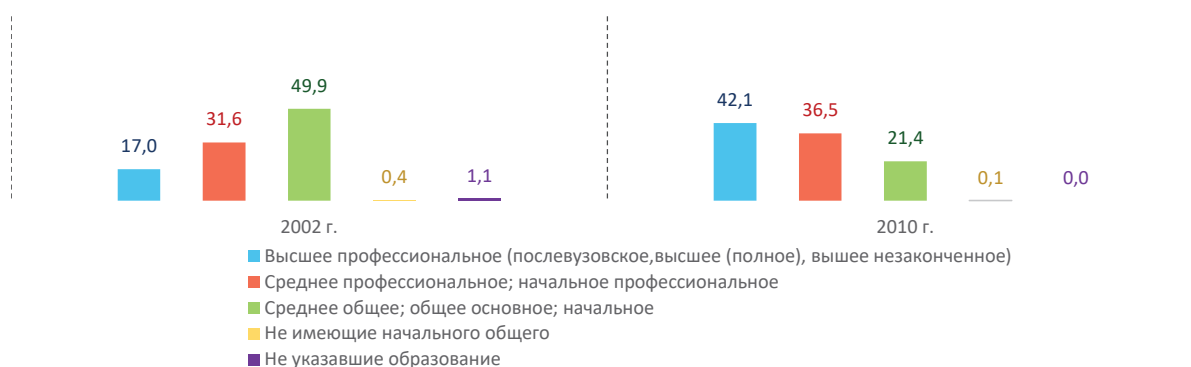

Рис. 5. Динамика уровня образования молодежной группы 15–29 лет, % от численности населения соответствующей возрастной группы

Источник: статистические данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.

URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 10.10.2021).

позицию «лучше иметь хорошее образование» (с 41% в 2002 году до 20% в 2020 году); кто считает, что «надо полностью использовать имеющиеся способности к обучению» (с 40 до 23%); а также желающих сделать все возможное, чтобы получить «хорошее образование», если бы была возможность начать жизнь сначала (с 35 до 19%).

Несмотря на это, диплом о высшем образовании в России все еще «остается элементом национального культурного кода», но работодатели при приеме на работу уже больше ориентируются на «компетенции, востребо-

ванные в профессиональной деятельности» и наличие опыта у кандидатов на вакансию¹⁰. Данные опроса¹¹ ВЦИОМ, проведенного совместно с Национальным агентством развития квалификаций (НАРК) в 2020 году, показывают важность наличия таких общепрофессиональных компетенций, как умение работать в коллективе, готовность к самообразованию, навыки деловой коммуникации, инициативность и применение информационно-коммуникационных технологий (рис. 6). Указанные качества набрали более 4 баллов по шкале важности для работодателей.

¹⁰ Ендовицкая В. Кому нужен диплом. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/25/844493-nuzhen-diplom> (дата обращения 10.10.2021).

¹¹ Опрошено более 13000 работодателей – руководителей предприятий, линейных руководителей и сотрудников HR-служб. От них были получены данные о 4691 квалификации.

Рис. 6. Оценка работодателями необходимости общепрофессиональных компетенций у работников с квалификацией на предприятии, средний балл по пятибалльной шкале

Источник: Работодатели определили требования к кандидатам:

топ-5 востребованных компетенций на российском рынке труда: аналитический обзор (ВЦИОМ).

URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabotodateli-opredelili-trebovaniya-k-kandidatam-top-5-vostrebovannykh-kompetencij-na-rossijskom-rynke-truda> (дата обращения 10.10.2021).

Еще один качественный показатель трудового потенциала молодежи – здоровье. Необходимо отметить, что он дает наибольший вклад в общий индекс качества трудового потенциала молодых людей. Как видно из табл. 7, доля отличных и хороших оценок здоровья у молодежи вдвое выше, чем у представителей более старших поколений.

Индекс физического здоровья также более высокий среди лиц в возрасте до 35 лет. Конечно, это в первую очередь связано с физиологическими особенностями человеческого организма, который, как известно, с возрастом утрачивает преимущества. Результаты мониторинга свидетельствуют, что разница в значениях индекса физического здоровья между людьми моложе и старше 35 лет в пользу первых сохраняется на протяжении всего периода измерений.

Тем не менее, показатели здоровья современной молодежи все же вызывают беспокойство. Результаты исследований говорят о том, что, несмотря на исходный (как хороший, так и не очень) потенциал здо-

ровья в начале жизненного пути, он расстрачивается уже в подростковом возрасте, «к старшим классам доля детей с хроническими заболеваниями достигает 75%» [44]. Это происходит, в том числе, «из-за отсутствия навыков здорового образа жизни» [45]. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ожидаемая продолжительность здоровой жизни¹² у российской молодежи (в возрасте 20 лет) не превышает 40 лет, тогда как у их ровесников из Западной Европы достигает 55 лет [46].

Среди основных запросов рынка труда к молодым работникам не последнее место занимают творческий потенциал, восприимчивость к нововведениям, креативность, т. е. те качества, которые в значительной степени детерминируют успешность инновационных процессов на макроуровне и успешность в трудовой деятельности для самого работника. Мониторинг качества трудового потенциала показывает, что доля молодежи, активно использующей (на пределе возможностей) свои творческие способности, со-

¹² Ожидаемая продолжительность здоровой жизни – комплексный показатель здоровья, определяющий средний промежуток времени, в течение которого ожидается, что человек проживет в определенном состоянии здоровья, при неизменном уровне смертности и заболеваемости.

Таблица 7. Самооценка собственного здоровья в возрастном разрезе, %

Возраст респондентов	Здоровье				
	отличное	хорошее	удовлетворительное	плохое	очень плохое
До 35 лет	14,9	41,4	39,0	3,4	1,3
Старше 35 лет	6,0	29,6	56,9	6,2	1,3

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 год.

Таблица 8. Динамика оценок населения Вологодской области относительно степени использования в работе творческих способностей*, %

Вариант ответа	Год							
	2009	2011	2012	2014	2016	2017	2018	2020
Очень мало (по минимуму)	9,9	13,9	11,5	11,2	11,1	10,8	10,8	8,6
Частично (мало)	26,2	27,9	24,1	20,3	23,4	19,3	19,3	19,9
Более-менее полно (могу использовать больше)	42,6	37,9	42,0	39,9	40,7	43,8	44,6	42,0
В полной мере (на пределе своих возможностей)	21,2	20,2	22,4	28,5	24,8	26,2	25,4	29,4

* Вопрос «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой степени используете свои качества и умения?» включен в анкету в 2009 году при разработке методики оценки уровня реализации качества трудового потенциала. Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2009–2020 гг.

ставляет около трети от числа тех, кто работает (табл. 8). Большинство же (42%) особенно усердствует в этом направлении, признавая, что может проявлять творческие (изобретательские и т. д.) усилия в большей степени.

Нужно отметить, что индекс интеллектуального потенциала¹⁵ молодых людей имеет тенденцию к понижению (с 0,618 ед. в 1997 году до 0,570 ед. в 2020 году). Составляющие индекса: творческие способности и уровень знаний (когнитивный потенциал) – демонстрируют те же понижательные тенденции (рис. 7). Однако при этом значения индекса когнитивного потенциала молодых людей ниже, чем у старших поколений. Возможно, это связано с тем, что молодежь еще только находится на этапе получения профессионального образования. Значения же творческого потенциала – выше, что соответствует самой сути молодежного возраста, времени легкой восприимчивости новых идей, инициатив, овладения новейшими знаниями.

Социальные притязания молодежи в трудовой деятельности в рыночной экономике являются скорее доминантными и паритетными, чем ведомыми во взаимодействии с институтами высшего образования и рынка труда. То есть можно говорить о влиянии психологического на социально-экономическое, что подтверждает значение социокультурных факторов в жизни современного российского общества, показанное в ряде исследований [47; 48]. Сегодняшний уровень притязаний молодежи демонстрирует высокие запросы в сторону увеличения как желаемых благ (заработная плата, жилье, автомобиль и т. д.), так и общественного признания (престижная работа, карьера). Согласно данным мониторинга качества трудового потенциала, среди молодежи заметно выросла доля тех, кто планирует «продвинуться по службе, сделать карьеру» – с 26% в 1997 году до 34% в 2020 году; «заняться общественной деятельностью, возможно, стать депутатом, одним из лидеров партии,

¹⁵ В соответствии с принятым в исследовании подходом измерение интеллектуального компонента трудового потенциала осуществляется посредством оценки когнитивной и творческой составляющих.

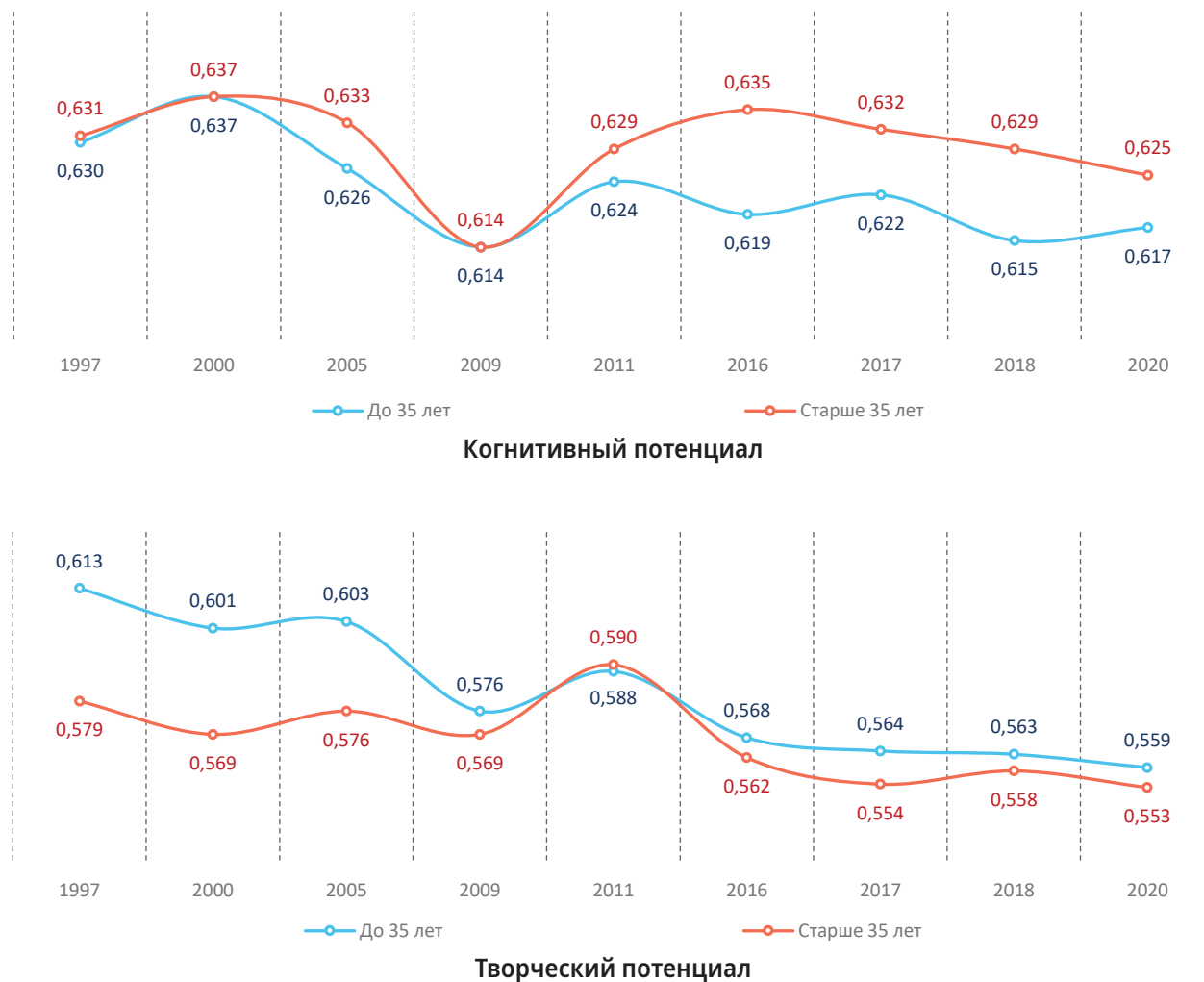

Рис. 7. Динамика компонентов, составляющих индекс интеллектуального потенциала населения Вологодской области, в разрезе возрастных групп, ед.

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2020 гг.

движения, профсоюза» – с 3 до 9%; «занять высокое положение в обществе» – с 14 до 17%; «добиться общественного признания (получить награды, знаки отличия)» – с 10 до 17%.

Интересны, в связи с этим, оценки ряда утверждений об отношении общества к молодежи в контексте ее готовности к трудовой жизни. Как видно из табл. 9, наибольшую популярность у старших возрастов имеют ответы о завышенных требованиях молодых людей к уровню заработной платы (61%), а в оценках молодежи – о предпочтениях работодателей более опытных работников (61%). Однако частично и она признает, что, предъявляя завышенные требования к уровню заработной платы, усложняет свое трудоустройство.

Реализация трудового потенциала молодежи

Исследование показывает, что молодежь демонстрирует наибольшую готовность к реализации своего трудового потенциала. Это проявляется не только в декларации собственных намерений, но и на практике (табл. 10). Так, освоением новых знаний и навыков, личностным и профессиональным развитием занимаются 23,9% молодых людей, изучением и использованием новых технологий – 17,7%, изучением иностранного языка – 16% и т. д. Стоит оговориться, что в силу возрастных особенностей молодежь сильнее вовлечена в различные образовательные программы, в результате чего данные оценки могут быть завышены. Тем не

Таблица 9. Распределение ответов респондентов Вологодской области на вопрос «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет			Среднее
	18–29	30–49	старше 50	
При прочих равных условиях при приеме на работу работодатель отдаст предпочтение более опытному работнику, невзирая на его возраст	61,1	62,5	58,9	60,7
Молодые люди зачастую не могут найти работу, т. к. имеют завышенные требования к уровню заработной платы	49,3	61,7	61,2	59,2
При приеме на работу работодатель отдаст предпочтение более молодому сотруднику в связи с его гибкостью, высокой восприимчивостью ко всему новому	49,9	53,7	55,3	53,7
Молодые специалисты не обладают достаточной мотивацией для качественного выполнения трудовых обязанностей	33,7	42,6	46,5	42,6
Молодежь без опыта работы совсем не готова к трудовой жизни	36,5	41,4	46,0	42,4

Источник: данные социологического опроса населения СЗФО о социокультурных факторах модернизации российского общества. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017 год.

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы готовы...?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Готовы реализовать		Уже реализуют	
	молодежь	все население	молодежь	все население
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	60,2	41,8	23,9	16,4
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	60,2	47,5	17,7	11,5
Изучить иностранный язык	40,8	24,2	16,0	6,9
Стать высококлассным специалистом	65,4	39,1	14,1	12,5
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	59,4	42,5	13,4	9,3
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	49,2	31,0	7,6	4,5
Организовать собственное дело, семейный бизнес	42,2	25,4	5,0	3,8
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	45,6	24,0	5,0	2,7
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий)	24,4	15,5	3,3	2,7

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год.

менее, сам факт готовности и практических действий позволяет судить о возможностях к преодолению существующих барьеров, препятствующих самореализации молодежи в трудовой деятельности.

Вместе с тем значительных различий в уровне реализации¹⁴ трудового потенциала между молодыми работниками и старшим поколением не наблюдается (табл. 11). Однако сопоставление данного показателя

¹⁴ Методика оценки уровня реализации качества трудового потенциала основана на блоке вопросов «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой мере используете свои качества и умения?», с использованием четырехбалльной шкалы. Полученные в результате анкетирования баллы переводятся в дальнейшем, путем деления фактического числа баллов на максимально возможное, в индексы. Они соответствуют восьми базовым индексам качества трудового потенциала и условно названы индексами уровня реализации трудового потенциала.

Таблица 11. Оценка качества трудового потенциала и уровня его реализации в возрастном разрезе

Возраст	Качество							
	физическое здоровье	психическое здоровье	когнитивный потенциал	творческий потенциал	коммуникабельность	культурный уровень	нравственный уровень	потребность в достижении
Располагаемый трудовой потенциал, индекс								
До 35 лет	0,758	0,797	0,619	0,567	0,746	0,712	0,781	0,688
Старше 35 лет	0,696	0,764	0,635	0,560	0,724	0,694	0,781	0,630
Уровень реализации трудового потенциала, %								
До 35 лет	82,5	83,0	80,0	71,4	82,9	81,3	82,3	72,7
Старше 35 лет	83,8	82,3	79,4	71,3	81,5	79,4	81,5	70,2
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год.								

с индексами качественных характеристик позволяет увидеть, например, что старшее поколение более полно использует физическое здоровье, а молодежи в этом плане проявлять особое напряжение не нужно, поскольку состояние здоровья пока не вызывает особых забот со стороны его обладателей.

Также можно обратить внимание на уровень реализации социальных притязаний молодых людей. Превышение этого показателя еще раз говорит о том, что потребность в достижении жизненного успеха в молодом возрасте является одним из важных посылов рынку труда.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что на рынок труда выходит все меньше молодежи и такая ситуация продолжится в ближайшей перспективе. В связи с этим особое внимание рынка труда направлено на качественные характеристики молодых людей, их компетенции, готовность к реализации своего трудового потенциала и самореализации в достижении жизненного успеха. Вместе с тем при трудоустройстве молодежь сталкивается с разного рода ограничениями и барьерами, например, стереотипами работодателей в отношении молодых, завышенными запросами самих молодых людей, несоответствием предложения и спроса ва-

кансий и т. д. Особенно остро стоят вопросы оплаты труда, что, конечно, вполне объяснимо с точки зрения притязаний молодежи на быстрое достижение материального благополучия [1]. В связи с этим оправдано наше намерение сосредоточиться на анализе трудового потенциала молодежи и запросов к указанной возрастной группе со стороны рынка труда. Эти тенденции, скорее всего, будут сохраняться и далее, что потребует внесения значительных корректив в процесс подготовки высококвалифицированных кадров, начиная с грамотной системы профориентации. Проведенный авторами анализ существующих запросов рынка труда к молодежи выявил актуальные проблемы молодых людей на рынке труда и его запросы, требующие новых акцентов в государственной политике занятости.

Согласно прогнозам Минтруда России по развитию рынка труда, сделанным в ходе разработки Правительством Российской Федерации стратегических инициатив социально-экономического развития России до 2030 года, именно молодежь должна стать ключевой возрастной группой с точки зрения обеспечения ускоренного развития страны. Для реализации прогноза и по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина¹⁵ в октябре 2021 года разработана долгосрочная программа содействия за-

¹⁵ Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам Петербургского международного экономического форума от 26 июня 2021 года № Пр-1096. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401294657> (дата обращения 28.10.2021).

нятости молодежи (пункт 2а), предусматривающая меры, направленные на вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. Особое внимание обращено на содействие занятости граждан Российской Федерации в возрасте до 24 лет. По оценкам экспертов, реализация программы позволит к 2030 году увеличить вовлеченность молодежи в экономику почти на четверть (до 69,5%)¹⁶.

В программе предусмотрены следующие направления:

- формирование эффективных карьерных траекторий молодых людей; планируются мероприятия по расширению программ профориентирования (например, по промышленному туризму, знакомству с работой различных организаций), созданию публичной биржи навыков, востребованных работодателями и изменяющихся с течением времени и при внедрении новых технологий, упрощению найма подростков, для того чтобы дать им возможность зарабатывать на своих увлечениях (писать программные продукты, вести блоги, выполнять заказы в области дизайна и т. д.);

- усиление практических навыков у студентов, развитие предпринимательских компетенций путем обучения предпринимательским компетенциям по выбору учащихся вне зависимости от основного направления обучения, установления обязанности учебных заведений обеспечить место

для практики студентов при сохранении возможности самостоятельного устройства на практику по специальности и т. д.;

- создание условий для совмещения получения профессионального образования и трудовой деятельности посредством развития мероприятий по поддержке предпринимательской инициативы, использования волонтерской деятельности в качестве опыта первой работы;

- снижение молодежной безработицы (субсидирование трудоустройства молодежи, обучение незанятых молодых людей, содействие трудовой мобильности).

В статье сделана попытка охватить ряд запросов рынка труда к российской молодежи, представленных, в том числе, в вышеназванной программе содействия молодежной занятости до 2030 года, что свидетельствует об их актуальности и теоретической и практической значимости. Проблемы молодых людей на рынке труда, находящиеся в центре внимания программы, имеют многолетнюю историю, что показали динамические ряды мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ поддержки молодежной занятости и в процессе выработки оперативных мер политики содействия занятости молодежи как на уровне регионов, так и на страновом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
2. Клячко Т.Л., Семионова Е.А. Неформальная занятость молодежи // Экономическое развитие России. 2019. № 8. С. 82–92.
3. Блинова Т.В., Вяльшина А.А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 61–72. DOI: 10.7868/S0132162518040074
4. Маслюкова Е.В., Мокроусова Д.И., Покусаенко М.А. Прекаризация занятости молодежи в контексте последствий пандемии COVID-19 // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15. № 3. С. 440–454. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.440-454>
5. Одегов Ю.Г., Бабынина Л.С. Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 386–409. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.20>

¹⁶ Владимир Путин оценил разработанную Минтрудом и АСИ программу содействия занятости молодежи. URL: <https://asi.ru/news/184245> (дата обращения 05.11.2021).

6. Попов А.В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) // Вестн. НГУЭУ. 2016. № 4. С. 215–223.
7. Попов А.В., Соловьева Т.С. Барьеры реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 251–268. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.13
8. Устинова К.А., Попов А.В. Включение молодежи в трудовую деятельность: ментальные барьеры и направления их преодоления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 333–346. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.15>
9. Степин Е.И. Государственно-частное партнерство и занятость молодежи: проблемы трудоустройства молодежи и некоторые пути их решения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 2 (10). С. 12–15.
10. Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 339 с.
11. Мозольцова Н.А., Маркова Н.А. Занятость молодежи: реалии и перспективы // Научные проблемы водного транспорта. 2014. № 39. С. 82–94.
12. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: инф. бюл. / М.В. Лопатина [и др.]; под науч. ред. С.Ю. Рощина, В.Н. Рудакова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 72 с.
13. Охотников О.В., Казакова Ю.Е. Трудоустройство выпускников вуза как проблема системы российского образования // Вестн. УрФУ. Сер.: Экономика и управление. 2019. Т. 18. № 3. С. 431–449. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.3.022
14. Забелина О.В., Асалиев А.М., Дружинина Е.С. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473
15. Леньков Р.В. Некоторые аспекты государственного регулирования молодежной занятости // Вестн. Университета. 2003. № 2 (7). С. 117–121.
16. Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Труд глазами студенческой молодежи: деньги или интерес? // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф., 9–11 октября 2019 г. СПб.: Реноме, 2019. С. 466–474. DOI: 10.25990/hse.conf-15.stjy-wc55
17. Цыганкова И.В., Мячин Ю.В. Трудовые ресурсы молодежи на рынке труда России и Франции // Экономика труда. 2019. № 2. С. 735–746. DOI: 10.18334/et.6.2.40680
18. Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Новые формы занятости и готовность работающего населения России к активному поведению на рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4 (33). С. 13–27.
19. Механизмы трудоустройства российской молодежи / Е.М. Авраамова [и др.]. М.: Дело, РАНХиГС, 2017. 106 с.
20. Селиванова З.К. Ранняя профориентация как насущная задача государственной политики // Власть. 2013. № 4. С. 136–139.
21. Курбатова А.С., Рубцова Н.В., Калачев Е.Ю. Проблемы и перспективы профориентационной работы в современных условиях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 4 (29). С. 119–122. DOI: 10.26140/anip-2019-0804-0096
22. Левина Е.В., Дудин М.Н. Проблема занятости молодежи в контексте глобальной цифровизации и использования сетевых технологий // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 6. С. 519–536. DOI: 10.18334/et.7.6.110209

23. Разумова Т.О., Янчук О.Ю. Возможности и риски дистанционных форм занятости для студентов и выпускников высших учебных заведений // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 85–98. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98
24. Kluve J. Youth labor market interventions. *IZA World of Labor*, 2014, no. 106. DOI: 10.15185/izawol.106; Gimpelson V. The labor market in Russia, 2000–2017. *IZA World of Labor*, 2019, no. 466. DOI: 10.15185/izawol.466
25. Caliendo M., Schmidl R. Youth unemployment and active labor market policies in Europe. *IZA Journal Labor Policy*, 2016, vol. 5, iss. 1. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40173-016-0057-x>
26. *Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the Future of Jobs*. International Labour Office. Geneva: ILO, 2020. 184 p.
27. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. *OECD Working Paper*, 2016, no. 189. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en>
28. Horrillo Sh.J. [et al.]. A positive youth development approach to college and career readiness. *Journal of Youth Development*, 2021, vol. 16, iss. 1, pp. 74–99. DOI: 10.5195/jyd.2021.966
29. Егоров В.Д. Методологические аспекты изучения трудового потенциала населения. М.: Экон-Информ, 2002. 101 с.
30. Костаков В.Г. Трудовые ресурсы и трудовой потенциал // Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г.Г. Меликьяна, Р.П. Колосовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 625 с.
31. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006. 259 с.
32. Иванова Т.Н. Социально-трудовой потенциал молодежи как показатель развития региона // Карельск. науч. журн. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 256–260.
33. Социально-трудовой потенциал молодежи региона как основа инновационной активности и модернизации российского общества / И.В. Цветкова [и др.] // Регионология. 2013. № 3. С. 97–103.
34. Симакова А.В. Формирование социально-трудового потенциала молодежи в Арктической зоне Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Архангельск: САФУ, 2021. 32 с.
35. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования. М., 1987. 32 с.
36. Леонидова Г.В., Попов А.В., Россошанская Е.А. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 192 с.
37. Белый О.И. Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 156–158.
38. Забелина О.В., Асалиев А.М., Дружинина Е.С. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473
39. Константиновский Д.Л. Российская молодежь перед современными вызовами рынка труда // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. ст. Междунар. форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех», 4–5 февраля 2019 г. / под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 210–214.
40. Натхов Т., Полищук Л. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 30–51.
41. Бойко Л.И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 78–83.
42. *Global trends in youth employment*. Geneva, ILO Publications (Rights and Permissions), 2006. 69 p.

43. Чередниченко Г.А. Молодежь с заочным высшим образованием: пути в сфере образования и трудовые позиции // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 20–21 апреля 2020 г. М.: Перспектива, 2020. С. 114–121.
44. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Условия жизни семей с новорожденными детьми и факторы формирования здоровья в детстве // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 106–114.
45. Шабунова А.А. О формировании института самосохранительного поведения молодежи // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 20–21 апреля 2020 г. М.: Перспектива, 2020. С. 44–54.
46. Tompson W. Healthcare reform in Russia: Problems and PRospects. *Economics Department Working Papers № 538*. Paris: OECD, 2007.
47. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Ушаков Д.В. Психологические факторы экономического поведения: системный взгляд // TerraEconomicus. 2018. Т. 16. № 1. С. 20–36. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-20-36
48. Тихонов А.В., Леньков Р.В. Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 158–168. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.11

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Кирилл Олегович Димони – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: feodosypriest@gmail.com

Leonidova G.V., Dimoni K.O.

LABOR POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE: DEMANDS OF CONTEMPORARY LABOR MARKET

Young people as a special socio-demographic group performs important social functions. On the one hand, it inherits the achieved level and ensures the continuity of the development of society and the state; on the other hand, it forms the image of the future and carries the function of social reproduction, has an innovative potential that can influence the development of the country and its regions. Even when they are just getting involved in social and labor relations, young people are already facing serious challenges of the labor market concerning the choice of profession, employment problems, compliance with the requirements of workplaces, the spread of non-standard forms of employment, as well as the gradual contraction of the labor market. In addition, the shares of the age groups of 20–24 and 25–29 years in the structure of the employed population of the Russian Federation are steadily decreasing, which causes a challenge to the quality of their labor potential and the ability to meet this challenge. The purpose of the work is to analyze the qualitative characteristics of young people and the emerging trends of their employment within the framework of modern changes in the labor market. The information base for the analysis is Rosstat data on employment and unemployment issues among youth and the results of sociological surveys, conducted by VolRC

RAS in the Vologda Oblast on the quality of labor potential in 1997–2020. The article examines trends in the number of youth demographic groups, employment and unemployment rates, as well as such labor market demands as the quality of youth labor potential, its employment, the rate of labor potential realization. We have shown that a significant part of young people work in conditions of unstable social and labor relations, which means that they often face the risk of losing their jobs and earnings. The paper considers the issues of youth's readiness for work. The scientific significance of the article is connected with the actualization of the above issues in the perspective of the program for promoting youth employment in the Russian Federation until 2030, developed on behalf of the President of the Russian Federation. The novelty of the study is to identify the current problems of modern youth cohorts in the labor market that require new accents in the contemporary policy of youth employment support. Its results can be used in the development of youth employment programs at the meso- and macrolevels.

Young people, employment, labor market, labor potential quality.

REFERENCES

1. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From Proto-Class to New Class]. Moscow: Nauka, 2018. 350 p.
2. Klyachko T.L., Semionova E.A. Informal youth employment. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii=Russian Economic Development*, 2019, no. 8, pp. 82–92 (in Russian).
3. Blinova T.V., Vyal'shina A.A. Structure of informal employment of youth in the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2018, no. 4, pp. 61–72. DOI: 10.7868/S0132162518040074 (in Russian).
4. Maslyukova E.V., Mokrousova D.I., Pokusaenko M.A. Precarization of the youth's employment in the context of Covid-19 pandemic consequences. *Russian Journal of Economics and Law*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 440–454. DOI: 10.21202/2782-2923.2021.3.440-454 (in Russian).
5. Odegov Yu.G., Babynina L.S. Precarious employment as a possible factor behind the use of youth labor force potential in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2018, no. 4, pp. 386–409. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.20> (in Russian).
6. Popov A.V. Employers' requirements to the quality characteristics of the young workers (case study of the Vologda region). *Vestnik NGUEU=Vestnik NSUEM*, 2016, no. 4, pp. 215–223 (in Russian).
7. Popov A.V., Solov'eva T.S. Barriers to the fulfilment of young people's potential in their work activities. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 251–268. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.13 (in Russian).
8. Ustinova K.A., Popov A.V. Inclusion of young people in the work: Mental barriers and ways to overcome them. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2018, no. 6, pp. 333–346. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.15> (in Russian).
9. Stepin E.I. Public-private partnership and youth employment: Problems of youth employment and some ways of their decision. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom=Professional Education in Russia and Abroad*, 2013, no. 2 (10), pp. 12–15 (in Russian).
10. Shabunova A.A. et al. *Sotsial'naya uyazvimost' v regional'nom soobshchestve: eksklyuziya i sovremennye mekhanizmy ee preodoleniya* [Social Vulnerability in the Regional Community: Exclusivity and Modern Mechanisms to Overcome It]. Vologda: VolRC RAS, 2018. 339 p.
11. Mozoltsova N.A., Markova N.A. Youth employment: Realities and prospects. *Vestnik VGAVT=Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport*, 2014, no. 39, pp. 82–94 (in Russian).

12. Lopatina M.V. et al. *Vypuskniki srednego professional'nogo i vysshego obrazovaniya na rossiiskom rynke truda: informatsionnaya byulleten'* [Graduates of Secondary Vocational and Higher Education in the Russian Labor Market: Newsletter]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 72 p.
13. Okhotnikov O.V., Kazakova Yu.E. Employment of graduates as a problem of the Russian education system. *Vestnik UrFU. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 431–449. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.3.022 (in Russian).
14. Zabelina O.V., Asaliev A.M., Druzhinina E.S. Problems of the youth segment of the Russian labor market and novelties of the youth employment policy. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*, 2021, vol. 8, no. 9, pp. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473 (in Russian).
15. Len'kov R.V. Some aspects of state regulation of youth employment. *Vestnik Universiteta=Bulletin of the University*, 2003, no. 2 (7), pp. 117–121 (in Russian).
16. Tarasova A.N., Andrianova E.V. Labor through the eyes of students: Money or interest? In: *Usloviya i sposoby povysheniya aktivnosti molodezhi kak sub'ekta innovatsii i ustoichivogo razvitiya regionov: materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 9–11 oktyabrya 2019 g.* [Conditions and Ways to Increase the Activity of Youth as the Subject of Innovation and Sustainable Development of Regions: Materials of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference, October 9–11, 2019]. Saint Petersburg: Renome, 2019. Pp. 466–474. DOI: 10.25990/hse.conf-15.stjy-wc55 (in Russian).
17. Tsygankova I.V., Myachin Yu.V. Labor resources of youth in the labor market of Russia and France. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*, 2019, no. 2, pp. 735–746. DOI: 10.18334/et.6.2.40680 (in Russian).
18. Zabelina O.V., Maiorova A.V., Matveeva E.A. New forms of employment in the Russian economy as the object of state regulation. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social & Labour Research*, 2018, no. 4 (33), pp. 13–27 (in Russian).
19. Avraamova E.M. et al. *Mekhanizmy trudoustroistva rossiiskoi molodezhi* [Mechanisms of Employment of Russian Youth]. Moscow: Delo, RANKhiGS, 2017. 106 p.
20. Selivanova Z.K. Early career-guidance as an urgent purpose of state policy. *Vlast'=The Authority*, 2013, no. 4, pp. 136–139 (in Russian).
21. Kurbatova A.S., Rubtsova N.V., Kalachev E.Yu. Problems and prospects of vocational guidelines in modern conditions. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya=Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2019, no. 4 (29), pp. 119–122. DOI: 10.26140/anip-2019-0804-0096 (in Russian).
22. Levina E.V., Dudin M.N. The problem of youth employment in the context of global digitalization and application of network technologies. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*, 2020, vol. 7, no. 6, pp. 519–536. DOI: 10.18334/et.7.6.110209 (in Russian).
23. Razumova T.O., Yanchuk O.Yu. Opportunities and risks of remote forms of employment for university students and graduates. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social & Labour Research*, 2021, no. 2 (43), pp. 85–98. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98 (in Russian).
24. Kluge J. Youth labor market interventions. *IZA World of Labor*, 2014, no. 106. DOI: 10.15185/izawol.106; Gimpelson V. The labor market in Russia, 2000–2017. *IZA World of Labor*, 2019, no. 466. DOI: 10.15185/izawol.466
25. Caliendo M., Schmidl R. Youth unemployment and active labor market policies in Europe. *IZA Journal Labor Policy*, 2016, vol. 5, issue 1. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40173-016-0057-x>
26. *Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the Future of Jobs*. International Labour Office. Geneva: ILO, 2020. 184 p.
27. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. *OECD Working Paper*, 2016, no. 189. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en>

28. Horrillo Sh.J. et al. A positive youth development approach to college and career readiness. *Journal of Youth Development*, 2021, vol. 16, issue 1, pp. 74–99. DOI: 10.5195/jyd.2021.966
29. Egorov V.D. *Metodologicheskie aspekty izucheniya trudovogo potentsiala naseleniya* [Methodological Aspects of Studying the Labor Potential of the Population]. Moscow: Ekon-Inform, 2002. 101 p.
30. Kostakov V.G. Labor resources and labor potential. In: Melik'yan G.G., Kolosova R.P. (Eds.). *Ekonomika truda i sotsial'no-trudovye otnosheniya* [Labor Economics and Social and Labor Relations]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1996. 625 p.
31. Toksanbaeva M.S. *Sotsial'nye interesy rabotnikov i ispol'zovanie trudovogo potentsiala* [Social Interests of Employees and the Use of Labor Potential]. Moscow: Nauka, 2006. 259 p.
32. Ivanova T.N. Social and labour potential of youth as an indicator of the region. *Karel'skii nauchnyi zhurnal=Karelian Scientific Journal*, 2016, vol. 5, no. 4 (17), pp. 256–260 (in Russian).
33. Tsvetkova I.V. et al. Social and labor potential of the region's youth as the basis of innovation activity and modernization of Russian society. *Regionologiya=Regionology*, 2013, no. 3, pp. 97–103 (in Russian).
34. Simakova A.V. *Formirovanie sotsial'no-trudovogo potentsiala molodezhi v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii: avtoreferat dissertatsiya. Kandidat sotsiologicheskikh nauk* [Formation of Social and Labor Potential of Youth in the Arctic Zone of the Russian Federation: Abstract Dissertation. Candidate of Sciences (Sociology)]. Arkhangel'sk: SAFU, 2021. 32 p.
35. Maslova I.S. *Trudovoi potentsial sovetskogo obshchestva: voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Labor Potential of the Soviet Society: Issues of Theory and Methodology of Research]. Moscow, 1987. 32 p.
36. Leonidova G.V., Popov A.V., Rossoshanskaya E.A. *Monitoring kachestva trudovogo potentsiala: 20 let regional'nykh issledovaniy* [Monitoring the Quality of Labor Potential: 20 Years of Regional Research]. Vologda: VolRC RAS, 2018. 192 p.
37. Belyi O.I. Definition of “youth” concept. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 2012, no. 12, pp. 156–158 (in Russian).
38. Zabelina O.V., Asaliev A.M., Druzhinina E.S. Problems of the youth segment of the Russian labour market and novelties of the youth employment policy. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*, 2021, vol. 8, no. 9, pp. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473 (in Russian).
39. Konstantinovskiy D.L. Russian youth before modern challenges of the labor market. In: Baimurzina G.R., Valiakhmetov R.M. (Eds.). *Budushchee sfery truda: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: sbornik statei Mezhdunarodnogo foruma “Budushchee sfery truda: dostoinyi trud dlya vseh”, 4–5 fevralya 2019 g.* [The Future of the World of Work: Global Challenges and Regional Development: Collection of Articles of the International Forum “The Future of the World of Work: Decent Work for All” February 4–5, 2019]. Ufa: Mir Pechati, 2019. Pp. 210–214 (in Russian).
40. Natkhov T., Polishchuk L. Engineers or Lawyers? Institutions and demand for higher education. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 2012, no. 10, pp. 30–51 (in Russian).
41. Boiko L.I. Transformation of higher education functions and social positions of students. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2002, no. 3, pp. 78–83 (in Russian).
42. *Global Trends in Youth Employment*. Geneva, ILO Publications (Rights and Permissions), 2006. 69 p.
43. Cherednichenko G.A. Youth with correspondence higher education: Ways in the field of education and employment positions. In: *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nye proekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitiy molodezhi: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20–21 aprelya 2020 g.* [State Youth Policy: National Projects 2019–2024 in the Social Development of Youth: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 20–21, 2020]. Moscow: Perspektiva, 2020. Pp. 114–121 (in Russian).
44. Shabunova A.A., Kondakova N.A. Life conditions for families with newborn children and factors of health formation in childhood. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2017, no. 3, pp. 106–114 (in Russian).

45. Shabunova A.A. On the formation of the institute of self-preservation behavior of youth. In: *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nye proekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitii molodezhi: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20–21 aprelya 2020 g.* [State Youth Policy: National Projects 2019–2024 in the Social Development of Youth: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 20–21, 2020]. Moscow: Perspektiva, 2020. Pp. 44–54 (in Russian).
46. Tompson W. Healthcare reform in Russia: Problems and Prospects. *Economics Department Working Papers № 538*. Paris: OECD, 2007.
47. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Ushakov D.V. Psychological factor of economic behavior: A systemic view. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 20–36. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-20-36 (in Russian).
48. Tikhonov A.V., Len'kov R.V. The role of institute of higher education in solving the issues of socio-cultural modernization of regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 158–168. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.11 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Kirill O. Dimoni – Researcher Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: feodosypriest@gmail.com

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.2

УДК 331.5;378 | ББК 65.24

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

ИНЕРЦИОННОСТЬ МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: n.ekimova@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

В статье раскрывается феномен структурной несогласованности рынка труда и реальной экономики с системой подготовки кадров в регионах России. Актуальность проблемы связана с риском возникновения в ближайшие годы масштабной безработицы из-за неготовности региональных систем высшего образования к потребностям постиндустриальной экономики. Для определения направлений искажения профессиональной структуры специалистов, подготавливаемых в региональных вузах, предложена типология моделей развития субъектов РФ, включающая пять разновидностей – культурно-досуговую, природно-ресурсную, инновационно-технологическую, гибридную и депрессивную; осуществлена идентификация всех регионов России в соответствии с принятой типологией. Для иллюстрации накопленных в регионах

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инерционность модели функционирования региональных вузов России в условиях постиндустриальной экономики // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 32–50. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.2

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Inertia of the model of functioning of Russia's regional universities in the post-industrial economy. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 32–50. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.2

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве РФ на 2021 год по теме «Политико-экономические закономерности функционирования и эволюции экономической системы России». Авторы выражают искреннюю признательность анонимному рецензенту за высказанные замечания к статье.

кадровых дисбалансов рассмотрены три субъекта РФ: Республика Дагестан, Камчатский край и Липецкая область. С этой целью выявлены отраслевые драйверы региональной экономики и сопоставлены долевые коэффициенты в отраслевой структуре ВРП, занятости и студентов. Показано, что наиболее важные и бурно развивающиеся секторы регионов не подкрепляются подготовкой соответствующих кадров, тогда как на рынок труда выпускается масса молодых специалистов, которые не могут быть востребованы местной экономикой. Кроме того, региональные вузовские системы нацелены на тотальное высшее образование, поддерживают превышение предложения на образовательные услуги над спросом на них, что полностью девальвирует сам институт высшего образования. Обсуждаются направления изменения структуры подготовки кадров в вузах и качества образования за счет радикального реформирования существующих программ обучения. Тем самым перед региональными университетами страны стоят задачи как количественной, так и качественной коррекции своей деятельности.

Занятость, университеты, регионы, региональное развитие, кадровые дисбалансы.

Введение:

новое общество – новое образование

Сегодня мир постепенно переходит к постиндустриальному укладу экономики с доминированием сферы услуг [1] и активным развитием таких направлений, как циклическая [2; 3], серебряная [4; 5] и одноранговая (сетевая) экономика [6], а также роботомика [7] и экономика досуга и впечатлений [8; 9]. Очевидно, что формат работы вузов, который был ими освоен в индустриальную эпоху, уже неэффективен и должен пересматриваться [10].

Главное изменение состоит в том, что на смену индустриальной модели массового образования приходит постиндустриальная модель индивидуального образования [11]. Второе изменение заключается в возрождении советской модели распределения выпускников в более современной форме, а именно: обязательной функцией вуза должно стать его активное участие в трудоустройстве выпускников [12]. Третья и не менее важная новация состоит в трансформации характера обучения – от передачи студентам конкретных знаний к развитию у них научной, деловой и технологической креативности [13].

Еще один обозначившийся мегатренд – инверсия процесса глобализации и переход к обратной тенденции – регионализации экономических интересов [14; 15]. Надвигающееся массовое высвобождение кадров в связи с широкой цифровизацией

и роботизацией экономики перебивает глобальные амбиции и требует решения проблем по принципу «здесь и сейчас». Учет указанного обстоятельства и ожидаемое обострение проблемы фрикционной и структурной безработицы предполагают совершенно иную стратегию вузов, которые отныне должны быть максимально ориентированы на нужды своего региона, на «близкие», локальные и конкретные, а не «дальние», глобальные и абстрактные задачи [16]. В связи с этим цель исследования состоит в выявлении накопленных структурных несоответствий в региональных системах высшего образования (СВО) на примере трех субъектов Федерации и направлений их ликвидации. Предполагается, что метод идентификации болевых точек региональных СВО универсален и может быть распространен на все регионы страны.

Типология регионов

Здесь и далее мы исходим из того, что вуз и его регион неразрывно связаны и не могут развиваться независимо друг от друга. Для определения стратегии администрация вуза должна, прежде всего, идентифицировать специфику своего региона. Стоит отметить, что в настоящее время не существует четкой классификации моделей развития регионов России. В отдельных источниках выделяют следующие модели регионального развития, выбор которых определяется преимущественно доступом к тем или иным инвести-

ционными ресурсам [17]: экспортеры сырья; технологические партнеры сырьевых экспортеров; инфраструктурно-логистические центры; инноваторы; концентраторы власти и ресурсов; национальные республики; национальные центры отдыха, туризма и экологии; депрессивные регионы, находящиеся в поиске собственной модели. По мнению авторов данного исследования, в большинстве случаев для регионов характерно сочетание указанных моделей, когда в зависимости от ситуации доминирует то одна, то другая.

В интересах текущего исследования, ориентированного на выработку стратегии развития региональных вузов, дадим более укрупненную классификацию моделей развития регионов. Для этого будем исходить из существования пяти типов моделей: природно-ресурсной, культурно-досуговой, инновационно-технологической, гибридной и депрессивной.

Природно-ресурсная модель (ПРМ) предполагает использование уникальных природных данных территории, будь то полезные ископаемые или плодородные земли края. Классическими примерами таковой могут служить Чукотский и Ямало-Ненецкий АО.

Культурно-досуговая модель (КДМ) направлена на эксплуатацию исторических достопримечательностей региона и новейших достижений индустрии отдыха и развлечений. Указанную модель в рафинированном виде реализуют республики Адыгея и Крым.

Инновационно-технологическая модель (ИТМ) ориентирована на разработку и создание новых научных направлений, рыночных продуктов и производственных технологий. Ее типичными примерами могут служить Калининградская и Калужская области.

Опыт показывает, что каждый субъект РФ так или иначе тяготеет к одной из названных моделей развития. Разумеется, возможны и гибридные модели (ГБМ), когда регион щедро наделен двумя или даже тремя преимуществами. Например, сегодня Москва и Санкт-Петербург являют собой примеры смеси КДМ и ИТМ развития. Однако важно отметить, что наряду с гибридной моделью

на основе богатой наделенности региона экономическими преимуществами есть и субъекты, не имеющие явных преимуществ и не нашедшие свои сильные места в масштабе национальной хозяйственной системы. Эту модель развития будем называть стагнирующей (СТМ). К разряду таковых относятся, например, Еврейская АО и Приморский край.

Модель развития региона имеет ключевое значение для его вузов, которые должны подстраиваться под нее. В связи с этим первый этап определения вузом своей стратегии состоит в понимании, какая модель развития реализуется регионом, для чего необходимо идентифицировать все субъекты РФ в соответствии с введенной типологией. Для этого можно предложить следующую двухшаговую формально-экспертную (или, пользуясь кибернетической терминологией, человеко-машинную) процедуру. На первом шаге происходит определение отраслевых драйверов региональной экономики на основе отбора отраслей с наибольшим удельным весом в ВРП и занятости. Получение этих первичных маркеров позволяет понять экономическую специализацию региона. На втором шаге осуществляется экспертная типология отраслей-драйверов согласно принятой системе: если все маркированные отрасли относятся к одной модели развития, то дальнейшая идентификация региона происходит автоматически, если же указанные отрасли представляют разные типы развития, то необходим содержательный анализ специфики субъекта Федерации. Если имеет место явный «перевес» отраслей-драйверов в пользу одной модели развития, то она и считается доминирующей; в противном случае региональной модели развития присваивается статус гибридной или стагнирующей. Формально отнесение региона к природно-ресурсной модели происходит, если сумма добывающей и аграрной отраслей составляет значимую величину в ВРП; для инновационно-технологической модели характерна значимая величина обрабатывающих производств и научной деятельности в ВРП, для культурно-досуговой – деятельность

в сфере гостиничного бизнеса, администрирования и культуры. При этом учитываются наметившиеся в последние годы перспективы развития той или иной модели региона.

Классификация субъектов РФ согласно предложенному алгоритму приведена в *табл. 1*; наличие двух моделей автоматически означает гибридную стратегию региона.

Таблица 1. Типология субъектов Российской Федерации

№	Регион	Тип развития региона			
		ПРМ	ИТМ	КДМ	СТМ
1	Алтайский край				
2	Амурская область				
3	Архангельская область (без АО)				
4	Астраханская область				
5	Белгородская область				
6	Брянская область				
7	Владимирская область				
8	Волгоградская область				
9	Вологодская область				
10	Воронежская область				
11	г. Москва				
12	г. Санкт-Петербург				
13	г. Севастополь				
14	Еврейская АО				
15	Забайкальский край				
16	Ивановская область				
17	Иркутская область				
18	Кабардино-Балкарская Республика				
19	Калининградская область				
20	Калужская область				
21	Камчатский край				
22	Карачаево-Черкесская Республика				
23	Кемеровская область				
24	Кировская область				
25	Костромская область				
26	Краснодарский край				
27	Красноярский край				
28	Курганская область				
29	Курская область				
30	Ленинградская область				
31	Липецкая область				
32	Магаданская область				
33	Московская область				
34	Мурманская область				
35	Ненецкий АО				
36	Нижегородская область				
37	Новгородская область				
38	Новосибирская область				
39	Омская область				
40	Оренбургская область				
41	Орловская область				
42	Пензенская область				
43	Пермский край				

№	Регион	Тип развития региона			
		ПРМ	ИТМ	КДМ	СТМ
44	Приморский край				
45	Псковская область				
46	Республика Адыгея				
47	Республика Алтай				
48	Республика Башкортостан				
49	Республика Бурятия				
50	Республика Дагестан				
51	Республика Ингушетия				
52	Республика Калмыкия				
53	Республика Карелия				
54	Республика Коми				
55	Республика Крым				
56	Республика Марий Эл				
57	Республика Мордовия				
58	Республика Саха (Якутия)				
59	Республика Северная Осетия – Алания				
60	Республика Татарстан				
61	Республика Тыва				
62	Республика Хакасия				
63	Ростовская область				
64	Рязанская область				
65	Самарская область				
66	Саратовская область				
67	Сахалинская область				
68	Свердловская область				
69	Смоленская область				
70	Ставропольский край				
71	Тамбовская область				
72	Тверская область				
73	Томская область				
74	Тульская область				
75	Тюменская область (без АО)				
76	Удмуртская Республика				
77	Ульяновская область				
78	Хабаровский край				
79	Ханты-Мансийский АО				
80	Челябинская область				
81	Чеченская Республика				
82	Чувашская Республика				
83	Чукотский АО				
84	Ямало-Ненецкий АО				
85	Ярославская область				

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Проведенная идентификация регионов позволяет сделать ряд определенных выводов. Во-первых, в стране по-прежнему доминирует производственный сектор, в том числе ориентированный на полезные ископаемые. Совокупная доля таких субъектов Федерации составляет 51,7% (ПРМ+ИТМ) от общего числа субъектов (*табл. 2*). КДМ, являющаяся ядром зарождающейся постиндустриальной экономики, пока затрагивает малую часть регионов. Примерно столько же регионов имеют стагнирующую модель развития, в которой не просматривается определенного отраслевого драйвера и перспектив развития какого-либо определенного вида деятельности. На *рис. 1* хорошо виден обширный Дальневосточный географический анклав на территории России, объединяющий регионы с СТМ развития. Кроме того, на основе данных *табл. 1* можно сделать следующие выводы.

Во-первых, треть регионов страны функционирует в рамках ГБМ, однако все они объединяют только две модели из трех возможных и ни в одном из них не реализован синтез всех трех моделей.

Во-вторых, в рамках гибридной модели в 20 регионах присутствует ПРМ, в 21 – ИТМ и в 14 – КДМ. Тем самым в субъектах РФ с комплексным развитием роль КДМ довольно велика, что подтверждает тезис о ее перспективности. Таким образом, более четверти регионов страны уже следуют в русле КДМ и, по-видимому, этот потенциал еще не исчерпан.

Рассмотренные модели развития российских регионов являются качественно различными и требуют совершенно разной структуры подготавливаемых кадров. Ниже оценим степень соответствия модели развития региона и деятельности местных вузов. Для определенности всех выводов рассмотрим три референтных для указанных моделей развития субъекта РФ – Республику Дагестан, Камчатский край и Липецкую область. В силу географической и исторической специфики указанных регионов свойства присущих им моделей развития выражены очень ярко и могут быть снабже-

Таблица 2. Стратификация моделей развития субъектов РФ

Модель развития региона	Чистые стратегии				ГБМ
	ПРМ	ИТМ	КДМ	СТМ	
Число регионов	16	28	8	6	28
Доля в общем числе, %	18,8	32,9	9,4	7,1	33,0

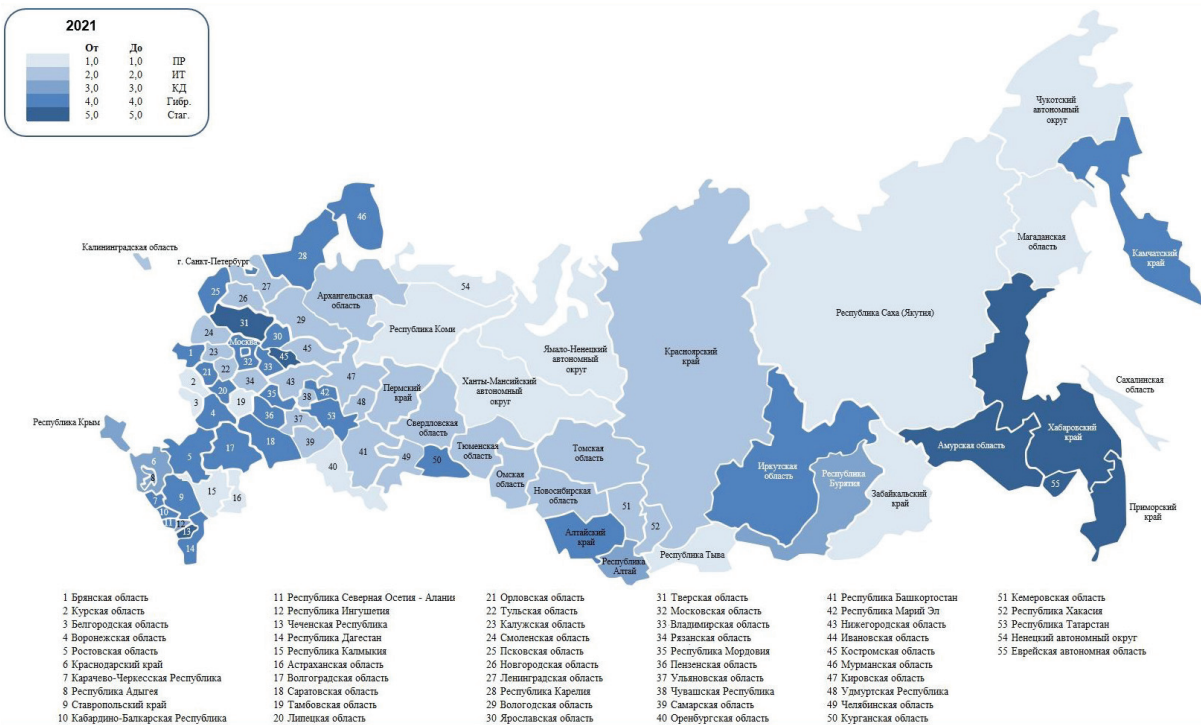

Рис. 1. География распространения моделей развития регионов на территории РФ

ны легкодоступным видеорядом из интернета, что делает эти примеры максимально «осязаемыми».

Идентификация модели развития региона: Республика Дагестан

Проанализируем экономическую специфику Республики Дагестан. Флагманом экономики Дагестана является агропромышленный комплекс, на долю которого приходится 1/6 ВРП и пятая часть занятого населения региона. По итогам 2020 года республика является одним из лидеров России по выращиванию овощей (8,6% – 1-е место), винограда (примерно 1/3 часть от производимого в стране объема – 1-е место), фруктов (4,4% – 7-е место) и риса (9,8% – 2-е место), разведению скота (в регионе сосредоточено 21,3% российского поголовья овец и коз (1-е место) и 5,3% поголовья крупного рогатого скота (3-е место)), производству коньяка (10,9% – 5-е место) и шерсти (25,4% – 1-е место) [18; 19].

Расширению агропромышленного комплекса способствует активное развитие смежных отраслей, таких как строительство и торговля. В частности, возведение в 2018–2019 гг. предприятий по производству рисовой крупы позволило региону перерабатывать до 60% выращиваемого в Дагестане риса, а гидромелиоративные мероприятия способствовали введению в оборот к уже имеющимся рисовым системам дополнительно 884 га земель. За счет этого в 2020 году урожай риса увеличился почти на 4 тыс. т [19], а его экспорт в Турцию и Азербайджан вырос в три раза [20].

Кроме того, благодаря уникальным природно-климатическим условиям регион обладает огромным потенциалом для развития различных направлений туризма: от горного и пляжного до лечебно-оздоровительного и культурно-познавательного. Несмотря на то, что данная отрасль только начинает набирать обороты, она является одним из приоритетных направлений развития региона и уже сегодня в совокупности с деятельностью гостиниц и предприятий

общественного питания занимает значительное место в структуре ВРП.

Таким образом, драйверами экономики Республики Дагестан выступают пять видов деятельности (по классификации ОКВЭД), которые дают более половины ВРП региона и вовлекают больше половины занятых (табл. 3). К ним относятся сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (раздел А); строительство (раздел F); торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (раздел G); деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (раздел I) и деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (раздел N)².

Таблица 3. Структура ВРП, занятости и студентов Республики Дагестан для отраслей-драйверов, %

Отрасль экономики региона	Доля отрасли в отраслевой структуре		
	занятые (2019)	ВРП (2019)	студенты (2021)
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	21,6	16,7	4,9
Строительство	12,8	15,5	3,3
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	18,1	20,3	2,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания + деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3,5	6,0	1,4
Итого	56,0	58,5	12,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и официальных сайтов вузов Республики Дагестан.

Для того чтобы оценить соответствие структур рынка труда и подготавливаемых кадров, обратимся к данным табл. 3, свидетельствующим о явном расхождении сравниваемых параметров: при почти 60% занятости населения региона в указанных отраслях число студентов местных вузов по этим направлениям составляет 12,4% всех

² Согласно классификация ОКВЭД данный раздел включает в себя оказание туристических услуг.

Таблица 4. Динамика развития отрасли туризма в Республике Дагестан

Показатель	2010 год	2019 год	Прирост за 2010–2019 гг., %
Въездной и внутренний туристский поток, тыс. чел.	219,2	850,0	287,8
Число занятых в сфере туризма, тыс. чел.	6,5	10,0	53,8
Подготовка кадров в сфере туризма, чел.	136	89	–34,6
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млн руб.	219,6*	1913,1	771,2
Изделия народных художественных промыслов, млн руб.	746,6	1173,0	57,1

* Оценка авторов.

Источник: Министерство по туризму и народным художественным промыслам Республики Дагестан. URL: <http://dagtourism.com/statistika>

учащихся³. Стоит отметить, что доля бюджетных мест в общем объеме подготовки по указанным направлениям составляет всего лишь 28,1%.

Сложившаяся структура дагестанской экономики представляет собой случай сочетания двух моделей развития – ПРМ (природные артефакты) и КДМ (исторические артефакты). Одновременно с этим ясно, что любые попытки превратить регион в промышленно развитый обречены на провал – Дагестан не богат природными ископаемыми, рельеф местности не способствует размещению заводов, а жители в основном не ориентированы на инженерную деятельность. Не удивительно, что на энергетику, добывающую и обрабатывающую промышленность, согласно данным Росстата, приходится всего лишь 6,5% ВРП. В целом, учитывая приведенные характеристики, экономику Дагестана можно идентифицировать как пример гибридной модели развития, в которой составляющая, связанная с ПРМ, является зрелой и достаточно стабилизировавшейся, а направление КДМ находится на растущем тренде и выступает в качестве ведущего драйвера модернизации региона.

В дальнейшем, судя по всему, Дагестан останется очагом постиндустриальной эко-

номики с развитой сферой туризма и смежных с ней отраслей. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим данные *табл. 4*. Они свидетельствуют, что туристический сектор и смежные отрасли в предыдущее десятилетие развивались в республике очень динамично. Согласно данным Министерства по туризму и народным промыслам Республики Дагестан, внутренняя емкость рынка туристов с 2010 по 2019 год увеличилась почти в четыре раза, а численность работников сферы туризма возросла более чем в полтора раза. Мощнейший импульс получили смежные отрасли: доход местной сферы промыслов увеличился более чем в полтора раза, а доход гостиничного сектора – почти в восемь раз⁴. Если учесть, что население Дагестана за период 2010–2019 гг. выросло всего на 7,5%⁵, то, согласно приведенным выше цифрам, именно туризм является для региона отраслевым драйвером развития экономики, объединяя природную (горы, реки, скалы, каньоны, водопады и т. п.) и историческую (древние крепости и города, краеведческие музеи, национальная кухня и т. п.) составляющие КДМ. При этом численность туристов в 2019 году достигла 27,5% населения республики, что говорит не только о большом значении отрасли, но и об

³ Число студентов рассчитывается исходя из контрольных цифр приема граждан на все формы обучения за счет бюджетных ассигнований и на места с оплатой стоимости. Такой подход возможен в связи с тем, что речь идет не столько об анализе общего количества учащихся, сколько об их структуре.

⁴ Динамика основных показателей туристической отрасли и НХП РД 2010–2021 гг. URL: <http://dagtourism.com/statistika>

⁵ Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://dagstat.gks.ru>

имеющихся в ней резервах для дальнейшего расширения, и лишний раз подтверждает положение о ее статусе драйвера региональной экономики. На фоне растущих показателей отрасли вопиющим диссонансом смотрится уменьшение на треть числа подготавливаемых в сфере туризма кадров за период 2010–2019 гг.

Таким образом, данные табл. 3–4 говорят о том, что в регионе имеет место определенная несогласованность между структурой экономики и рынка труда, с одной стороны, и системой подготовки кадров в региональных вузах – с другой. В частности, на фоне растущего рынка туристических услуг требуется пересмотреть стратегию подготовки специалистов в области туризма и смежных направлений. Так, в настоящее время по направлению 43.03.02 «Туризм» практически не осуществляется очная подготовка, обучение проводится преимущественно на платной основе (за исключением приема на 11 бюджетных мест на заочную форму обучения в филиале Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС) в г. Махачкале). По направлению 43.03.03 «Гостиничное дело» в том же Махачкалинском филиале РГУТИС выделено 6 бюджетных мест. Подготовка бакалавров по направлению 19.03.04 «Технология продукции и организация общественного питания» осуществляется в Дагестанском государственном аграрном университете (ДГАУ) имени М.М. Джамбулатова (15 бюджетных мест) и Дагестанском государственном университете (ДГУ; только платные места). Такой незначительный набор абитуриентов чреват тем, что один из ключевых драйверов экономики Дагестана в будущем рискует остаться без квалифицированных специалистов. Это, в свою очередь, может существенно осложнить развитие туристического бизнеса в регионе.

Похожая ситуация наблюдается и в смежных с туристической сферой отраслях, например строительстве. Это динамично

развивающаяся отрасль, прирост которой по численности занятости в последние несколько лет составляет порядка 4 тыс. человек в год⁶. Развитие туризма в регионе способствует активному расширению строительства дорог, гостиниц, мест общественного питания и т. п. Специалистов в сфере строительства готовят в Дагестанском государственном техническом университете (ДГТУ; 63 бюджетных места для подготовки бакалавров и 24 бюджетных места в магистратуру), Дагестанском государственном университете народного хозяйства (ДГУНХ; 50 бюджетных мест) и Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ) – филиале в г. Махачкале (только платное обучение). В то же время горная местность предполагает, что практически любое строительство – дорог или гостиниц – требует дипломированных специалистов по строительству уникальных зданий и сооружений, однако по этому направлению подготовки бюджетных мест ни в одном из вузов не предусмотрено. Очевидно, что необходимо пересматривать долю подготовки профессионалов в указанных сферах в сторону ее радикального увеличения.

Если говорить о других направлениях, то относительное структурное равновесие между спросом и предложением подготавливаемых кадров в Дагестане наблюдается по отраслям «Образование» (доли занятых, ВРП и студентов составляют 10,4, 5,8 и 14,2%) и «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (соответствующие доли 6,4, 4,4 и 6,6%). Подготовка кадров по этим жизнеобеспечивающим направлениям сосредоточена в Дагестанском государственном медицинском университете (ДГМУ) и Дагестанском государственном педагогическом университете (ДГПУ). В то же время показатель обеспеченности врачами на 10000 человек населения в Республике Дагестан почти на 14% ниже среднероссийского: 41,3 против 47,9 соответственно⁷. Это

⁶ Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://dagstat.gks.ru>

⁷ Данные Росстата.

говорит о том, что изменения в сторону увеличения требуются не только в структуре подготовки врачей, но и в самой структуре занятости в области медицины.

Опережающими темпами готовятся специалисты для отрасли «Деятельность в области информации и связи» (доли занятых, ВРП и студентов составляют 0,9, 1,6 и 7,6% соответственно), а также для добывающей промышленности (0,5, 0,5 и 2,0%). При этом в отличие от туристического сектора на долю подготовки по данным направлениям в рамках бюджетных ассигнований приходится 48,5 и 39,6% мест соответственно. Ситуация с количеством бюджетных мест по таким фундаментальным направлениям подготовки бакалавров, как 01.00.00 «Математика и механика» и 03.00.00 «Физика и астрономия», сопоставима с подготовкой бакалавров в области строительства (116 человек). Указанный перекоп чреват для региона возможной потерей кадров в будущем, когда в связи с отсутствием рабочих мест специалисты по данным направлениям вынуждены будут покидать Дагестан в поисках работы.

Еще одним примером несогласованности профессиональной подготовки и потребностей региона является область физической культуры и спорта. Со времен СССР в Республике Дагестан активно развивались спортивные единоборства, в частности вольная борьба. Спортсмены из Дагестана неоднократно поднимались на высшую ступень пьедестала на различных международных соревнованиях. Только в истории современной России дагестанские спортсмены завоевали 15 золотых олимпийских медалей⁸. Однако сегодня данный вид спорта переживает определенные трудности, связанные как с отсутствием спортивной инфраструктуры, так и профессиональных кадров⁹. И это неудивительно: подготовка профессиональных кадров по направлению 49.03.01 «Физическая культура», осуществляемая на базе Дагестанского государственного уни-

верситета, предусматривает только 15 платных мест по заочной форме обучения.

Проведенный анализ позволяет установить расхождения между структурой профессиональной подготовки в вузах Республики Дагестан и потребностями рынка и выявить направления ее корректировки. Алгоритм оптимизации квот бюджетных мест вузов по отраслям-драйверам Дагестана предполагает четыре аналитические стадии: идентификация отраслевых драйверов региона и определение перспективной модели его развития; оценка рассогласования в отраслевой структуре занятости и подготавливаемых специалистов в сфере высшего образования; определение объема необходимого перераспределения бюджетных квот региональных вузов по отраслям экономики; распределение общего объема потенциала перераспределяемых квот по конкретным университетам республики. При этом само перераспределение квот отнюдь не требует автоматического увеличения финансирования в сфере высшего образования. Речь идет о том, что необходимо переформатировать приоритеты и убирать бюджетные места в тех отраслях, которые являются вспомогательными и не столь востребованными для региона.

Идентификация модели развития региона: Камчатский край

Чрезвычайно своеобразным в экономическом отношении регионом России является Камчатский край. Главная его особенность состоит в отсутствии явно выраженных отраслевых драйверов, которые вносят основной вклад в ВРП края. Из данных *табл. 5* видно, что три отрасли, связанные с эксплуатацией природных богатств территории, обеспечивают больше трети ВРП, позволяя отнести модель развития региона к природно-ресурсной. Действительно, наличие в крае интенсивного морского рыболовства, экологического и экстремального туризма, а также геотермальных станций, использующих энергию вулканов, дает возможность

⁸ Страна борцов. URL: <http://wrestdag.ru/history>

⁹ Сажид Сажидов: «Нам сегодня необходима спортивная образованная молодежь, которая будет прославлять наш народ». URL: https://riadagestan.ru/news/interview/sazhid_sazhidov_nam_segodnya_neobkhodima_sportivnaya_obrazovannaya_molodezh_kotoraya_budet_proslavlyat_nash_narod

с полным основанием говорить о ресурсной ориентации Камчатки.

Таблица 5. Структура ВРП и занятости в Камчатском крае для отраслей-драйверов, %

Отрасль экономики региона	Доля отрасли в отраслевой структуре в 2019 году	
	занятые	ВРП
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	9,1	27,3
Добыча полезных ископаемых	2,1	4,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	4,9	3,6
Итого	16,1	35,7
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.		

Однако имеющиеся возможности полуострова недоиспользуются, в связи с чем в последние годы обозначился мощный восходящий тренд по развитию туризма (табл. 6). Если учесть, что население Камчатки за период 2010–2019 гг. уменьшилось на 2,3%¹⁰, то приведенные растущие показатели отрасли туризма говорят о том, что он выступает одним из безусловных драйверов экономики края. Таким образом, к ПРМ развития региона добавляются элементы КДМ, что, без сомнения, является продуктивным решением.

Но нельзя не отметить, что возможности интенсивного развития туризма близки

Таблица 6. Динамика развития отрасли туризма в Камчатском крае

Показатель	2011 год	2019 год	Прирост за 2011–2019 гг., %
Въездной и внутренний туристский поток, тыс. чел.	42,6	241,3	466,4
Число занятых в сфере туризма, тыс. чел.	5,8	9,0	55,2
Объем туристических услуг, млн руб.	425,6	1684,8	296,0
Источники: http://kamtime.ru/node/2197 ; https://www.rbc.ru/news/paper/2020/10/13/5f8412c69a7947606a55c229 ; https://istmat.info/files/uploads/54153/kamchatskiy_statisticheskij_ezhegodnik_2019.pdf ; http://docs.cntd.ru/document/446224058			

¹⁰ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю. URL: <https://kamstat.gks.ru>

к исчерпанию. Так, численность туристов в 2019 году составляла 76,7% населения края, что в 2,8 раза больше, чем в Дагестане, и говорит не только о громадном значении отрасли для региона, но и о большой нагрузке по приему гостей на местное население и инфраструктуру. Это предполагает дальнейшее расширение туристического потока при одновременном увеличении населения края и численности занятых в сфере туризма. В этом случае данная отрасль еще надолго останется драйвером экономики Камчатского края.

Активное развитие туризма на Камчатке может и должно стать драйвером развития всего края [21]. Например, равно как и в Дагестане, на Камчатке требуется интенсификация строительства дорог и гостиничных комплексов. Параллельно это потребует современного уровня и более масштабного развития деятельности в области информации и связи. Кроме того, в регионе крайне слабо представлена обрабатывающая промышленность, тогда как спрос на обработку продукции рыболовства и сельского хозяйства явно не удовлетворяется местными производствами. Тем самым для Камчатского края имеет смысл наращивать производственные мощности обрабатывающей промышленности, превращая его в регион с трехэлементной ГБМ развития.

Развитие обрабатывающей промышленности края позволит не только дать новые рабочие места его жителям, но и сделает экономику полуострова более самостоятельной и устойчивой. Возможность реализовать такой сценарий имеется и связана с уникальными природными особенностями региона – наличием вулканов с бесплатной тепловой энергией. Так, на Камчатке действуют две геотермальные электростанции – крупнейшая в России Мутновская ГеоЭС (МГЭС) мощностью 50 МВт и Верхне-Мутновская ГеоЭС (ВМГЭС) мощностью 12 МВт. Общая мощность двух станций – 62 МВт, тогда как более «грязные» технологии обеспечивают 364 МВт за счет Камчатской ТЭЦ-1 мощностью 204 МВт и Камчатской ТЭЦ-2 мощностью 160 МВт. При этом существует воз-

возможность увеличить мощность МГЭС за счет строительства новых очередей станции до 300 МВт и за счет роста эффективности работы действующей станции (78,5%) путем монтажа бинарного энергоблока мощностью 13 МВт¹¹. Таким образом, модернизация экологически чистой МГЭС позволит получить дополнительно примерно 260 МВт и построить еще один город, сопоставимый с Петропавловском-Камчатским, с развитой пищевой промышленностью.

Кроме того, наличие большого скопления вулканов превращает край в естественный мировой исследовательский центр в области геофизики и вулканологии. В настоящее время на территории региона действует Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, насчитывающий около 200 человек. Можно с уверенностью утверждать, что институт может быть превращен в глобальный научный центр, обеспечивающий стажировку и работу специалистов со всего мира.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в настоящее время система высшего образования Камчатского края очень слабо ориентирована на текущие и перспективные нужды региона. Подготовка специалистов ведется двумя местными вузами: Камчатским государственным техническим университетом (КамчатГТУ) и Камчатским государственным университетом (КамГУ) имени Витуса Беринга и тремя филиалами столичных вузов: Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России, Российского университета кооперации (РУК) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации. Примечательно, что филиалы ВАВТ, РУК и РАНХиГС готовят студентов по направлениям «Экономика», «Менеджмент», «Товароведение», «Юриспруденция», «Экономическая безопасность», «Таможенное дело» и «Государственное и муниципальное управление», которые, с одной стороны, имеются в арсенале местных университетов, а с другой –

не являются для Камчатского края приоритетными. Обращает на себя внимание и то, что по направлениям «Строительство», «Сервис» и «Туризм» ведется буквально штучная подготовка бакалавров и магистров, в основном в рамках внебюджетной формы обучения. Столь же странным представляется отсутствие в КамчатГТУ и КамГУ направления подготовки «Физика», тогда как в силу природных условий именно в камчатских вузах геофизика и вулканология должны быть представлены максимально широко.

В такой ситуации было бы правильно отказать от сомнительной помощи филиалов столичных вузов и произвести серьезную реструктуризацию подготовки кадров в местных вузах – КамчатГТУ и КамГУ. В указанных двух университетах необходимо развивать такие специальности, как геофизика, теплоэнергетика и вулканология, для которых в крае имеются рабочие места и перспективы дальнейшего развития. Одновременно можно полностью отказаться от большого массива направлений подготовки студентов, связанных с менеджментом, экономикой, социологией, психологией и т. п. Вместо этого необходимо развивать подготовку по направлениям «Туризм», «Гостиничное дело» и «Строительство». Характерно, что первая названная специальность лишь в 2019 году появилась в перечне специальностей вузов региона, но и то лишь в качестве краткосрочных (трехмесячных) курсов переподготовки специалистов¹².

Идентификация модели развития региона: Липецкая область

Еще одним примером гибридной модели развития, но с явным креном в сторону инновационно-технологической специализации может служить Липецкая область. Для иллюстрации отраслевой специфики экономики региона достаточно того факта, что три «созидательные» отрасли – сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и строительство – дают более полови-

¹¹ Схема и программа развития электроэнергетики Камчатского края на 2018–2022 гг.

¹² Камчатка туристическая: больше туристов, событий, возможностей. URL: <https://kam-kray.ru/news/16517-kamchatka-turisticheskaja-bolshe-turistov-sobytii-vozmozhnostei.html>

ны ВРП и формируют более 1/3 всех рабочих мест (табл. 7). Тем самым регион работает по принципу: выращиваем, строим и перерабатываем. Не будет преувеличением утверждение, что для России это образцовая модель развития региональной экономики.

Таблица 7. Экономические характеристики отраслей-драйверов Липецкой области, %

Отрасль экономики региона	Доля отрасли в отраслевой структуре в 2019 году		Относительная производительность труда
	занятых	ВРП	
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,8	11,6	148,7
Обрабатывающие производства	20,6	35,7	173,3
Строительство	7,2	7,3	101,4
Итого	35,6	54,6	153,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Обрабатывающая промышленность Липецкой области дает более 1/3 ВРП и 1/5 всех рабочих мест, что позволяет говорить об инновационно-технологической ориентации региональной экономики. Более того, Липецкая область является одним из регионов – чемпионов страны по уровню промышленного развития, занимая по показателю удельного веса обрабатывающих производств в ВРП пятую строчку после Тульской (38,4%), Вологодской (38,4%) и Калужской (38,0%) областей и Красноярского края (36,3%)¹³. Причем отставание от лидеров – Тульской и Вологодской областей – составляет лишь 2,7 п. п.

Обращает на себя внимание и тот факт, что три отраслевых «кита» Липецкой области не только дают основную массу дохода, но демонстрируют высокий уровень экономической эффективности – их относительная производительность труда по отношению к среднерегиональному уровню больше 100%. Причем наибольшие успехи характерны как раз для обрабатывающих производств

(см. табл. 7), что позволяет говорить об использовании отраслью эффекта масштаба. Такая технологическая основа выступает в качестве драйвера всех успехов региона.

Например, в 2019 году липецкими аграриями было собрано 105,4 тыс. т рапса, тогда как в 2010 году этот показатель составлял всего лишь 42,5 тыс. т при условии, что тогда под рапс было отведено в полтора раза больше пашни. Тем самым производительность выращивания рапса за 2010–2019 гг. выросла в 3,7 раза. В связи с этим важно подчеркнуть, что помимо благоприятных погодных условий такой успех был обеспечен благодаря высокопродуктивным сортам рапса, созданным учеными из Липецкого научно-исследовательского института рапса¹⁴. Таким образом, Липецкая область даже при использовании природных ресурсов активно опирается на технологические новшества, что лишний раз подчеркивает ее ориентацию на инновационно-технологическую модель развития.

В целом регион характеризуется довольно высокой степенью диверсификации обрабатывающей промышленности, что явилось одной из причин его высокой экономической устойчивости. Так, в самый тяжелый 2020 год, когда действовали ограничения из-за вируса COVID-19, ВРП области сократился только на 0,9% (на фоне общероссийского падения в 4%¹⁵).

Главным локомотивом экономики региона традиционно выступает Группа НЛМК (предприятия ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат»), являющаяся международным производителем высококачественной стальной продукции с вертикально-интегрированной моделью бизнеса. В кризисный 2020 год Группа НЛМК увеличила объем продаж на 3%. Масштаб экономической деятельности гиганта характеризуется следующими цифрами: годовой оборот – почти 500 млрд рублей (9,2 млрд долл.), что сопоставимо с ВРП Липецкой области;

¹³ Данные Росстата.

¹⁴ Литаврин С. Когда наука – драйвер экономики // LipetskMedia.ru. 2019. 29 октября. URL: https://lipetskmedia.ru/news/view/122747-Kogda_nauka.html

¹⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4770922>

чистая прибыль – 1,2 млрд долл.¹⁶; численность работников – почти 52 тыс. чел.; доля в российском производстве стали – 21%¹⁷.

Что касается СВО Липецкой области, то в ней сочетаются успехи и просчеты. Например, доля студентов, обучающихся в 2021 году по инженерно-технологическим направлениям, составляет 27,0%, т. е. находится между долей обрабатывающей промышленности в занятости экономики региона (20,6%) и ее долей в ВРП (35,7%; см. табл. 7). Это свидетельствует о хорошо поставленном воспроизводстве кадров для отрасли-драйвера области.

Однако доля студентов-медиков составляет 0,3% по сравнению с долей здравоохранения в занятости (9,4%) и ВРП (3,6%), что говорит о серьезном дефиците подготавливаемых врачей. На нехватку специалистов в этой области указывает и тот факт, что, согласно данным Росстата, по количеству врачей на 10000 человек населения регион находится на 66 месте по России, более чем в два раза уступая лидеру – г. Санкт-Петербургу (42,3 против 84,9 соответственно). Обучение студентов-медиков в Липецкой области производится на базе Елецкого государственного университета (ЕГУ) имени И.А. Бунина (24 платных места), тогда как большинство желающих получить столь важную для жизнеобеспечения региона специальность вынуждены ехать в соседние регионы. Похожая ситуация сложилась и в сфере воспроизводства специалистов-аграриев: доля студентов по сельскохозяйственным специальностям составляет 1,2% по сравнению с долей отрасли в занятости (7,8%) и ВРП (11,6%).

При этом в Липецкой области действует всего три местных вуза: Липецкий государственный педагогический университет (ЛГПУ) имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецкий государственный технический университет (ЛГТУ) и Елецкий государственный университет (ЕГУ) имени И.А. Бунина на фоне филиалов семи «сторонних» учреждений: Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал МГУТУ

им. К.Г. Разумовского); Липецкий институт кооперации (филиал Белгородского университета кооперации, экономики и права); Липецкий филиал РАНХиГС; Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Липецкий филиал Воронежского экономико-правового института; Липецкий филиал Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова; Елецкий филиал Российского нового университета.

Такой набор учебных заведений в области представляется крайне нерациональным. Во-первых, в регионе есть потребность в квалифицированных специалистах-аграриях, но нет специализированного сельскохозяйственного вуза; все студенты по данному направлению обучаются на специальных факультетах ЕГУ имени И.А. Бунина, что не может покрыть имеющийся в отрасли-драйвере спрос на кадры. В идеале нужно создать свой областной аграрный вуз. Если это невозможно, то открыть в области филиал аграрного вуза с хорошей репутацией; в крайнем случае, расширить аграрное направление в ЕГУ имени И.А. Бунина.

Во-вторых, аналогичным образом обстоит ситуация с подготовкой врачей, также сконцентрированной в ЕГУ имени И.А. Бунина. В этом случае можно с еще большей уверенностью говорить о необходимости создания своего медицинского вуза или открытия филиала ведущего медицинского вуза другого региона; расширить должным образом соответствующие факультеты в ЕГУ имени И.А. Бунина для адекватного обеспечения отрасли практически нереально.

В-третьих, по всем направлениям, по которым осуществляется подготовка специалистов в филиалах «чужих» вузов, в липецких университетах есть своя вполне достаточная учебная база. Вместо семи непрофильных для региона филиалов было бы разумно открыть два филиала «внешних» – аграрного и медицинского – вузов, а все учебные дисциплины из закрываемых филиалов перенести в местные вузы.

¹⁶ URL: <https://chr.plus.rbc.ru/news/5fd8606e7a8aa97641c102d4>

¹⁷ URL: <https://nlmk.com/ru/media-center/news-groups/q4-and-12m-2020-nlmc-group-trading-update>

Таблица 8. Спрос на услуги региональных вузов и их предложение, 2021 год, тыс. чел.

Регион	Форма обучения на бакалавриате/ специалитете (предложение)			Численность выпускников (спрос)			
	бюджетная	внебюджетная	всего	средних школ	СПО	поступающих в вузы после СПО	всего
Республика Дагестан	6,5	12,3	18,8	14,5	11,9	1,8	16,3
Камчатский край	0,5	2,2	2,7	1,6	1,2	0,1	1,7
Липецкая область	2,1	4,6	6,7	5,2	4,1	0,5	5,7

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора).

В-четвертых, в настоящее время доля студентов Липецкой области по наукам об обществе составляет 54,2%, что нельзя рационально объяснить. Такая масса общественных не может быть эффективно трудоустроена в региональной экономике с ИТМ развития. Это означает, что у области имеются возможности структурного маневра в подготовке кадров без больших финансовых вложений – за счет экономии средств на дисциплинах социального профиля.

Избыточное предложение услуг региональных СВО

Выше мы рассмотрели структурные дисбалансы СВО трех регионов, однако не менее показательными являются и общие характеристики региональных рынков образовательных услуг. Для получения соответствующей картины воспользуемся статистическими данными Росстата¹⁸, Рособрнадзора¹⁹ и региональных служб²⁰. В табл. 8 даны оценки предложения СВО для бакалавриата/специалитета и спроса со стороны выпускников школ, численность которых определяется исходя из количества человек, писавших ЕГЭ в 2021 году, с учетом выпускников прошлых лет и студентов средних специальных заведений (СПО), поступающих в вуз. Их число, согласно статистике прошлого года, составляет около 12%²¹.

Из табл. 8 видно, что СВО рассматриваемых регионов предельно гипертрофированы. Например, даже с учетом студентов СПО,

поступающих в вузы, общий спрос на образовательные услуги составляет для Дагестана, Липецкой области и Камчатки всего лишь 96,7, 85,1 и 62,9% имеющегося предложения соответственно. Если же брать только выпускников школ, то указанные цифры будут еще скромнее: 77,1, 77,6 и 59,3%. Следовательно, с учетом платной формы обучения региональные СВО настроены на обеспечение тотального высшего образования среди молодежи. При таком объеме предложения учебных мест никаких квалификационных ограничений для обучения в вузах просто не может быть. Для выпускников школ имеется небольшой конкурс только на бюджетные места – от 2,2 до 3,2 чел./место. Такая политика ведет к девальвации самого института высшего образования и превращению его в набор формальных процедур.

Нельзя не отметить, что платная форма образования в рассматриваемых регионах стала доминирующей. Ее доля для Дагестана, Липецкой области и Камчатки составляет 65,4, 68,7 и 81,5% соответственно. Тем самым нерациональное всеобщее высшее образование достигается за счет средств самого населения, полностью дезориентированного в отношении перспектив местной экономики.

Отмеченный феномен избытка предложения услуг региональных вузов автоматически ведет к низкому качеству образования и невостребованности выпускников в реальной экономике.

¹⁸ Данные Росстата за 2019 год.

¹⁹ URL: <http://obrnadzor.gov.ru/novosti-regionov/lipeckaya-oblast-osnovnoj-period-ege-proshyol-bez-sboev>

²⁰ URL: <https://kamgov.ru/news/kamchatka-pervoj-pristupila-k-sdace-ege-v-dopolnitelnyj-period-42256>

²¹ URL: <https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/tolko-kazhdiy-desyatij-vypusknik-kolledzha-postupaet-v-vuz>

Заключение

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день, когда российская экономика входит в постиндустриальную фазу развития, СВО отечественных регионов оторвана от потребностей рынка. В университетах Дагестана, где драйверами экономики выступают туризм и смежные с ним отрасли, готовят физиков, астрономов и нанотехнологов, для которых не существует рабочих мест в республике, но при этом игнорируют профессии, связанные с туризмом, гостиничным бизнесом и строительством, от которых зависит ее будущее. В вузах Камчатки, имеющей уникальную геотермальную энергетику и огромный туристический потенциал, отсутствуют специальности по физике, включая геофизику, сейсмологию и теплофизику, а также по туризму и гостиничному делу на фоне усиленного «накачивания» числа выпускников по государственному управлению, менеджменту, социологии и другим социальным наукам, для которых нет места в реальной экономике края. В Липецкой области, являющейся одним из лидеров прогрессивного сельского хозяйства, нет своего регионального аграрного вуза, а число студентов-аграрников занижено в 5–8 раз относительно имеющих в регионе потребностей; не имеет область и своего медицинского университета, тогда как дефицит студентов-медиков достигает 10–15 раз, ставя под угрозу нормальное жизнеобеспечение технологически развитой территории.

Такая практика подготовки специалистов является тупиковой и в перспективе приведет к большим проблемам на рынке труда. В связи с этим ситуацию нужно срочно менять в сторону практико-ориентированных профессий региональных СВО. Однако для этого недостаточно простого количественного структурного маневра, необходимо повышать качество образования. Наиболее наглядно этот тезис можно проиллюстрировать на примере туризма, для которого кадры готовятся по крайне упрощенным и абстрактным программам. На самом деле сегодня деятельность туризма качественно меняется, предполагая изучение иностран-

ных языков для гидов-переводчиков, знание истории и культуры своего края в контексте мировой истории, владение навыками альпинизма и техники безопасности для экстрим-туров, знание основ медицины для оказания первой помощи туристу в экстренных обстоятельствах, владение навыками креативного мышления для разработки оригинальных туров и т. д. Все это предполагает радикальное переформатирование программы по направлению подготовки «Туризм», изменение состава преподаваемых дисциплин и уровня подачи материала. Параллельно необходимо наращивать связь студентов с конкретными организациями, в которых востребована их специальность.

Во избежание недопонимания подчеркнем три момента. Первый – выявленные кадровые дисбалансы между отраслевыми структурами региональной экономики и СВО могут быть частично амортизированы системой среднего специального образования. Однако это не меняет сделанных выводов, а в лучшем случае лишь корректирует их, перенося проблемы современной экономики на заведомо менее квалифицированные группы населения. Второй момент – предложенные пять моделей развития регионов ни в коем случае не являются искусственным критерием развития региональных СВО, под который нужно «втискивать» структуру выпускников вузов. Наоборот, отнесение региональной экономики к одной из моделей развития происходит постфактум – на основе ее уже сложившейся или складывающейся специфики. Тем самым идентификация модели развития субъекта Федерации не навязывается «извне», а основана на данных «изнутри» местного хозяйства. Это позволяет лучше уяснить кадровые дисбалансы региона, для того чтобы более адресно менять отраслевую структуру СВО. Третий момент – акцентированное следование регионами «своей» аутентичной модели развития не сопряжено с возникновением замкнутых хозяйственных систем и их последующей автаркией. Это связано с тем, что специализация регионов де-факто и без того существует, а реализация той или иной модели развития

автоматически предполагает интенсивные межрегиональные связи.

За пределами статьи остался вопрос о финансовой и социальной цене реформ региональных СВО. С одной стороны, он имеет смысл только для сугубо конкретной ситуации и общих оценок здесь дать нельзя, с другой – ответ на поставленный

вопрос предполагает колоссальную вариативность решений.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что сегодня почти все регионы России стоят перед необходимостью осуществления структурного маневра в системе подготовки кадров в сторону ее большего соответствия запросам реальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cruz E., Raurich X. Leisure time and the sectoral composition of employment. *Review of Economic Dynamics*, 2020, vol. 38, pp. 198–219. DOI: 10.1016/j.red.2020.04.004
2. Chen Z., Chen S., Liu C., Nguyen L.T., Hasan A. The effects of circular economy on economic growth: A quasi-natural experiment in China. *Journal of Cleaner Production*, 2020, iss. 271, art. 122558. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122558
3. Mathews J.A., Tan H. Circular economy: Lessons from China. *Nature*, 2016, iss. 531, pp. 440–442. DOI: 10.1038/531440a
4. Eatock D. The silver economy: Opportunities from ageing. *European Parliament*, 2015. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-565872-The-silver-economy-FINAL.pdf>
5. Коломиец П.Н. «Серебряная экономика» новый подход к проблеме старения // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 1. С. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101
6. Андреев К. Одноранговая экономика. Екатеринбург: Изд. решения, 2019. 106 с.
7. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование // *Управленец*. 2021. Т. 12. № 1. С. 18–31. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-2
8. Huang C., Deng H. The model of developing low-carbon tourism in the context of leisure economy. *Energy Procedia*, 2011, vol. 5, pp. 1974–1978. DOI: 10.1016/j.egypro.2011.03.339
9. Лыгина Н.И., Паршиков Н.А., Рудакова О.В. Сфера культуры и досуга как основная составляющая экономики впечатлений // *Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление*. 2020. № 1. С. 56–63. DOI: 10.17308/econ.2020.1/2754
10. Кадочников Д.В. Свободное время: вызовы общества потребления и вопросы модернизации высшего образования // *Социум и власть*. 2019. № 6 (80). С. 28–38. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-28-38
11. Сенашенко В.С., Стручкова Е.П. Индивидуальные программы как новый механизм сопряжения высшего образования и сферы труда // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 3. С. 451–465. DOI: 10.22363/2312-1683-2019-16-3-451-465
12. Дружинина Е.Н. «Школа профессионального успеха»: шаг к успешной адаптации на рынке труда // *Вестн. Шадринск. гос. пед. ун-та*. 2020. № 3 (47). С. 42–45.
13. Greffe X. From culture to creativity and the creative economy: A new agenda for cultural economics. *City, Culture and Society*, 2016, vol. 7, iss. 2, pp. 71–74. DOI: 10.1016/j.ccs.2015.12.008
14. Бутенко В.А., Мохаммади Ш. Регионализация и «новый» регионализм // *Право и политика*. 2020. № 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203
15. Diamond P. *The Crisis of Globalization. Democracy, Capitalism and Inequality in the Twenty-First Century*. UK: Bloomsbury, 2019. 304 p.
16. Исаев В.А., Исаева М.В. Глобализация и регионализация образования в условиях информатизации в вузах // *Ноосферные исследования*. 2021. № 1. С. 58–64. DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.58-64
17. Лапин А.Е., Вуйко М.Б. Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии // *Регионология*. 2019. Т. 27. № 1 (106). С. 10–29. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029

18. Меликов С.А. Перспективы социально-экономического развития Республики Дагестан // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 4 (764). С. 4–12.
19. Абдулмуслимов А.М. Агропромышленный комплекс – флагман экономики Республики Дагестан // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 4 (764). С. 21–26.
20. Халилов Н.Р. Промышленность и торговля Республики Дагестан // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 4 (764). С. 47–60.
21. Погорелов А.Р., Вовженяк И.С., Лозовская С.А. Природно-рекреационный потенциал Камчатского края // Вестн. Камчатск. гос. техн. ун-та. 2017. № 41. С. 110–116. DOI: 10.17217/2079-0333-2017-41-110-116

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

INERTIA OF THE MODEL OF FUNCTIONING OF RUSSIA'S REGIONAL UNIVERSITIES IN THE POST-INDUSTRIAL ECONOMY

The article reveals the phenomenon of structural inconsistency of the labor market and the real economy with the system of personnel training in Russia's regions. The urgency of the problem is associated with the risk of large-scale unemployment in the coming years due to the unavailability of regional higher education systems to the needs of the post-industrial economy. To determine the directions of distortion of the professional structure of specialists trained in regional universities, we have proposed a typology of development models of the entities of the Russian Federation including five varieties – cultural and leisure, natural resource, innovative and technological, hybrid and depressive; identification of all Russia's regions is carried out in accordance with the accepted typology. To illustrate the personnel imbalances accumulated in the regions, the article considers three entities of the Russian Federation: the Republic of Dagestan, Kamchatka Krai and the Lipetsk Oblast. For this purpose, the work identifies the sectoral drivers of the regional economy and compares the share coefficients in the sectoral structure of GRP, employment and students. We have shown that the most important and rapidly developing sectors of the regions are not supported by the training of the appropriate personnel, while the mass of young specialists, who cannot be in demand by the local economy, are released to the labor market. In addition, regional university systems are aimed at total higher education, support the excess of the supply of educational services over the demand for them, which completely devalues the institution of higher education itself. We discuss the directions of changing the structure of personnel training in universities

and education quality due to the radical reformatting of existing training programs. Thus, the regional universities of the country face the tasks of both quantitative and qualitative correction of their activities.

Employment, universities, regions, regional development, universities, personnel imbalance.

REFERENCES

1. Cruz E., Raurich X. Leisure time and the sectoral composition of employment. *Review of Economic Dynamics*, 2020, vol. 38, pp. 198–219. DOI: 10.1016/j.red.2020.04.004
2. Chen Z., Chen S., Liu C., Nguyen L.T., Hasan A. The effects of circular economy on economic growth: A quasi-natural experiment in China. *Journal of Cleaner Production*, 2020, issue 271, art. 122558. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122558
3. Mathews J.A., Tan H. Circular economy: Lessons from China. *Nature*, 2016, issue 531, pp. 440–442. DOI: 10.1038/531440a
4. Eatock D. The silver economy: Opportunities from ageing. *European Parliament*, 2015. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-565872-The-silver-economy-FINAL.pdf>
5. Kolomijecs P.N. “Silver economy” a new approach to the problem of aging. *Journal of Economic Regulation*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101 (in Russian).
6. Andreev K. *Odnorangovaya ekonomika [Peer-to-Peer Economy]*. Yekaterburg: Izd. resheniya, 2019. 106 p.
7. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Public administration tools: Forecasting vs designing. *Upravlenets=The Manager*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 18–31. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-2 (in Russian).
8. Huang C., Deng H. The model of developing low-carbon tourism in the context of leisure economy. *Energy Procedia*, 2011, vol. 5, pp. 1974–1978. DOI: 10.1016/j.egypro.2011.03.339
9. Lygina N.I., Parshikov N.A., Rudakova O.V. The sphere of culture and leisure as the main component of the economy of impressions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 1, pp. 56–63. DOI: 10.17308/econ.2020.1/2754 (in Russian).
10. Kadochnikov D.V. Spare time: Consumer society’s challenges and their issues of modernization higher education. *Sotsium i vlast’=Society and Power*, 2019, no. 6 (80), pp. 28–38. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-28-38 (in Russian).
11. Senashenko V.S., Struchkova E.P. Individual educational programs as new mechanism of integration between higher education and labor sphere. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Psikhologiya i pedagogika=RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 451–465. DOI: 10.22363/2312-1683-2019-16-3-451-465 (in Russian).
12. Druzhinina E.N. “School of professional success”: Step to successful adaptation in the labor market. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2020, no. 3 (47), pp. 42–45 (in Russian).
13. Greffe X. From culture to creativity and the creative economy: A new agenda for cultural economics. *City, Culture and Society*, 2016, vol. 7, issue 2, pp. 71–74. DOI: 10.1016/j.ccs.2015.12.008
14. Butenko V.A., Mohammadi S. Regionalization and “new” regionalism. *Pravo i politika=Law and Politics*, 2020, no. 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203 (in Russian).
15. Diamond P. *The Crisis of Globalization. Democracy, Capitalism and Inequality in the Twenty-First Century*. UK: Bloomsbury, 2019. 304 p.
16. Isaev V.A., Isaeva M.V. Globalization and regionalization of education in the conditions of information in higher education. *Noosfernye issledovaniya=Noospheric Studies*, 2021, no. 1, pp. 58–64. DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.58-64 (in Russian).

17. Lapin A.E., Vuiko M.B. Models of regional development in the Russian Federation and investment strategies. *Regionologiya=Regionology*, 2019, vol. 27, no. 1 (106), pp. 10–29. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029 (in Russian).
18. Melikov S.A. Prospects of socio-economic development of the Republic of Dagestan. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF=Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 2021, no. 4 (764), pp. 4–12 (in Russian).
19. Abdulmuslimov A.M. Agro-industrial complex - the flagship of the economy of the Republic of Dagestan. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF=Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 2021, no. 4 (764), pp. 21–26 (in Russian).
20. Khalilov N.R. Industry and trade of the Republic of Dagestan. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF=Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 2021, no. 4 (764), pp. 47–60 (in Russian).
21. Pogorelov A.R., Vovzhenyak I.S., Lozovskaya S.A. Natural-recreational potential of the Kamchatka region. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Bulletin of Kamchatka State Technical University*, 2017, no. 41, pp. 110–116. DOI: 10.17217/2079-0333-2017-41-110-116 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. 4, Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. 47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Nataly A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. 4, Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru

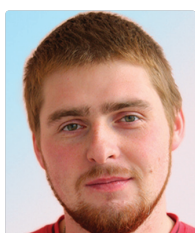
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.3

УДК 338.012 | ББК 65.34

© Румянцев Н.М.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК ПРИОРИТЕТ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

Запросы на структурную политику в современных условиях хозяйствования требуют поиска ее отраслевых приоритетов. Принятая Стратегия развития лесного комплекса РФ до 2030 года актуализирует развитие лесопромышленного комплекса Вологодской области как одного из наиболее обеспеченных лесными ресурсами региона. В связи с этим целью исследования стало обоснование развития лесопромышленного комплекса в качестве отраслевого приоритета структурной политики Вологодской области для ускорения экономического развития региона. Достижение цели исследования потребовало решения ряда задач: оценка роли лесопромышленного комплекса в экономическом развитии региона, исследование современного состояния лесопромышленного комплекса, расчет последствий для региональной экономики от запрета экспорта круглого леса за границу, а также определение потенциальных направлений развития комплекса. В рамках исследования было определено более значимое влияние лесопромышленного комплекса на экономическое развитие в сфере занятости, чем у других ключевых отраслей экономики Вологодской области. Выявлены проблемы лесопромышленного комплекса в регионе: активный экспорт продукции низких переделов, высокий физический износ материально-технической базы производства при недостаточном уровне инвестиций для ее обновления и модернизации, сокращение уровня лесозаготовки при растущем уровне лесопотребления. Сформированы потенциальные направления развития лесопромышленного комплекса в виде приоритетных

Для цитирования: Румянцев Н.М. Лесопромышленный комплекс как приоритет структурной политики Вологодской области // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 51–66. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.3

For citation: Rumyantsev N.M. Timber industry as a priority of the Vologda oblast structural policy. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 51–66. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.3

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00643.

секторов углубленной переработки древесины, а также предложены аналитические инструменты структурной политики, способствующие их реализации. Научная новизна исследования состоит в оценке современных тенденций развития лесопромышленного комплекса как приоритета структурной политики региона, а также оценке возможных последствий от запрета экспорта круглого леса с 1 января 2022 года с использованием методов межотраслевого моделирования. Результаты работы могут быть полезны представителям лесопромышленного комплекса, инвесторам, органам государственной власти и прочим заинтересованным сторонам. Дальнейшие исследования будут связаны с оценкой существующих цепочек создания стоимости в лесопромышленном комплексе, поиском и обоснованием направлений их трансформации.

Лесопромышленный комплекс, структурная политика, регион, драйвер экономического роста.

Введение

Российская Федерация обладает крупнейшими в мире объемами возобновляемых лесных ресурсов. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций², доля России в общемировых запасах леса в 2020 году составила 20%. 29 января 2021 года Правительство РФ утвердило обновленную Стратегию развития лесного комплекса страны до 2030 года³, направленную на эффективное использование, охрану, защиту и воспроизводство лесов и предполагающую переход к интенсивной модели ведения лесного хозяйства, внедрение цифровых технологий, а также совершенствование лесного надзора. Согласно ей, к 2030 году необходимо увеличить вклад лесной промышленности в экономику страны и долю России на мировом рынке лесной продукции. Одной из главных задач стал перевод отечественного лесопромышленного комплекса (ЛПК) от экспорта круглого леса к глубокой переработке лесоматериалов. Для этого в соответствии с поручением Президента Российской Федерации⁴ с 1 января 2022 года вводится запрет на вывоз из страны необработанной и грубо обработанной древесины хвойных и ценных лиственных пород.

Приоритетными территориями по развитию лесопромышленного комплекса с точки зрения обеспеченности лесными ресурсами являются Красноярский (с учетом Томской

области и ресурсов на р. Ангаре), Хабаровский и Пермский края, а также Вологодская, Томская, Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра с учетом ресурсов на р. Оби.

На сегодняшний момент экономика Вологодской области, старопромышленного региона с ориентацией на экспорт, испытывает ряд острых проблем и структурных ограничений, что привело к стагнации экономического роста, усугубившейся кризисом из-за введения жестких ограничений, обусловленных пандемией новой коронавирусной инфекции. Актуальность исследования заключается в необходимости обоснованного выбора отраслей, способных активизировать рост экономики региона. В связи с этим цель исследования – обоснование развития лесопромышленного комплекса как отраслевого приоритета структурной политики Вологодской области для ускорения экономического развития региона. В рамках реализации поставленной цели требуются следующие задачи: оценка роли лесопромышленного комплекса в экономическом развитии региона, исследование современного состояния ЛПК, прогнозирование последствий от запрета экспорта круглого леса за границу, а также определение потенциальных направлений развития комплекса. Научная новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, состоит в оценке современных

² Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года. Основные выводы: Доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/3/ca8753ru/CA8753RU.pdf>

³ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р.

⁴ Поручение Президента Российской Федерации № ПР-1816 и План мероприятий по декриминализации и развитию лесного комплекса № 9282-п.

тенденций развития лесопромышленного комплекса как отраслевого драйвера экономического роста региональной экономики, а также оценке последствий от принятия управленческих решений с использованием методов межотраслевого моделирования.

Обзор исследований

Российские исследователи неоднократно отмечали, что структурные проблемы, сложившиеся как в национальной, так и в региональной экономике, требуют поиска новых решений, вследствие того что уже не устраняются традиционными рыночными механизмами [1]. Сочетание направленных структурных изменений и обоснованного выбора точек роста региональной экономики способно сгладить дисбалансы территориального развития России. В связи с этим возникает потребность выявления таких отраслей, которые могли бы стать локомотивом экономики субъектов РФ.

В качестве возможных приоритетов структурной политики отмечены машиностроение, информационно-коммуникационные технологии и туризм ввиду их высоких мультипликативных эффектов стимулирования экономической активности, увеличения численности занятых и фонда оплаты труда [2]. Ученые ИМП РАН называют потенциальными точками роста российской экономики нефтехимический и агропромышленный комплексы. Первый позволит экономике страны уйти от экспортно-сырьевой модели, а второй – решить проблемы в области продовольственной безопасности и импортозамещения [3; 4].

Однако и в зарубежных журналах, и среди российских ученых традиционной является точка зрения о ключевой роли обрабатывающих производств как драйвера экономического роста по причине высокой доли создаваемой ими добавленной стоимости, наукоемкости и технологичности, что способствует интенсивному ускорению социально-экономического развития территории [5–7]. Ряд исследователей одним из потенциальных локомотивов развития обрабатывающих производств в регионах Европейского

Севера России называют лесоперерабатывающую промышленность [8–10].

Актуальность развития лесного хозяйства и сектора переработки древесины подтверждается активным научным интересом к проблематике функционирования отрасли [11]. Последние исследования по тематике развития лесопромышленного комплекса как одного из ключевых видов экономической деятельности с позиций структурной политики содержат выводы о необходимости удлинения цепочки создания стоимости в ЛПК за счет увеличения глубины переработки древесины, что приведет к повышению генерируемой отраслью добавленной стоимости и ускорению темпов экономического развития [12; 13]. Отмечено, что в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции как на мировых рынках, так и в России активировалось значительное количество драйверов развития именно лесопромышленного комплекса (активная динамика международной торговли, рост и экологизация строительства, развитие возобновляемой энергетики) [14].

Помимо экономических задач, указано, что развитие лесного комплекса будет содействовать развитию сельских территорий, позволит активизировать занятость и повысить уровень жизни в муниципальных районах (из-за особенностей пространственного размещения лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий), что немаловажно для построения пространственного каркаса Российской Федерации [15; 16].

Важно и влияние лесопромышленного комплекса на ESG-развитие, являющееся актуальной повесткой ведения хозяйственной деятельности в мире, в связи с чем обостряются вопросы, связанные с активизацией процессов лесовосстановления и формирования лесной политики, способной обеспечить экономическую и экологическую эффективность ЛПК. Наиболее опасной проблемой функционирования лесного комплекса называют истощение лесных ресурсов, как количественное, так и качественное. Ухудшение экономики лесозаготовок говорит о необходимости значительных

структурных изменений лесного сектора региона [17].

Также одним из направлений устойчивого развития отрасли выступает необходимость повышения ресурсоэффективности лесобрабатывающей промышленности, что ведет к интенсификации экономического роста, снижению затрат и росту конкурентоспособности продукции [18]. Учеными Коми НЦ Уральского отделения РАН оценено влияние ресурсоэффективности на экономический рост региона, одним из направлений ее повышения названо углубление переработки лесопромышленной продукции [19].

Исследования отечественных и зарубежных ученых позволяют сделать вывод о возможном потенциале активизации экономического роста региона на основе развития лесопромышленного комплекса как приоритета структурной политики.

Методологические основы исследования

Под лесопромышленным комплексом в рамках данного исследования нами понимается межотраслевой комплекс по добыче, переработке и воспроизведению лесных ресурсов, объединяющий такие виды экономической деятельности, как лесное хозяйство (лесозаготовка), деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность.

Методология исследования основана на принципах системного анализа. Используются общенаучные методы и приемы исследования: индукция и дедукция, синтез основ теории и эмпирического опыта. Для обоснования значимости ЛПК в экономике региона и прогнозирования последствий запрета экспорта круглого леса применялась межотраслевая модель экономики Вологодской области⁵. Рассчитываемые нами эффекты заключаются в изменении валового выпуска, численности занятых и фонда оплаты труда.

Информационную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных

экономистов, занимающихся вопросами развития лесопромышленного комплекса, экономического роста территорий и межотраслевого моделирования, стратегические документы Российской Федерации, доклады Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, Ассоциации специалистов бумажной отрасли, а также периодические деловые издания, данные Федеральной службы государственной статистики и Федеральной таможенной службы.

Результаты исследования

Вологодская область – один из ключевых регионов российской лесозаготовки и лесопереработки: 81% ее площади покрыто лесом, субъект занимает 3 место по объему заготовки древесины в стране, до 75% продукции лесного хозяйства перерабатывается внутри области⁶.

Лесопромышленный комплекс – потенциальная точка роста экономики Вологодской области в условиях ее низкой диверсифицированности. Преобладание в объемах промышленного производства металлургической и химической продукции, выпускаемой в большей степени для экспорта, создает угрозу устойчивому развитию и экономической безопасности региона.

Нами были сопоставлены экономические эффекты от стимулирования спроса на продукцию названных отраслей на 1 млрд руб. с целью вычисления мультипликативного влияния на экономику региона (табл. 1). Стимулирование на конкретную сумму выпуска позволяет устранить фактор неравнозначности удельного веса каждого из видов экономической деятельности в отраслевой структуре производства продукции экономики.

Эффект от стимулирования ЛПК с позиции увеличения занятости и фонда оплаты труда выше, чем у двух других рассматриваемых видов экономической деятельности. В рамках реализации Стратегии социально-

⁵ Модель построена на основе базы данных «Межотраслевой баланс производства и распределения продукции Вологодской области» (свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621875).

⁶ Лесопромышленный комплекс // Сайт Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/o_regione/ekonomika/promyshlennost/lesopromyshlennyy_kompleks

Таблица 1. Сопоставление эффектов для экономики Вологодской области от стимулирования спроса на продукцию ключевых отраслей на 1 млрд руб.

	Черная металлургия	Химическая промышленность	ЛПК
Прирост выпуска экономики в целом, %	100,25	100,24	100,25
Объем стимулирования, % от выпуска	0,3	0,7	2,6
Прирост численности занятых в экономике, чел.	1871,4	1827,3	2527,3
Прирост фонда оплаты труда, млн руб.	848,3	832,6	1 091,5

Источник: расчеты автора.

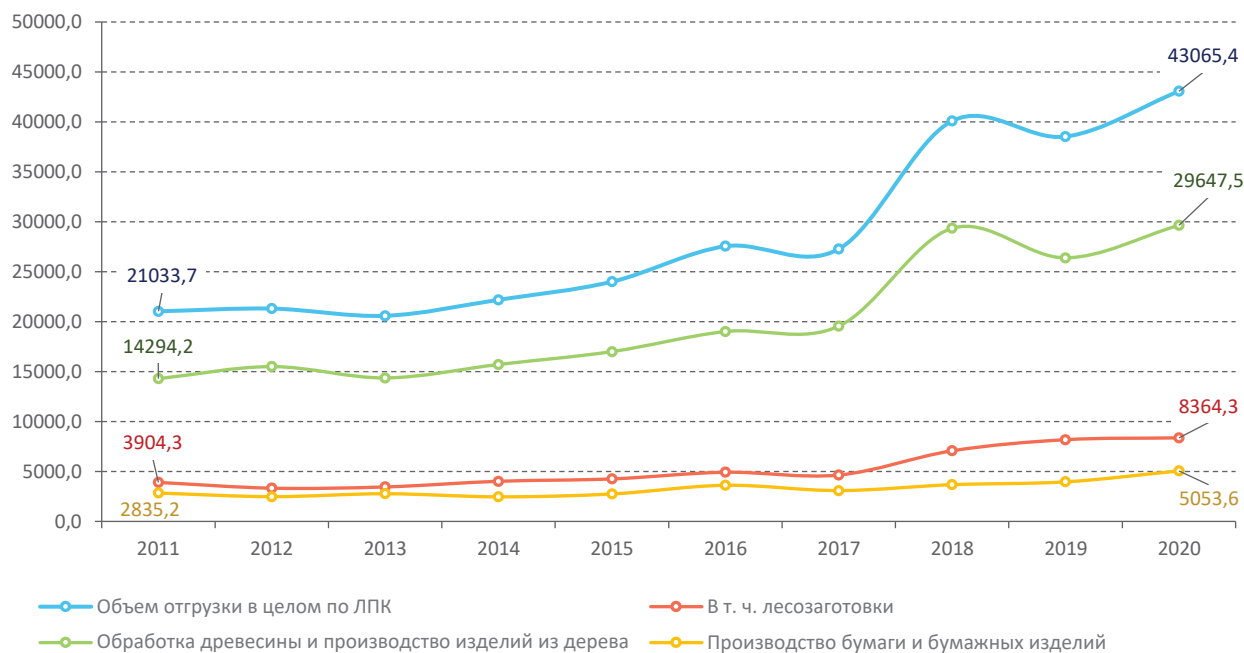

Рис. 1. Объем отгруженных товаров лесопромышленного комплекса Вологодской области за 2011–2020 гг. (в постоянных ценах 2011 года), млн руб.

Источник: данные ЕМИСС.

экономического развития Вологодской области – 2030 создание рабочих мест и повышение фонда оплаты труда являются задачами приоритета «Создание пространства для развития», что делает ЛПК более привлекательным для стимулирования с позиции органов власти и дает возможность решить социально-экономические проблемы внутри районов, в которых дислоцируются предприятия ЛПК. Это позволяет сделать вывод о том, что развитие исследуемого нами межотраслевого комплекса необходимо включить в список приоритетных направлений структурной политики.

Динамика объемов отгруженных товаров продукции лесопромышленного комплекса за последнее десятилетие демонстрирует

активный рост производимой продукции в исследуемых отраслях (рис. 1). За 10 лет объем отгрузки увеличился более чем в два раза с учетом влияния цен. При этом основной вклад в прирост внесла древесина глубокой переработки. ЛПК Вологодской области выпускает каждый 12-й кубометр фанеры и каждый 14-й кубометр древесностружечных плит, производимых в стране.

Ключевыми мировыми тенденциями, которые могут стать предпосылками развития ЛПК Вологодской области, являются:

- активная динамика международной торговли, развитие электронной коммерции (прогнозируемые темпы роста экспорта за 2020–2029 гг. в мире – 3,4%, в т. ч. продукции ЛПК – 7,7%);

Таблица 2. Производство основных видов продукции лесопромышленного комплекса Вологодской области за 2011–2020 гг.

	Год										
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2020/2011
Заготовка древесины, млн плотных куб. м	11,2	11,5	12,3	13,2	13,2	13,4	13,4	14,6	14,6	14,7	130,87
Лесоматериалы обработанные, тыс. куб. м	1186	1317	1318	1437	1470	1429	1695	1837	1969	1864	157,19
Гранулы топливные (пеллеты), тыс. т	38	16	18	17	27	30	24	27	80	135	351,96
Фанера клееная, тыс. куб. м	248	268	277	307	335	332	352	360	296	330	133,09
Плиты древесностружечные и аналогичные, тыс. усл. куб. м	525	638	743	718	739	677	650	972	929	916	174,68
Блоки дверные в сборе, тыс. кв. м	376	421	423	362	354	878	395	448	447	477	126,70
Блоки оконные в сборе, тыс. кв. м	22	19	15	13	10	8	27	17	4	5	22,07
Источник: данные Вологдастата.											

– увеличение объемов деревянного домостроения и повышение спроса на экологичные стройматериалы (прогноз роста отрасли деревянного домостроения за тот же период составляет 3,5% в мире и 1,7% в России);

– рост спроса на бумажную упаковку (прогнозируемые темпы прироста объемов производства биоразлагаемой бумажной упаковки как альтернативы пластику составляют 4,7% за 2020–2025 гг.), а также экологически чистую ткань (увеличение мирового производства вискозы, получаемой из растворимой целлюлозы, на 7,1%)⁷.

Пандемия COVID-19 привела к замедлению процессов логистики продукции деревообработки в первой половине 2020 года, однако значительное повышение спроса на деревянные стройматериалы позволило превзойти допандемические уровни объемов производства продукции. Все вышеперечисленные факты нашли отражение в динамике производства основных видов продукции ЛПК (табл. 2).

Стоит отметить важный с точки зрения исследования тренд: темпы роста производства продукции обработки древесины превышают темпы ее заготовки, что при сохранении текущей динамики приведет к нехватке сырья для деревообрабатывающей

промышленности и, как следствие, к стагнации ее деятельности.

В этом свете решение о запрете экспорта необработанной древесины имеет очень важное значение. Для прогнозирования последствий его применения необходимо оценить существующий экспорт древесины и продукции деревообработки, что позволит определить прогнозные значения роста внутреннего спроса на продукцию лесозаготовок.

По данным Россельхознадзора за 2020 год, партнерами региона в сфере экспорта лесопромышленной продукции стали 60 стран мира. Крупнейшие импортеры – Китай, Финляндия, Эстония, Нидерланды и Египет. Динамика экспорта древесины и изделий из нее отражена на рис. 2.

Согласно представленным данным, темпы роста экспорта необработанной древесины значительно превышают темпы роста экспорта продукции ЛПК в целом (5,54 раза против 2). Вывоз необработанной древесины ведет к недополучению экономикой Вологодской области значительной доли доходов из-за экспорта товаров неглубокой переработки и присвоения иностранным капиталом добавленной стоимости при импорте готовой продукции в Россию.

Для того чтобы рассчитать, какие последствия вызовут вводимые ограничения, при-

⁷ Обзор лесопромышленного комплекса России. 2020 год. Доклад Ассоциации специалистов бумажной отрасли. URL: https://www.ey.com/ru_ru/industrial-products/russian-forest-sector-overview-2020

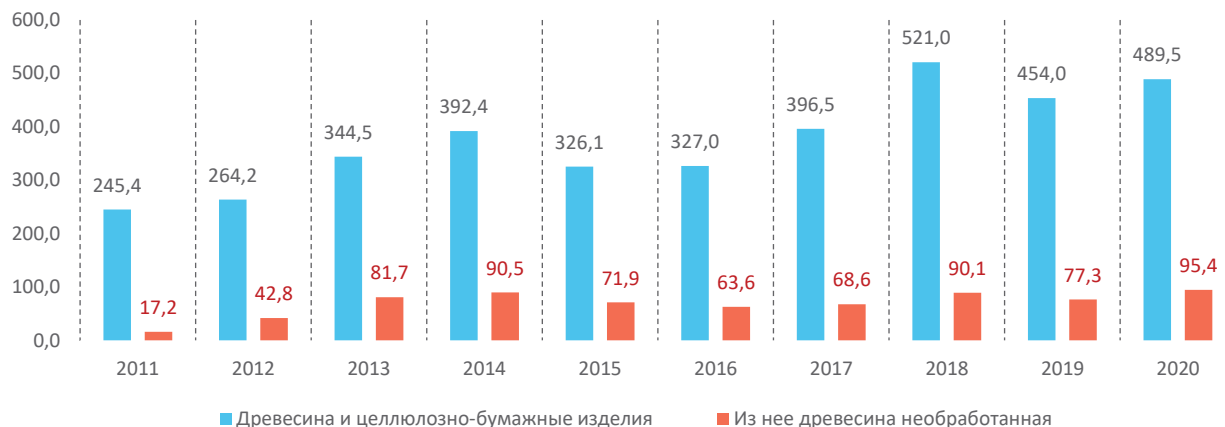

Рис. 2. Динамика экспорта продукции ЛПК и целлюлозно-бумажной промышленности Вологодской области за 2011–2020 гг., млн долл. США

Источник: данные Северо-Западного таможенного управления Федеральной таможенной службы.

мом за допущение, что вывозимый из региона лес будет переработан внутри региона. При этом, согласно нашим прогнозам, подобная мера вызовет рост внутреннего спроса на продукцию лесного хозяйства (как отрасли лесозаготовки) в размере стоимости вывезенной древесины (95,4 млн долларов США), переведенной по среднему курсу ЦБ РФ (72,32 руб. за 1 доллар США). Итоговый рост предложения составит 6,9 млрд руб., при этом произойдет перераспределение структурных пропорций конечного использования и промежуточного потребления продукции лесозаготовки, которое вызовет совокупный прирост выпуска в экономике Вологодской области на 8,969 млрд руб. Рассчитанные эффекты представлены в *табл. 3*.

При реализации ожидаемых ограниченных прогнозируется добавочный прирост выпуска продукции по экономике в целом на 0,86% при среднегодовых темпах экономического роста в предыдущее десятилетие в 1,7%. Увеличение спроса на продукцию данного сектора вызовет мультипликативные эффекты в других отраслях, выраженные в необходимости создания 7478 рабочих мест и увеличения фонда заработной платы на 3,5 млрд руб.

Основными реципиентами рассчитанных эффектов, помимо самого ЛПК, будут являться такие виды экономической деятельности, как оптовая и розничная торговля и государственный сектор ввиду расту-

щего потребительского спроса на деревянные стройматериалы и другую конечную продукцию деревообработки и целлюлозно-бумажной промышленности, а также финансовое посредничество благодаря активизации внутренних денежных потоков вместо внешних.

Однако в случае запрета экспорта круглого леса за рубеж необходимо понимать, позволяют ли запасы производственных мощностей переработать поступивший объем древесины или потребуются активизация межрегиональной торговли для реализации продукции лесозаготовки. Информация о среднегодовой загрузке производственных мощностей за последние годы представлена в *табл. 4*.

Согласно данным таблицы 4, виды деятельности, производящие большой объем продукции среди отраслей промежуточного спроса ЛПК (фанера, древесностружечные плиты и стройматериалы из дерева), характеризуются приближенным к максимальному уровнем загрузки мощностей. Имеется некоторый запас мощностей в производстве обработанных лесоматериалов, однако, на наш взгляд, их также недостаточно для переработки экспортируемой древесины.

Ситуация нехватки производственных мощностей усугубляется высоким износом основных фондов предприятий ЛПК (*рис. 3*).

Несмотря на снижающийся уровень износа, материально-производственная база ЛПК

Таблица 3. Эффекты от изменения структуры потребления продукции лесозаготовки при запрете экспорта продукции круглого леса

Вид экономической деятельности	Изменение валового выпуска, %	Изменение валового выпуска, млн руб.	Прирост численности занятых, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн руб.
Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	100,02	5	3	1
Лесное хозяйство, лесозаготовка и предоставление услуг в этих областях	111,81	1964	858	456
Рыболовство, рыбоводство и предоставление услуг в этих областях	100,02	0	0	0
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	101,21	15	5	3
Производство пищевых продуктов, включая напитки	100,01	5	1	0
Текстильное и швейное производство; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	102,22	25	47	8
Обработка древесины и производство изделий из дерева	102,87	1162	329	123
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	103,30	267	31	13
Издательская полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	100,58	4	3	1
Химическое производство	100,55	1135	29	24
Производство резиновых и пластмассовых изделий	106,18	167	38	11
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	100,53	81	18	10
Металлургическое производство	100,02	82	4	4
Производство готовых металлических изделий	100,71	129	51	26
Производство машин и оборудования	103,12	238	156	82
Производство электрических машин и электрооборудования; производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи; производство средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов	100,66	14	5	3
Производство транспортных средств и оборудования	100,41	37	28	11
Прочие производства	100,35	7	5	1
Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	101,47	575	191	97
Сбор, очистка и распределение воды	100,17	14	9	4
Строительство	100,08	70	19	10
Оптовая и розничная торговля	107,68	1466	2742	888
Деятельность гостиниц и ресторанов	100,08	4	4	1
Услуги транспортные; услуги почты и электросвязи	100,90	678	323	181
Финансовое посредничество; страхование	115,85	348	886	649
Операции с недвижимым имуществом; аренда машин и оборудования без оператора; прокат бытовых изделий и предметов личного пользования; предоставление услуг	103,32	424	265	86
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	104,58	40	1379	783
Образование	100,10	2	35	14
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	100,01	2	3	1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	100,04	10	13	7
В целом по экономике	100,86	8969	7478	3498
Источник: расчеты автора.				

Таблица 4. Среднегодовой уровень загрузки мощностей по производству основных видов продукции лесопромышленного комплекса Вологодской области за 2017–2020 гг., %

Вид продукции	Год			
	2017	2018	2019	2020
Лесоматериалы обработанные	69,4	65,0	66,5	60,2
Щепа технологическая	97,8	96,5	99,0	–
Фанера	93,9	93,6	93,2	89,0
Плиты древесностружечные и аналогичные плиты из древесины или других одревесневших материалов	75,3	91,2	85,3	65,4
Плиты древесноволокнистые из древесины или других одревесневших материалов	71,1	73,9	68,6	–
Окна и их коробки деревянные	31,7	24,0	19,2	20,4
Изделия деревянные строительные и столярные, не включенные в другие группировки	97,4	89,2	89,9	–
Дома деревянные заводского изготовления	84,4	89,0	96,0	97,3
Пеллеты	100,0	100,0	99,6	87,4
Бумага и картон	95,7	95,7	86,9	97,6

Источник: данные Вологдастата.

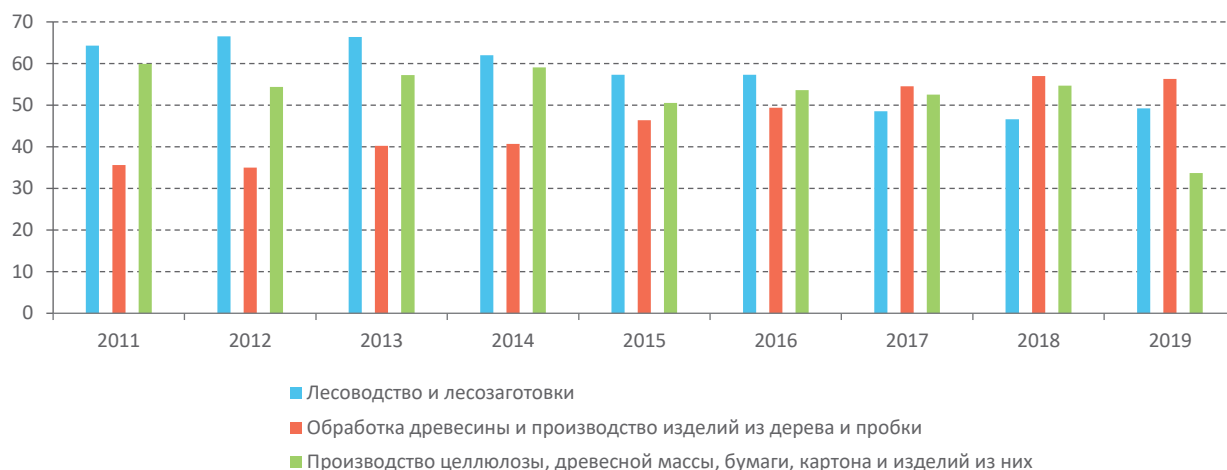

Рис. 3. Степень износа основных фондов обрабатывающих производств Вологодской области и ЛПК Российской Федерации за 2011–2020 гг., %

Источник: данные Вологдастата.

нуждается в инвестициях. В Вологодской области за последнее десятилетие наблюдается значительный прирост капиталовложений, однако достигнуть докризисных уровней инвестиций (2011–2012 гг.) не удалось (рис. 4).

Инвестиции в лесную промышленность, невзирая на значительную поддержку со стороны государства, в основном носят частный характер и характеризуются непостоянной динамикой (рис. 5). В целях опережающего развития отрасли необходимо повысить ее инвестиционную привлекательность для част-

ных инвесторов путем создания комфортных и стабильных условий ведения хозяйственной деятельности с минимизацией рисков.

Стоит отметить, что наряду с достижениями в отрасли наблюдается значительный нереализованный потенциал в части развития ресурсного обеспечения и увеличения глубины переработки древесины. Для наиболее эффективной его реализации требуется поток капиталовложений в отрасли – потребители продукции лесозаготовки и первичной обработки материалов.

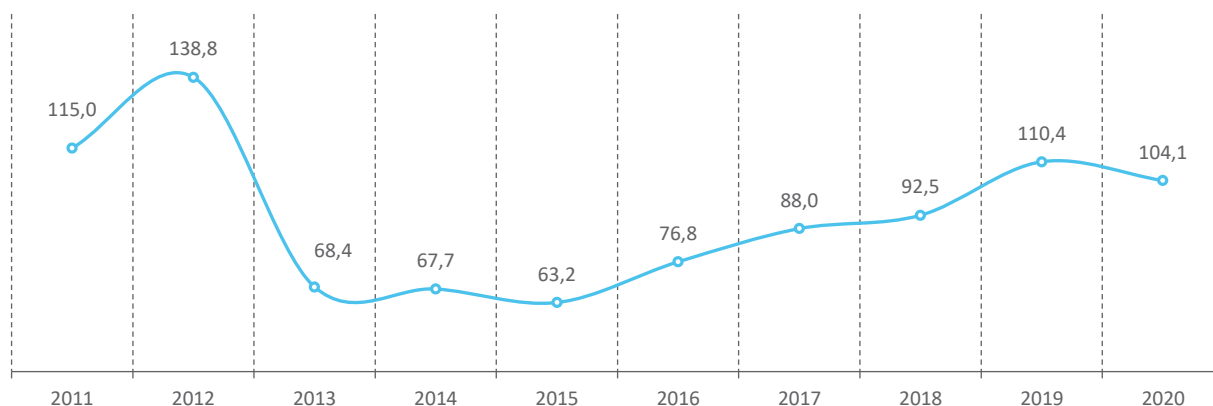

Рис. 4. Динамика объема инвестиций в основной капитал Вологодской области за 2011–2020 гг. (в ценах 2011 года), млрд руб.

Источник: данные Вологдастата.

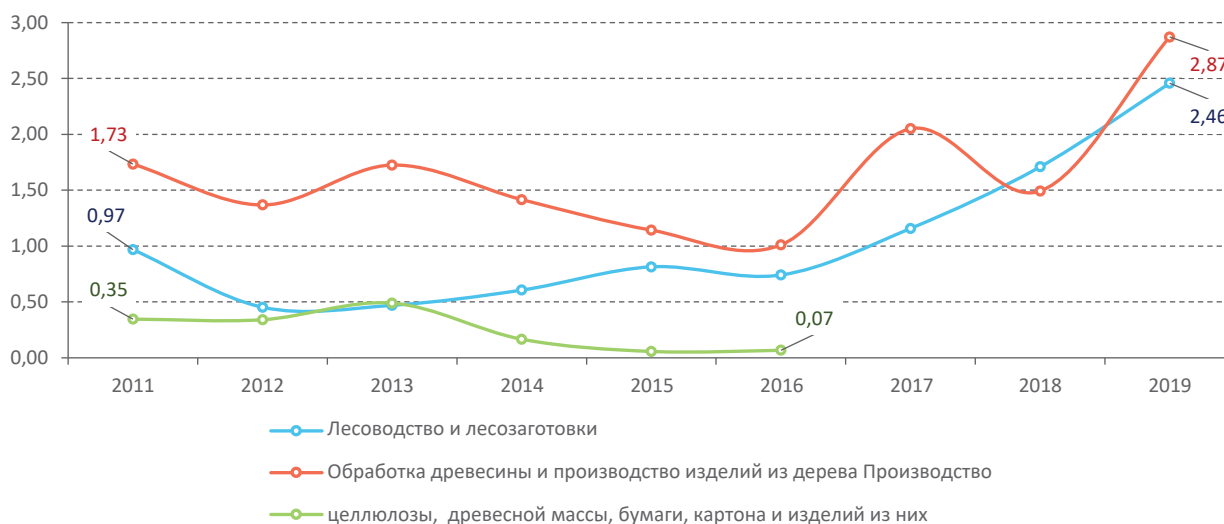

Рис. 5. Динамика объема инвестиций в основной капитал отраслей ЛПК Вологодской области за 2011–2020 гг. (в ценах 2011 года), млрд руб.

Источник: данные Вологдастата.

Примечание: данные по производству целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них с 2017 года недоступны по причине того, что информация не публикуется в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4 п. 5; ст. 9 п. 1).

Выводы и обсуждение

Проведенное исследование позволило получить следующие выводы:

– на основе сопоставления эффектов от стимулирования ключевых отраслей экономики Вологодской области было определено более значимое влияние стимулирования ЛПК региона на экономическое развитие, чем стимулирование ключевых отраслей (черной металлургии и химии), в частности, в сфере занятости;

– выявлено, что динамика развития лесопромышленного комплекса региона положительна, однако существует ряд проблем, замедляющих темпы роста сектора лесопереработки и его позитивное влияние на экономический рост: активный экспорт продукции низких переделов (экспорт необработанной древесины увеличился более чем в пять раз), высокий физический износ материально-технической базы производства при недостаточном уровне инвестиций

для ее обновления и модернизации, более низкие темпы роста выпуска продукции лесозаготовки при растущих объемах лесопотребления;

– спрогнозировано, что вышеназванные барьеры активизации экономического роста региона за счет развития ЛПК могут быть частично устранены благодаря ожидаемому в 2022 году запрету на экспорт отдельных категорий лесоматериалов. Подобное решение влечет за собой увеличение сырьевой базы перерабатывающих отраслей ЛПК из-за перенаправления экспорта на внутреннее потребление региона, что приведет к повышению генерируемого отраслью дохода и созданию потенциальных возможностей для инвестирования и повышения качества жизни населения, в т. ч. на основе мультипликативных эффектов в прочих отраслях;

– выявлено, что из-за нехватки свободных производственных мощностей при увеличении объема перерабатываемой внутри региона древесины потребуются рост производственных мощностей ее глубинной переработки, что обуславливает необходимость привлечения инвестиций под конкретные проекты в ЛПК и, как следствие, определения потенциальных секторов для развития отрасли как приоритета структурной политики региона.

Перспективными инструментами информационно-аналитического обеспечения структурной политики региона, направленной на поиск потенциальных инвестиционных проектов в области глубокой переработки древесины, возможных для реализации на территории Вологодской области и дальнейшего встраивания в цепочки создания стоимости (в т. ч. межрегиональные), могут стать форсайт, технологическое сканирование, картирование технологического ландшафта, конкурентная разведка, бизнес-аналитика [19–21].

В качестве перспективных направлений развития ЛПК Вологодской области можно назвать следующие сегменты рынка лесопромышленной продукции.

1. Санитарно-гигиеническая продукция (СП). В номенклатуру видов СП входят

бумажные салфетки и полотенца, туалетная бумага, носовые платки, скатерти и другие виды изделий бытового и санитарного назначения. Динамика объемов производства и потребления СП характеризуется устойчивым ростом, она не подвергалась негативному влиянию кризисов и в целом обладает низкой волатильностью. Согласно данным Euromonitor International, в следующие пять лет рынок санитарно-гигиенической продукции будет прирастать среднегодовыми темпами до 4%. Ключевыми партнерами на этом рынке могут стать Казахстан, Польша и Беларусь: все эти страны в 2019 году нарастили объемы торговли СП от 10,2 до 41%. К тому же в России имеется всего лишь пять крупных товаропроизводителей, что при достаточном объеме инвестиций в производство СП позволит занять свою долю рынка.

2. Упаковочная продукция. Ключевым драйвером роста целлюлозно-бумажной промышленности в мире выступает рост производства упаковочной продукции. Во всем мире основными потребителями бумажной упаковки являются пищевая промышленность и активно развивающаяся электронная коммерция. В Вологодской области производство упаковки представлено слабо, большая часть потребностей удовлетворяется за счет ввоза из других стран и регионов. Однако наличие потребительского спроса (развитая пищевая промышленность и активное развитие национальных торговых компаний на территории региона) может открыть возможности импортозамещения.

3. Биотопливо. Тренд активного перехода на экологически чистые или возобновляемые источники энергии открывает значительные перспективы в сфере разработки топлива из продуктов лесозаготовки, деревообработки и целлюлозно-бумажной промышленности. Одним из активно развивающихся на территории Вологодской области направлений по созданию биотоплива выступает производство древесных гранул (пеллетов). Однако, помимо этого, потенциал имеется у создания биобензина из ценных побочных продуктов целлюлозно-бумажной промышленности – скипидара

и таллового масла, а также путем разложения целлюлозы до биоэтанола, который является экологичной и высокоэффективной присадкой для бензинов, используемых в двигателях с высокой степенью сжатия. Существенный барьер для развития этого направления лесопереработки формируется из-за отсутствия внутреннего спроса на пеллеты и биотопливо. Решить указанную проблему возможно с помощью переоборудования муниципальных котельных, используемых для обеспечения небольших территориальных образований теплом и горячей водой, на производимое в регионе топливо. Это позволит сэкономить на транспортных издержках, повысить экологичность котельных (что очень важно в условиях современной ESG-повестки), а также в дальнейшем на практическом примере оценить эффективность реализации подобных проектов в более крупных масштабах.

Развитие каждого из направлений требует значительного содействия со стороны государства. Существующая поддержка лесопромышленного комплекса достаточно велика. Согласно приказу Минпромторга от 23 мая 2019 года № 1768 на территории Вологодской области приняты к исполнению 22 инвестиционных проекта в сфере освоения лесов на общую сумму 20,5 млрд руб.

На наш взгляд, перспективными инструментами структурной политики могут стать:

- формирование устойчивых государственно-частных партнерств в области ре-

ализации проектов по глубокой переработке древесины. Этому может содействовать получение озвученных в Послании Президента РФ Федеральному Собранию государственных инфраструктурных кредитов;

- привлечение частных инвесторов в созданные промышленные парки и территории опережающего развития на основе заключения специальных инвестиционных контрактов;

- развитие внутреннего спроса со стороны государственного сектора на товары и услуги лесопромышленного комплекса.

Резюмируя, отметим, что, согласно нашим расчетам, решение о запрете экспорта круглого леса за рубеж положительно скажется на стимулировании экономики Вологодской области. К тому же, реализация инвестиционных проектов по созданию и модернизации производств более глубокой переработки древесины, регламентируемая отраслевыми стратегическими документами, позволит нарастить мощности, необходимые для удовлетворения сформированного в будущем спроса.

Результаты исследования могут быть полезны представителям лесопромышленного комплекса, инвесторам, органам государственной власти и прочим заинтересованным сторонам. Дальнейшие исследования будут связаны с оценкой существующих цепочек создания стоимости в лесопромышленном комплексе, поиском и обоснованием направлений их трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.
2. Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
3. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широга. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.
4. Система мер по восстановлению экономического роста в России / В.В. Ивантер [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 3–9.
5. Behun M., Gavurova B., Tkacova A., Kotaskova A. The impact of the manufacturing industry on the economic cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 23–39.

6. Сидоров М.А. Территориальное развитие на основе стимулирования российской электронной промышленности // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 27–44.
7. Дышаева Л. К вопросу о новой российской индустриализации // Экономист. 2015. № 2. С. 26–35.
8. Шишелов М.А. Деревообрабатывающая промышленность как главный вектор развития лесопромышленного комплекса // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 3 (378). С. 15–25.
9. Маклахов А.В., Живетин В.В., Симонов Г.А. Некоторые аспекты модернизации экономики Нечерноземья (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 81–94. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.6
10. Состояние и перспективы развития лесопромышленного комплекса России / Н.Б. Пинягина [и др.] // Вестн. Моск. гос. ун-та леса – Лесн. вестн. 2011. № 1. С. 167–173.
11. Чан Т.Х.И., Мурашева А.А., Столяров В.М. Оценка эффективности деятельности лесопромышленного комплекса на землях лесного фонда в рамках интеграции предприятий лесозаготовки и деревообработки // Инновации и инвестиции. 2020. № 2. С. 243–247.
12. Пыжев А.И. Исследования экономики лесного комплекса России: библиометрический анализ // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 63–77. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77
13. Поконов А.А. Лесопромышленный комплекс России в 2020 году: проблемы и перспективы развития // Моск. экон. журн. 2020. № 12. С. 76. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10872
14. Susilawati D., Kanowski P.J. Sustainability certification and legality verification in Indonesian natural forest-based wood products value chains. *International Forestry Review*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 365–391.
15. Смыслова О.Ю. Диверсификация как драйвер развития экономики сельских территорий // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 7 (93). С. 5–15. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-7-5-15
16. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1
17. Модернизация биоресурсной экономики северного региона: монография. Сыктывкар: Коми республик. тип., 2018. 212 с.
18. Шишелов М.А. Оценка ресурсной эффективности использования древесины северного региона: методология и практика (на примере Республики Коми) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестн. Науч.-иссл. центра корпорат. права, управления и венчурн. инвестирования Сыктывкар. гос. ун-та. 2019. № 2. С. 30–37. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-2-30-37
19. Оценка ресурсной эффективности использования возобновимого природного капитала северного региона: монография / Т.Е. Дмитриева [и др.]. Сыктывкар: Коми республик. тип., 2021. 236 с.
20. Calof J., Richards G., Smith J. Foresight, competitive intelligence and business analytics – tools for making industrial programmes more efficient. *Foresight-Russia*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 68–81. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.1.68.81
21. Paap J. Mapping the Technological Landscape to Accelerate Innovation. *Foresight and STI Governance*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 41–54. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.41.54
22. Ashton B. Intelligent technology scanning: Aims, content, and practice. *Foresight and STI Governance*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 15–29. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.15.29

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита Михайлович Румянцев – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com

Rumyantsev N.M.

TIMBER INDUSTRY AS A PRIORITY OF THE VOLOGDA OBLAST STRUCTURAL POLICY

Requests for structural policy in modern economic conditions require a search for its sectoral priorities. The adopted Strategy for the development of the forest complex of the Russian Federation until 2030 brings to the fore the development of the timber industry complex in the Vologda Oblast as one of the region that is most provided with forest resources. In this regard, the purpose of the research is to substantiate the development of the timber industry complex as an industry priority of the Vologda Oblast structural policy to accelerate the region's economic development. Achieving the research goal required solving a number of tasks: assessing the role of the timber industry in the region's economic development, studying the current state of the timber industry, calculating consequences for the regional economy from the export ban of roundwood abroad, as well as determining potential directions for the timber industry development. The study has identified a more significant impact of the timber industry on economic development in the employment than other key sectors of the Vologda Oblast economy. We have identified the following problems of the timber industry in the region: active export of low-added value products, high physical deterioration of the material and technical base of production with insufficient investment for its renewal and modernization, reduction in the level of logging with growing forest consumption rate. The paper forms potential directions to develop the timber industry as priority sectors of in-depth processing of wood, and proposes analytical tools of structural policy to facilitate their implementation. The scientific novelty of the study consists in assessing the current trends in the development of the timber industry as a priority of the region's structural policy, as well as assessing the possible consequences of export ban of roundwood from January 1, 2022 using methods of intersectoral modeling. The results of the work can be useful to representatives of the timber industry, investors, public authorities and other interested parties. Further research will be related to the assessment of existing value chains in the timber industry, the search for and justification of the directions of their transformation.

Timber industry, structural policy, region, driver of economic growth.

REFERENCES

1. Ivanter V.V. (Ed.). *Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii: monografiya* [Structural and Investment Policy in order to Ensure Economic Growth in Russia: Monograph]. Moscow: Nauchnyi konsul'tant, 2017. 196 p.
2. Leonidova E.G., Sidorov M.A. Structural changes in the economy: Searching for sectoral drivers of growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (in Russian).
3. Shirov A.A. *Transformatsiya struktury ekonomiki: mekhanizmy i upravlenie: monografiya* [Transformation of Economic Structure: Mechanisms and Management: Monograph]. Moscow: MAKS Press, 2018. 264 p.

4. Ivanter V.V. et al. The system of measures to restore economic growth in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 2018, no. 1 (166), pp. 3–9 (in Russian).
5. Behun M., Gavurova B., Tkacova A., Kotaskova A. The impact of the manufacturing industry on the economic cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 23–39.
6. Sidorov M.A. Territorial development based on stimulation of the Russian electronic industry. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 27–44 (in Russian).
7. Dyshaeva L. On the issue of the new Russian industrialization. *Ekonomist=Economist*, 2015, no. 2, pp. 26–35 (in Russian).
8. Shishelov M.A. Woodwork and timber industry as the main vector of timber processing complex development. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 2015, no. 3 (378), pp. 15–25 (in Russian).
9. Maklakhov A.V., Zhivetin V.V., Simonov G.A. Some aspects of economic modernization in the nonblack soil zone (case study of the Vologda Oblast). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 2 (106), pp. 81–94. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.6 (in Russian).
10. Pinyagina N.B. et al. The state and prospects of development of the Russian timber industry. *Lesnoi vestnik=Forestry Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 167–173 (in Russian).
11. Tran T.Kh.I., Murasheva A.A., Stolyarov V.M. Evaluation of the effectiveness of the forestry complex on the lands of the forest fund as part of the integration of logging and woodworking enterprises. *Innovatsii i investitsii=Innovations and Investments*, 2020, no. 2, pp. 243–247 (in Russian).
12. Pyzhev A.I. Studies on the Russian forest industry: Bibliometric analysis. *Terra Economicus*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 63–77. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77 (in Russian).
13. Pokonov A.A. The forest industry complex of Russia in 2020: Problems and prospects for development. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal=Moscow Journal*, 2020, no. 12, p. 76. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10872 (in Russian).
14. Susilawati D., Kanowski P.J. Sustainability certification and legality verification in Indonesian natural forest-based wood products value chains. *International Forestry Review*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 365–391.
15. Smyslova O.Yu. Diversification as the driver of development of the development of rural territories. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki=Regional Problems of Transforming the Economy*, 2018, no. 7 (93), pp. 5–15. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-7-5-15 (in Russian).
16. Uskova T.V., Voroshilov N.V. Integrated development of rural territories – a task of national importance. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1 (in Russian).
17. *Modernizatsiya bioresursnoi ekonomiki severnogo regiona: monografiya* [Modernization of the Bioresource Economy of the Northern Region: Monograph]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya, 2018. 212 p.
18. Shishelov M.A. Assessment of the resource efficiency of the use of wood in the northern region: Methodology and practice (on the example of Komi Republic). *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurn. investirovaniya Syktyvkar. gos. un-t=Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 2019, no. 2, pp. 30–37. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-2-30-37 (in Russian).
19. Dmitrieva T.E. et al. *Otsenka resursnoi effektivnosti ispol'zovaniya vozobnovimogo prirodnogo kapitala severnogo regiona: monografiya* [Assessment of Resource Efficiency of the Use of Renewable Natural Capital of the Northern Region: Monograph]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya, 2021. 236 p.

20. Calof J., Richards G., Smith J. Foresight, competitive intelligence and business analytics – tools for making industrial programs more efficient. *Foresight-Russia*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 68–81. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.1.68.81
21. Paap J. Mapping the Technological Landscape to Accelerate Innovation. *Foresight and STI Governance*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 41–54. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.41.54
22. Ashton B. Intelligent technology scanning: Aims, content, and practice. *Foresight and STI Governance*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 15–29. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.15.29

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.4

УДК 332.143 | ББК 60.550.7

© Косыгина К.Е.

ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В РЕГИОНЕ¹**КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА КОСЫГИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: **0000-0001-5875-8912**; ResearcherID: **K-7910-2018**

В глобальной повестке дня в области устойчивого развития отмечено, что социальные, экономические и экологические проблемы требуют скорейшего решения, в том числе за счет более широкого сотрудничества между различными секторами экономики, которое реализуется в рамках межсекторного социального партнерства. Одной из сторон партнерства является некоммерческий сектор, которому в исследовании отводится роль инициатора и координатора. Отмечено, что уровень региона выступает центральным звеном в осуществлении государственной политики, где соединяются требования единой государственной политики, исходящей из федерального центра, и конкретные потребности, формирующиеся на местах. С тем чтобы организации некоммерческого сектора эффективно выполняли координирующую роль межсекторного социального партнерства, необходимо выработать обоснованные предложения для региональной и муниципальной политики в отношении организационно-экономических инструментов их инфраструктурной поддержки. В этом заключается цель, поставленная в статье. Информационной базой для исследования послужили труды российских и зарубежных ученых по проблемам межсекторного социального партнерства, региональной экономики, управления и некоммерческого сектора, отчеты и документы органов власти, некоммерческих организаций. Использованы универсальные общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение и обобщение. Новизна работы заключается в расширении теории и практики изучения межсекторного социального партнерства и управления в части создания условий для развития некоммерческого сектора в регионах и муниципальных образованиях. Предложен комплексный механизм развития

Для цитирования: Косыгина К.Е. Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 67–81. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.4

For citation: Kosygina K.E. Development tools of the non-profit sector in the region. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 67–81. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.4

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-011-00724 А «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

некоммерческого сектора, заключающийся в выстраивании сетевого взаимодействия региональных ресурсных центров и центров инфраструктурной поддержки организаций некоммерческого сектора на муниципальном уровне с применением инструмента государственной сертификации. При этом выявлены особенности и проблемы функционирования действующих региональных ресурсных центров, определены преимущества сертификации. Сделан вывод о том, что внедрение обоснованных предложений в практику регионального и муниципального управления позволит обеспечить эффективное функционирование некоммерческого сектора, активизировать участие хозяйствующих субъектов и населения в решении общественно значимых проблем и поднять межсекторное социальное партнерство на более высокий уровень развития.

Межсекторное социальное партнерство, инструменты, регион, муниципальные образования, инфраструктурная поддержка, НКО, СОНКО, некоммерческий сектор, управление, устойчивое развитие.

Актуальность проблематики и краткий обзор литературы

Идея межсекторного социального партнерства (далее – МСП) является новой стратегической парадигмой в рамках глобальной повестки дня в области целей устойчивого развития (ЦУР), принятых Организацией Объединенных Наций в качестве плана действий до 2030 года в «достижении лучшего и более устойчивого развития для всех». Важность МСП указывается в ЦУР № 17 – «партнерство для достижения целей»². Такие партнерства стали прогрессирующим средством решения актуальных и значимых проблем, которые находятся в зоне ответственности различных секторов экономики [1–3]. Ю.И. Грищенко отмечает, что полноценное МСП «придает инициативам, направленным на обеспечение устойчивого развития, инновационный и последовательный характер, позволяющий решать сложнейшие социальные задачи» [4].

На фоне мировой повестки в российском обществе также повышается внимание к развитию межсекторного социального партнерства как механизма сотрудничества отдельных лиц и организаций из некоммерческого, государственного и предпринимательского секторов, которые на основе синергетического эффекта используют свои ресурсы для совместного решения социальных проблем и достижения общей цели [5–7]. Проблемы

применения МСП на разных уровнях в рамках публичной политики и сетевого подхода обсуждаются в работах В.М. Якимца, Л.И. Никовской [8], Л.В. Сморгунова [9], А.С. Автономова [10], Н.В. Мироненко [11], Л.И. Полищука [12] и др. Вопросам государственного регулирования в части формирования и развития межсекторного социального партнерства посвящен существенный пласт исследовательских работ, в которых доказывалось, что важным звеном в управлении должно стать признание значимости партнерского взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора для обеспечения социально-экономического развития страны и ее регионов [13–17].

Кроме того, применение МСП выступает основой для повышения эффективности властных решений, увеличения доверия к органам управления со стороны населения и бизнеса. В 2021 году Президент РФ подписал указ, утверждающий показатели оценки эффективности деятельности губернаторов и органов исполнительной власти регионов: «доверие к власти» со стороны населения находится на первом месте³. Инструменты МСП дают возможность государственным структурам своевременно улавливать запросы со стороны населения и производить коррекцию управленческих решений.

В наших предыдущих работах доказывалось, что в выстраивании конструктивного

² United Nations. Sustainable Development Goals. 2015. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org>

³ Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

сотрудничества в рамках МСП некоммерческому сектору отводится роль инициатора и координатора, так как он максимально ориентирован на решение социальных проблем, некоммерческие организации (далее – НКО) наиболее полно понимают потребности целевых аудиторий и объединяют различных участников процесса социальных изменений, способствуют устойчивому развитию. В то же время региональный уровень выступает центральным звеном в области регулирования и поддержки некоммерческого сектора, где сходятся требования единой государственной политики, исходящей из федерального уровня, и конкретные потребности, которые формируются на муниципальном уровне [18, с. 95].

В связи с этим особую значимость приобретают вопросы обоснования и формирования предложений по корректировке и совершенствованию региональной и муниципальной политики в отношении организационно-экономических инструментов инфраструктурной поддержки некоммерческого сектора на основе межсекторного социального партнерства, что и составляет цель нашего исследования.

Материалы

В информационную базу исследования вошли труды российских и зарубежных ученых по проблемам межсекторного социального партнерства, региональной экономики, управления и некоммерческого сектора.

Кроме отмеченных теоретико-методологических работ использованы правовые акты федерального значения, иные документы органов государственной власти и управления, а также материалы официальных сайтов инфраструктурных, некоммерческих организаций, грантовых площадок. В частности:

- методические материалы по формированию в регионах и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки СОНКО (Министерство экономического развития РФ, 2016 год);

- отчет о реализации субъектами РФ мер по обеспечению доступа социально ори-

- ентированных некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и механизмов поддержки СОНКО (Министерство экономического развития РФ, 2018, 2019 гг.);

- годовые финансовые и публичные отчеты региональных ресурсных центров поддержки организаций некоммерческого сектора;

- сведения с платформы по оценке реализации проектов, разработанных победителями конкурсов президентских грантов (Фонд президентских грантов – единый оператор грантов для некоммерческих организаций с 2017 года).

Основные результаты исследования

Представление результатов требует уточнения ограничений исследования. В соответствии с целью работы, заключающейся в обосновании и формировании предложений в отношении организационно-экономических инструментов инфраструктурной поддержки некоммерческого сектора, необходимо понимать, какие организации следует относить к данному сектору экономики. Так, в рамках федерального и регионального законодательства государство оказывает помощь организациям, работающим в статусе социально ориентированная НКО (СОНКО). В силу этого обстоятельства будем рассматривать в исследовании именно указанную часть организаций. Вместе с тем удельный вес СОНКО в структуре сектора составляет более 70%, что позволяет отождествлять их деятельность с функционированием некоммерческого сектора в целом.

Деятельность регионального ресурсного центра поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций

В результате обобщения результатов исследований по проблеме инфраструктурной поддержки негосударственных некоммерческих организаций и внедрения МСП выявлено, что ресурсные центры (далее – РЦ) рассматриваются как комплексный механизм развития некоммерческого сектора, который является эффективным в условиях российских регионов [19]. Ресурсный центр

выступает в качестве института развития со сформированной организационной структурой и определенными функциями, подкрепленными ресурсами под их реализацию. Полученный вывод подтверждается в работах В.Ю. Кульковой [20], А.В. Соколова [21], А.Г. Дыганова и его соавторов [22].

Ориентиры на решение задачи, связанной с развитием организации инфраструктурной поддержки некоммерческого сектора в регионах, определены на федеральном уровне. Министерством экономического развития РФ разработаны Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах РФ ресурсных центров СОНКО. Документ закрепляет определение, функции, перечень получателей услуг, приоритетные направления деятельности, критерии оценки работы региональных ресурсных центров (далее – РРЦ), формы государственной поддержки. Согласно п. 2 данного документа: «Региональный ресурсный центр поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций является ключевым элементом формирования инфраструктуры поддержки СОНКО»⁴.

Организационно-правовая форма РРЦ в документе конкретно не прописывается. На наш взгляд, можно предложить следующее определение. Региональный ресурсный центр является специализированной негосударственной инфраструктурной организацией, созданной для поддержки СОНКО в организационно-правовой форме в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях». Цели деятельности РРЦ – содействие развитию некоммерческого сектора региона, распространение новых технологий и передовых практик работы в социальной сфере с учетом приоритетов регионального развития.

Обобщение практик деятельности РРЦ и положений методических рекомендаций Минэкономразвития РФ позволило выявить функции РРЦ, а также показатели оценки их деятельности (рис. 1).

Органы власти в субъектах РФ содействуют созданию и функционированию РРЦ поддержки СОНКО за счет бюджета. Согласно отчету о реализации регионами механизмов инфраструктурной поддержки сектора социальных НКО за 2019 год в 57 субъектах финансировалась деятельность 157 РРЦ (сумма направленных средств 1,46 млрд руб.), для сравнения: в 2018 году 163 РРЦ, 1,31 млрд руб. Основной применяемый инструмент – целевая субсидия или субсидия на конкурсных началах. Данные свидетельствуют, что за два года число РРЦ сократилось при увеличении объема бюджетных ассигнований. Распределение числа РРЦ субъектов СЗФО, получивших финансовую поддержку, выглядит следующим образом: всего в СЗФО действуют 32 РРЦ, из них 12 в г. Санкт-Петербурге и 7 в Вологодской области. В остальных регионах РРЦ для поддержки СОНКО значительно меньше (рис. 2).

Таким образом, на основе изучения отчета о реализации регионами механизмов инфраструктурной поддержки СОНКО и практик деятельности РРЦ в СЗФО выявлены следующие особенности и проблемы функционирования центров.

Во-первых, наблюдается дифференциация регионов относительно общего количества действующих РРЦ, получивших бюджетные средства, и отсутствие прямой зависимости количества РРЦ от численности действующих в регионе организаций. Например, в Вологодской области зарегистрировано 1386 СОНКО при семи действующих РРЦ, а в Архангельской – на 1427 зарегистрированных организаций приходится лишь два РРЦ, то есть в 3,5 раза меньше.

Во-вторых, анализ официальных сайтов РРЦ, включая годовые финансовые и публичные отчеты, позволил установить, что не все РРЦ, получающие финансирование из бюджета, обладают достаточной ресурсной базой для осуществления деятельности и оправдывают статус инфраструктурной организации, которая может в полном объеме оказыва-

⁴ Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456052661>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ ПОДДЕРЖКИ СОНКО	
<p>ФУНКЦИИ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Мониторинг деятельности СОНКО, выполнение аналитических работ по оценке мероприятий, проектов, программ содействия развитию некоммерческого сектора 2. Привлечение внебюджетных ресурсов в некоммерческий сектор экономики 3. Укрепление экономического потенциала СОНКО с целью увеличения их доли на рынке социальных услуг путем обеспечения им доступа к бюджетным средствам 4. Преодоление несогласованности и устранение межведомственных барьеров в части оказания финансовой и иной поддержки СОНКО 5. Организация информационного сопровождения 6. Имущественная поддержка 7. Оказание услуг по образованию сотрудников СОНКО, организация стажировок 8. Координация региональных и муниципальных программ поддержки, привлечение к участию в разработке и реализации этих программ предпринимателей на основе долевого софинансирования 9. Совершенствование деятельности экспертных и конкурсных комиссий с целью повышения качества принимаемых к финансированию проектов и контроля целевого использования средств 10. Проведение экспертизы социальных проектов НКО, участвующих в конкурсах на получение субсидий, грантов из регионального бюджета 11. Координация работы, организационная поддержка муниципальных ресурсных организаций 12. Развитие взаимодействия между СОНКО и органами исполнительной власти региона, местного самоуправления, бизнесом 13. Разработка новых механизмов и технологий поддержки НКО 	<p>ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Объем услуг установленного качества, предоставленных РРЦ 2. Качество услуг, предоставленных РРЦ (на основе анкетирования) 3. Количество СОНКО, зарегистрированных при поддержке ресурсного центра в течение года 4. Количество СОНКО, пользующихся услугами ресурсных центров 5. Доля СОНКО, пользующихся услугами РРЦ, от количества СОНКО на территории региона 6. Динамика объемов услуг, предоставленных СОНКО – получателями услуг ресурсного центра, объемов пожертвований, привлеченных такими СОНКО, а также количества привлеченных ими добровольцев 7. Динамика активов целевого капитала некоммерческих организаций, получивших поддержку ресурсного центра 8. Экономия бюджетных средств, достигнутая благодаря успешной деятельности СОНКО, направленной на предотвращение конкретных негативных социальных явлений 9. Дополнительные экономические выгоды от достижения СОНКО результатов своей деятельности 10. Объем внебюджетных средств, привлеченных ресурсным центром, а также СОНКО – получателями услуг ресурсного центра для осуществления деятельности

Рис. 1. Функции и показатели оценки деятельности региональных ресурсных центров поддержки СОНКО

Источник: составлено автором.

вать содействие в развитии сектора СОНКО. В частности, в Вологодской области не имеют собственных источников финансового обеспечения деятельности, материальной и имущественной базы (возможность предоставления помещений) более 50% РРЦ. Штат постоянных квалифицированных сотрудников сформирован только у четырех РРЦ. Ресурсы информационного сопровождения отсутствуют у двух РРЦ. В то же вре-

мя в перечень входит Благотворительный фонд «Дорога к дому», который относится к отраслевому типу РРЦ, так как работает только с целевой группой организаций, занимающихся поддержкой семей в кризисных ситуациях. Большинство организаций из-за отсутствия полного набора собственных ресурсов выполняют лишь 2–3 функции из приведенного выше перечня (табл. 1). В связи с этим возникают проблемы, касаю-

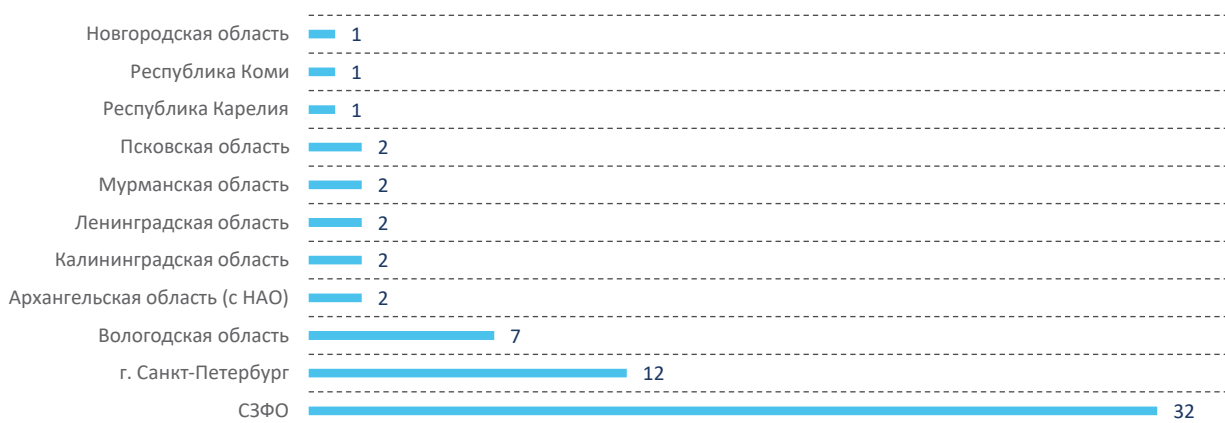

Рис. 2. Количество РРЦ для СОНКО, получивших финансовую поддержку из бюджетов субъектов СЗФО, 2018 год

Составлено по: Отчет Министерства экономического развития РФ о реализации субъектами Российской Федерации мер по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в 2018 году. URL: <http://www.nko.economy.gov.ru>

Таблица 1. Ресурсное обеспечение деятельности РРЦ поддержки СОНКО (на примере Вологодской области)

Наименование показателя ресурсной обеспеченности	Кол-во РРЦ, ед.
Всего РРЦ в регионе	7
Из них обеспечены:	
нормативно-правовой базой (устав, учредительные документы)	5
ресурсами для информационного сопровождения деятельности СОНКО	5
штатом постоянных квалифицированных сотрудников	4
собственными источниками финансового обеспечения деятельности	3
собственной материальной и имущественной базой (возможность предоставления помещений)	3
Источник: составлено автором с использованием анализа официальных сайтов ресурсных центров, включая годовые финансовые и публичные отчеты.	

щиеся эффективности использования бюджетных средств и оправдания статуса РРЦ, его способности обеспечивать выполнение всех функций на надлежащем уровне.

В-третьих, специфика работы РРЦ обусловлена тем, что выделение субсидий из регионального бюджета, как правило, производится на конкурсной основе и на срок не более одного года. В случае отклонения конкурсных заявок и при отсутствии собственных источников финансирования это приводит к нестабильной работе или полной приостановке деятельности организации, а также потере квалифицированных кадров.

В-четвертых, в действующих нормативных документах РРЦ не выделены в отдель-

ную организационно-правовую форму некоммерческих организаций. В Методических материалах по формированию и поддержке в субъектах РФ ресурсных центров СОНКО, разработанных Министерством экономического развития РФ в 2016 году, содержится указание на форму создания в виде негосударственных некоммерческих организаций. При этом документ носит рекомендательный характер, в связи с чем на практике РРЦ создаются в организационно-правовой форме фондов, автономных некоммерческих организаций и партнерств, общественных организаций, государственных и муниципальных учреждений или структур при органах власти (табл. 2).

Таблица 2. Характеристика региональных ресурсных центров в зависимости от организационно-правовой формы (на примере субъектов СЗФО)

Регион	Наименование РРЦ	Организационно-правовая форма
Вологодская область	НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив»	Фонд
Мурманская область	Автономная некоммерческая организация социальных услуг и консультативной деятельности «Ресурсный центр некоммерческих организаций»	Автономная некоммерческая организация
Новгородская область	Государственное областное казенное учреждение «Общественно-аналитический центр»	Государственное или муниципальное учреждение
Псковская область	Псковская областная общественная организация «Центр устойчивого развития Псковской области»	Общественная организация
Республика Карелия	Ассоциация «Карельский ресурсный центр общественных организаций»	Ассоциация

Источник: Отчет Министерства экономического развития РФ о реализации субъектами Российской Федерации мер по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в 2018 году. URL: <http://www.nko.economy.gov.ru>

Таким образом, состояние ресурсной базы РРЦ Вологодской области (обеспеченность помещениями, специальным оборудованием, квалифицированными специалистами и др.), а также анализ их финансовой устойчивости позволяют сделать вывод о неполном соответствии ряда инфраструктурных организаций установленным требованиям к номенклатуре и качеству предоставляемых услуг. Деятельность таких организаций ориентирована на получение грантов и субсидий, которые, как известно, даются только под конкретный проект и на непродолжительные сроки, что не позволяет достичь устойчивости организации и стабильности квалифицированного кадрового состава. В связи с этим считаем необходимым применить инструмент государственного регулирования при определении статуса ресурсного центра с помощью процедуры сертификации. Она поможет вычленил наиболее квалифицированные и стабильно функционирующие организации, способные оказывать эффективную инфраструктурную поддержку некоммерческому сектору региона.

Сертификация РРЦ поддержки СОНКО

Итак, для обеспечения качественного и гарантированного выполнения функций по поддержке развития некоммерческого сектора РРЦ, создаваемые в форме негосударственных некоммерческих организаций, подлежат государственному регулированию посредством сертификации. Сертификация придает уверенность, что предоставляемые услуги соответствуют требованиям методических рекомендаций Минэкономразвития РФ по оценке деятельности ресурсных центров⁵.

Объектами сертификации являются негосударственные некоммерческие организации, созданные для поддержки СОНКО в соответствии с ФЗ «О некоммерческих организациях» и подавшие заявку на участие на условиях конкурсного отбора. Сертификация носит добровольный характер, проводится по инициативе заявителя.

Полномочиями по проведению сертификации может быть наделен орган исполнительной власти региона, ответственный за осуществление политики в области поддержки развития некоммерческого сектора (например, на уровне Вологодской обла-

⁵ Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах РФ и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456052661>

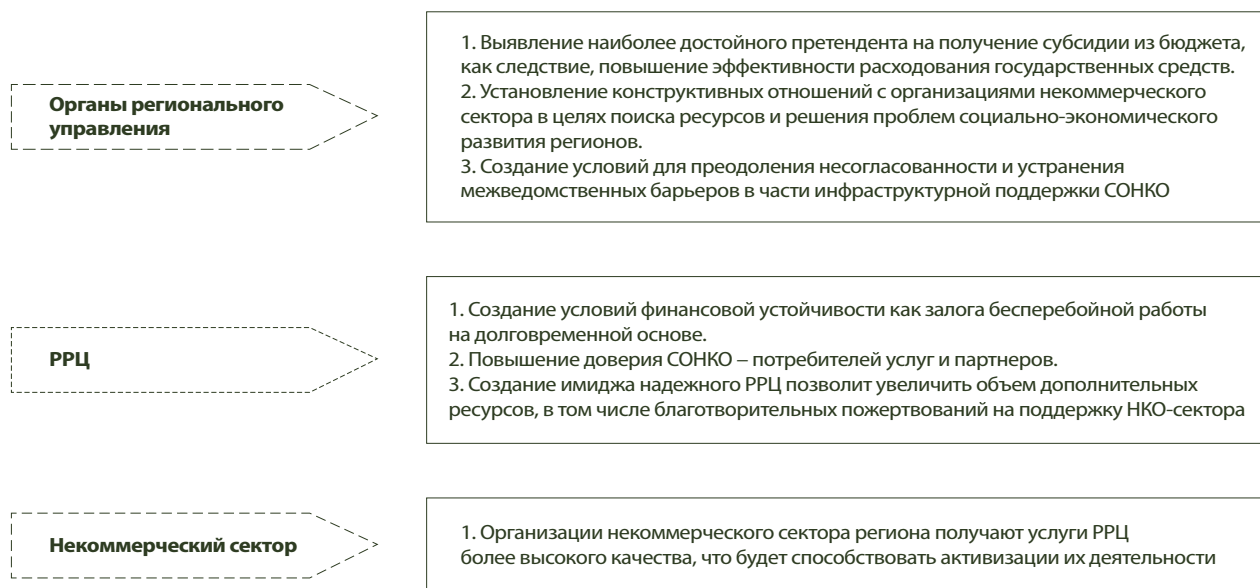

Рис. 3. Преимущества сертификации РРЦ поддержки СОНКО

Источник: составлено автором.

сти – Департамент внутренней политики Правительства области). Для осуществления процедуры разрабатывается нормативный документ «Порядок сертификации негосударственных некоммерческих организаций на соответствие региональному ресурсному центру поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

Принципиально важным при проведении сертификации является определение требований, которые учитываются при подаче конкурсной заявки РРЦ. Предлагается принимать во внимание следующие сертификационные требования:

- наличие нормативно-правовой базы (устав, учредительные документы);
- продолжительность деятельности РРЦ;
- наличие собственной материальной базы;
- территория и специализация деятельности;
- виды оказываемых услуг для СОНКО;
- наличие программы развития ресурсного центра;
- возможность предоставления помещений для постоянной и временной работы на безвозмездной и льготной основе;
- финансовые ресурсы, выделяемые из собственных и привлеченных источников

для поддержки СОНКО, соглашения с партнерскими организациями;

- ресурсы для информационного сопровождения деятельности СОНКО;
- кадровый состав экспертов, консультантов и профессиональных специалистов некоммерческого сектора;
- основные достижения в виде отчета о реализации функций и деятельности.

Таким образом, предложенная процедура сертификации является организационно-экономическим инструментом управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне и обусловлена интересами всех сторон (рис. 3).

Создание муниципальных центров инфраструктурной поддержки СОНКО

Инфраструктурная поддержка СОНКО не может ограничиваться лишь региональным уровнем. В муниципалитетах, особенно в сельской местности, действуют, как правило, малые некоммерческие организации, а в большинстве случаев – инициативные группы граждан, не имеющие статуса юридического лица. В этих условиях возникает необходимость создавать муниципальные центры инфраструктурной поддержки (далее – МЦИП), которые становятся для местных гражданских структур многофункциональными организациями,

Таблица 3. Основные итоги деятельности «Ресурсно-методического центра для НКО «Энергия города» в 2019 году (г. Череповец, Вологодская область)

Показатель	План	Факт	Эффективность (перевыполнение), %
Количество человек, которым оказаны услуги в сфере некоммерческой деятельности	200	267	134
Количество некоммерческих неправительственных организаций, получивших поддержку	100	107	107
Количество консультаций, проведенных по вопросам управления и развития НКО	250	678	271
Количество активных горожан, которым оформлены документы для регистрации новой НКО	20	20	100
Количество занятий в школе для специалистов НКО	6	10	167
Количество услуг, оказанных в рамках коворкинг-центра	50	59	118
Примечание: Фонд проводит оценку результатов реализации проекта (включая оценку соответствия запланированных и достигнутых целевых показателей) на основании отчетности победителя конкурса и дополнительной информации, собранной Фондом. Составлено по: Платформа оценки реализации проектов победителей конкурсов президентских грантов / Фонд президентских грантов. URL: http://оценка.гранты.рф			

аккумулирующими в себе местные инициативы и различные ресурсы.

В настоящее время в российских регионах реализуются практики организации инфраструктурных центров на уровне муниципальных образований. Положительный опыт имеется в г. Череповце Вологодской области. В 2019 году на базе АНО поддержки общественных инициатив и проектов «Энергия города» создан «Ресурсно-методический центр для НКО», который получил поддержку Фонда президентских грантов в размере 500 тыс. руб. (при софинансировании в 350 тыс. руб.)⁶. Несмотря на незначительный объем федерального финансирования, проект показал высокую эффективность деятельности и привлек дополнительные ресурсы. Некоторые плановые показатели были превышены в 2–3 раза (табл. 3).

Исходя из практического положительного опыта, цель создания муниципальных центров инфраструктурной поддержки СОНКО и инициативных групп граждан видится в формировании благоприятных условий для развития некоммерческого сектора на муниципальном уровне, а также в объединении ресурсов территории (экономических, человеческих, социальных) для реше-

ния проблем местного сообщества и повышения качества жизни населения, развития институциональной благотворительности. Целевыми группами МЦИП являются местные некоммерческие организации и иные общественные формирования, отделения региональных организаций, активные группы граждан, действующие на территории муниципалитета, а также органы местного самоуправления.

Организатором и инициатором создания МЦИП выступает региональный ресурсный центр, прошедший процедуру государственной сертификации. В надзорные органы входят представители муниципальных администраций и местного бизнеса.

В связи с ограниченными финансовыми и организационными возможностями муниципалитетов по созданию и поддержке деятельности МЦИП ключевым становится вопрос о стоимости создания такого центра. В каждом конкретном случае привлекаются уже имеющиеся местные ресурсы, что обеспечивает переход к схеме МЦИП без дополнительных капитальных затрат. С этой целью предусматривается объединение финансовых, имущественных и кадровых ресурсов местных СОНКО на прин-

⁶ Оценка реализации проектов победителей конкурсов президентских грантов / Фонд президентских грантов. URL: <http://оценка.гранты.рф>

ципах кооперации и аутсорсинга, что позволяет:

1) организовать «единое окно» для всех организаций и инициативных групп муниципалитета в части фандрайзинговой деятельности по привлечению средств из внебюджетных источников, развития добровольчества, связей с общественностью, социальной рекламы и др.;

2) создать единый информационный портал, объединив IT-возможности (программное обеспечение, интернет-ресурсы), освещение мероприятий СОНКО в социальных сетях и на сайтах партнеров;

3) объединить имущество в центре коллективного пользования (коворкинге): предоставление оргтехники и специального оборудования, предоставление помещений, мебели, средств связи, размещение рабочих мест сотрудников СОНКО;

4) оказывать услуги по аутсорсингу: бухгалтерский учет и отчетность, юридическое сопровождение, связь с общественностью, дизайн, веб-программирование;

5) получать финансовую поддержку СОНКО на возвратной основе без процентов из кассы взаимопомощи МЦИП.

Указанный перечень скооперированных работ составляет основу предмета деятельности МЦИП. При этом по решению участников его функции могут быть возложены на одну из действующих некоммерческих организаций, при этом не потребуется создавать новое юридическое лицо, что особенно актуально для небольших сельских территорий. На стадии создания МЦИП достаточно принять согласованные учредительные документы, заключить договоры о централизации имущества и функций, а также о совместной деятельности СОНКО в рамках муниципального центра инфраструктурной поддержки без привлечения сторонних средств. Имущественными ресурсами могут стать неиспользуемые помещения упраздненных муниципальных учреждений в сфере культуры, образования и здравоохранения (в связи с оптимизацией с 2000 по 2019 год в Вологодской области количество орга-

низаций культурно-досугового типа уменьшилось в 1,8 раза, сферы здравоохранения – в 1,3 раза, сферы образования – более чем в два раза⁷).

Текущая деятельность МЦИП обеспечивается стандартными источниками денежных и иных поступлений, к числу которых относятся:

- субсидии в рамках муниципальных программ поддержки СОНКО;
- взносы и пожертвования на уставную деятельность юридических и физических лиц;
- целевые поступления на выполнение конкретных проектов и программ;
- добровольческий труд;
- безвозмездная передача материальных ценностей;
- безвозмездное оказание услуг;
- федеральные и региональные гранты;
- гранты частных благотворительных фондов;
- доходы от собственной деятельности по выполнению государственных, муниципальных и частных заказов.

Функции МЦИП лишь частично повторяют функции РРЦ, рассмотренные выше, но с поправкой на местные особенности, поскольку МЦИП не в полной мере имеет возможность оказывать комплекс услуг по всей номенклатуре ресурсного центра, особенно по вопросам, требующим высокой квалификации, он организует взаимодействие с РРЦ.

Единая «зонтичная» структура в рамках деятельности РРЦ – МЦИП СОНКО

В результате региональный ресурсный центр совместно с муниципальными центрами инфраструктурной поддержки образует в регионе единую «зонтичную» структуру (рис. 4), которая обеспечивает устойчивое объединение государственных, муниципальных, негосударственных учреждений, организаций и других юридических лиц, вместе работающих над решением социальных проблем и координирующих свою деятельность и распределение ресурсов в этом направлении.

МЦИП исполняют роль сетевых опорных пунктов РРЦ, образуя тем самым об-

⁷ Вологодская область в цифрах: крат. стат. сб. / Вологдастат.

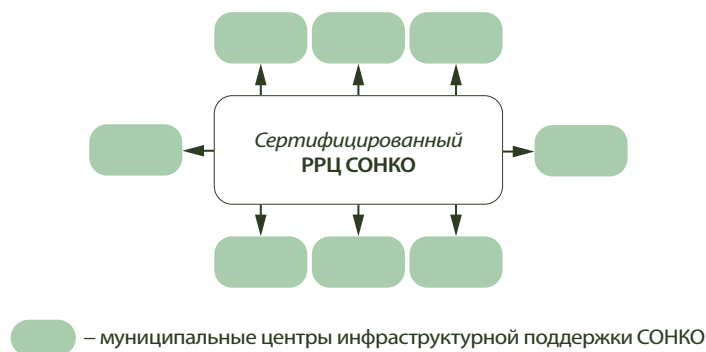

Рис. 4. Схема «зонтичной структуры» РРЦ – МЦИП СОНКО

Источник: составлено автором.

щественно-государственный каркас, формируемый на паритетной основе местными общественными структурами, предпринимательским сообществом и муниципальной администрацией [18]. Кроме того, они обеспечивают доступ муниципальных НКО и инициативных групп граждан к получению услуг, оказываемых РРЦ. При создании и развитии РРЦ и МЦИП как инфраструктурных организаций постепенно сокращаются или полностью устраняются причины стагнации, прекращения деятельности или замирания деловой активности СОНКО.

Заключение

В российских регионах необходимо развивать межсекторное социальное партнерство (взаимодействие организаций государственного, бизнес- и некоммерческого секторов), поскольку такая форма взаимоотношений позволяет не только получить дополнительные ресурсы на цели устойчивого развития, решение социальных проблем и повышение качества жизни населения, но и является инструментом повышения эффективности властных решений, увеличения доверия к органам управления со стороны населения. Применение МСП дает государственным структурам возможность своевременно улавливать запросы со стороны общества и производить коррекцию управленческих решений.

Организации некоммерческого сектора стали ключевыми агентами в решении многих вопросов экономического, экологиче-

ского и социального развития на региональном уровне. Они играют все более важную роль в объединении различных участников процесса социальных изменений, а также содействуют государственному и частному секторам в интеграции проблем устойчивого развития в процесс принятия решений [23]. Поэтому в исследовании некоммерческому сектору отводится особое место – координатора и инициатора МСП, что потребовало обоснования и разработки инструментов его инфраструктурной поддержки, отвечающих принципам сотрудничества и партнерства.

Предложены организационно-экономические и юридические инструменты по совершенствованию сотрудничества региональных, муниципальных органов власти и некоммерческого сектора: генерирующими структурами МСП на условиях равноправного участия становятся сетевые горизонталы: на региональном уровне – региональные ресурсные центры, на муниципальном уровне – центры инфраструктурной поддержки СОНКО. Установлено, что практики организации региональных РЦ уже реализуются в субъектах РФ при поддержке органов управления (на 2018 год в СЗФО действовало 32 РРЦ). Однако анализ их деятельности на примере Вологодской области выявил несоответствие ресурсной базы и финансовой устойчивости требованиям к качеству предоставляемых услуг. В связи с этим в исследовании обосновано применение в качестве инструмента региональной политики государственной сертификации, что позволит вычлени наиболее квалифицированные

и стабильно функционирующие организации, способные оказывать эффективную инфраструктурную поддержку некоммерческому сектору региона. Представленные инструменты универсальны, могут быть дополнены исходя из внутренних особенностей территорий.

Поводя итоги вышесказанному, можно заключить, что предлагаемые организационно-экономические инструменты поднимают межсекторное социальное партнерство на

более высокий уровень и будут способствовать повышению эффективности государственного управления некоммерческим сектором в регионах [18]. Внедрение обоснованных предложений в практику регионального и муниципального управления позволит обеспечить эффективное функционирование некоммерческого сектора, активизировать участие хозяйствующих субъектов и населения в решении общественно значимых задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barroso-Mendez M.J., Galera-Casquet C., Valero-Amaro V., Nevado-Gil M.T. Antecedents of relationship learning in business-non-profit organization collaboration agreements. *Sustainability*, 2019, vol. 12 (1), pp. 1–19.
2. Koschmann M.A., Kuhn T.R., Pfarrer M.D. A communicative framework of value in cross-sector partnerships. *Academy of Management Review*, 2012, vol. 37, pp. 332–354.
3. Hille I., Frank G.A. de Bakker, Ferguson J., Groenewegen P. Cross-sector partnerships for sustainability: How mission-driven conveners drive change in national coffee platforms. *Sustainability*, 2020, vol. 12 (1), pp. 1–23. DOI: 10.3390/su12072846
4. Грищенко Ю.И. Межсекторное социальное партнерство: НКО, государство, бизнес // Некоммерческие организации в России. 2014. № 5. URL: <https://dis.ru/library/665/34711>
5. Becker J., Smith D. The Need for cross-sector collaboration. *Stanford Social Innovation Review*, 2018. URL: https://ssir.org/articles/entry/the_need_for_cross_sector_collaboration
6. Институциональные изменения в социальной сфере российских регионов: кол. монография / под ред. М.Ю. Шерешевой. М.: Экон. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. 260 с.
7. Ясницкая Я.С., Роднянский Д.В. Межсекторное взаимодействие и его роль в развитии регионов России // Вестн. экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 104–106.
8. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 208–223.
9. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: кол. монография / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. 384 с.
10. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / под общ. ред. А.С. Автономова. М.: Фонд НАН, 2003. 416 с.
11. Мироненко Н.В. Контрактные отношения как основной инструмент построения межсекторного социального партнерства в контексте взаимодействий НКО и населения // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2014. № 4 (34). С. 131–141.
12. Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // Обществ. науки и современность. 2019. № 2. С. 35–51.
13. Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 4–27.
14. Уколов В.Ф. Взаимодействие власти, бизнеса и общества М.: Экономика, 2009. 621 с.
15. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited. *Zeitschrift fur Wirtschafts und Unternehmensethik*. 2004, vol. 5, no. 3, pp. 228–241.

16. Копытова Е.Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 197–215. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.14
17. Salamon L., Toepler S. Government-nonprofit cooperation: anomaly or necessity? *Voluntas*, 2015, vol. 26 (6), pp. 2155–2177. URL: doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6
18. Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6
19. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. № 4. С. 15–25.
20. Кулькова В.Ю. Организация инфраструктурной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций сферы услуг в государственном управлении в РФ // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 58–65.
21. Соколов А.В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России // Власть. 2015. № 6. С. 52–57.
22. Концепция развития деятельности межмуниципальных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (опыт Республики Татарстан) / А.Г. Дыганов [и др.] // Журн. иссл. соц. политики. 2020. № 3. С. 539–549.
23. Yan X., Lin H., Clarke A. Cross-sector social partnerships for social change: The roles of non-governmental organizations. *Sustainability*, 2018, vol. 10, pp. 1–17. DOI: 10.3390/su10020558

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Евгеньевна Косыгина – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru

Kosygina K.E.

DEVELOPMENT TOOLS OF THE NON-PROFIT SECTOR IN THE REGION

The global agenda for sustainable development notes that social, economic and environmental problems require their speedy solution including through broader cooperation between various economic sectors; such cooperation is implemented within the framework of intersectoral social partnership. One of the parties to the partnership is the non-profit sector, which has the role of initiator and coordinator in the study. The article notes that the regional level acts as a central link in the implementation of state policy, where the requirements of a unified state policy emanating from the federal center and specific needs emerging locally are combined. In order for non-profit sector organizations to effectively fulfill the coordinating role of intersectoral social partnership, it is necessary to develop sound proposals for regional and municipal policy regarding organizational and economic instruments for their infrastructural support. This is the purpose of the article. The information base of the research is the works of Russian and foreign scientists on the problems of intersectoral social partnership, regional economy, management and the non-profit sector, reports and documents of authorities, non-profit organizations. We have used universal general scientific methods: analysis, synthesis, comparison and generalization. The novelty of the work is to expand the theory and practice of studying intersectoral social partnership and management in terms of creating conditions for the development of the non-

profit sector in the regions and municipalities. We have proposed a comprehensive mechanism to develop the non-profit sector, which consists in building a network of regional resource centers and infrastructure support centers for non-profit sector organizations at the municipal level using a state certification tool. At the same time, the paper identifies the features and problems of functioning of the existing regional resource centers, and determines the advantages of certification. We have concluded that the introduction of sound proposals into the practice of regional and municipal management will ensure the effective functioning of the non-profit sector, enhance the participation of economic entities and population in solving socially significant problems and raise intersectoral social partnership to a higher development level.

Intersectoral social partnership, tools, region, municipalities, infrastructure support, non-profit organization, socially oriented non-profit organizations, non-profit sector, management, sustainable development.

REFERENCES

1. Barroso-Mendez M.J., Galera-Casquet C., Valero-Amaro V., Nevado-Gil M.T. Antecedents of relationship learning in business-non-profit organization collaboration agreements. *Sustainability*, 2019, vol. 12 (1), pp. 1–19.
2. Koschmann M.A., Kuhn T.R., Pfarrer M.D. A communicative framework of value in cross-sector partnerships. *Academy of Management Review*, 2012, vol. 37, pp. 332–354.
3. Hille I., Frank G.A. de Bakker, Ferguson J., Groenewegen P. Cross-sector partnerships for sustainability: How mission-driven conveners drive change in national coffee platforms. *Sustainability*, 2020, vol. 12 (1), pp. 1–23. DOI: 10.3390/su12072846
4. Grishchenko Yu.I. Intersectoral social partnership: Non-profit organizations, government, business. *Nekommercheskie organizatsii v Rossii=Journal of Non-Profit Making Organizations in Russia*, 2014, no. 5. Available at: <https://dis.ru/library/665/34711> (in Russian).
5. Becker J., Smith D. The need for cross-sector collaboration. *Stanford Social Innovation Review*, 2018. Available at: https://ssir.org/articles/entry/the_need_for_cross_sector_collaboration
6. Sheresheva M.Yu. (Ed.). *Institutsional'nye izmeneniya v sotsial'noi sfere rossiiskikh regionov: kollektivnaya monografiya* [Institutional Changes in the Social Sphere of Russian Regions: Collective Monograph]. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 2017. 260 p.
7. Yasnitskaya Ya.S., Rodnyanskiy D.V. Intersectoral cooperation and its role in the development of Russian regions. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii=The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2013, no. 2, pp. 104–106 (in Russian).
8. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Civil participation, intersectoral partnership and internet technologies of public policy. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*, 2019, vol. 5, no. 3 (19), pp. 208–223 (in Russian).
9. Smorgunov L.V. (Ed.). *Publichnaya politika: instituty, tsifrovizatsiya, razvitie: kollektivnaya monografiya* [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development: Collective Monograph]. Moscow: Aspect Press, 2018. 384 p.
10. Avtonomov A.S. (Ed.). *Sotsial'nye tekhnologii mezhsektornogo vzaimodeistviya v sovremennoi Rossii* [Social Technologies of Intersectoral Interaction in Contemporary Russia]. Moscow: Fond NAN, 2003. 416 p.
11. Mironenko N.V. Contractual relations as the main tool for building intersectoral social partnership in the context of interactions between non-profit organizations and population. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk=Central Russian Journal of Social Sciences*, 2014, no. 4 (34) pp. 131–141 (in Russian).

12. Vasilenok N.A., Polishchuk L.I., Shagalov I.L. State and society as co-production partners: Theory and Russian realities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=*Social Science and Contemporary World*, 2019, no. 2, pp. 35–51 (in Russian).
13. Kleiner G.B. What kind of economy does Russia need and for what purpose? (An attempt of system analysis). *Voprosy ekonomiki*=*Economic Issues*, 2013, no. 10, pp. 4–27 (in Russian).
14. Ukolov V.F. *Vzaimodeistvie vlasti, biznesa i obshchestva* [Interaction of Government, Business and Society]. Moscow: Ekonomika, 2009. 621 p.
15. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited. *Zeitschrift fur Wirtschafts und Unternehmensethik*. 2004, vol. 5, no. 3, pp. 228–241.
16. Kopytova E.D. Revisiting the development of cooperation between the state, business and society in addressing territorial development issues. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 197–215. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.14 (in Russian).
17. Salamon L., Toepler S. Government-nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *Voluntas*, 2015, vol. 26 (6), pp. 2155–2177. Available at: doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6
18. Shabunova A.A., Kosygina K.E. Public administration issues in the development of the non-profit sector at the regional level. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6 (in Russian).
19. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as a basis for developing the public state governance. *Vlast'*=*Power*, 2018, no. 4, pp. 15–25 (in Russian).
20. Kulkova V.Yu. Organization of infrastructure support for socially oriented non-profit organizations of the service sector in public administration of the Russian Federation. *Voprosy upravleniya*=*Management Issues*, 2019, no. 2 (38), pp. 58–65 (in Russian).
21. Sokolov A.V. Functioning of resource centers of the non-profit organizations in Russia. *Vlast'*=*Power*, 2015, no. 6, pp. 52–57 (in Russian).
22. Dyganov A.G. et al. The concept of developing the activities of inter-municipal resource and supportinf socially oriented non-profit organizations: The case of Tatarstan. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*=*The Journal of Social Policy Studies*, 2020, no. 3, pp. 539–549 (in Russian).
23. Yan X., Lin H., Clarke A. Cross-sector social partnerships for social change: The roles of non-governmental organizations. *Sustainability*, 2018, vol. 10, pp. 1–17. DOI: 10.3390/su10020558

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya E. Kosygina – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.5

УДК 338.45 | ББК 65.291.5

© Шиплюк В.С., Мазилев Е.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА ШИПЛЮК

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: shipvika97@gmail.com

ORCID: [0000-0001-7391-6034](https://orcid.org/0000-0001-7391-6034); ResearcherID: [AAZ-4728-2020](https://orcid.org/AAZ-4728-2020)

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЗИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: eamazilov@mail.ru

ORCID: [0000-0001-5792-3883](https://orcid.org/0000-0001-5792-3883); ResearcherID: [J-1686-2016](https://orcid.org/J-1686-2016)

Одной из актуальных проблем развития территорий является обеспечение конкурентоспособности, которое может быть достигнуто за счет эффективного использования внутренних ресурсов и развития промышленности. Согласно данным Росстата, в 2018 году промышленность обеспечила 32,4% ВВП России, при этом в 30 регионах вклад производств в ВРП превысил 40%. Как показывают исследования ведущих ученых, среди источников, обеспечивающих качественный рост в промышленности, находятся цифровизация и цифровые технологии. Их внедрение приводит к трансформации производственных процессов, повышает производительность труда и эффективность деятельности предприятия. Барьером для их внедрения выступает отсутствие опыта применения цифровых технологий, а также малое количество научных работ, сосредоточенных на процессе внедрения и предложении четких алгоритмов. Был задействован ряд методов (обзор литературы, анализ, синтез, сравнение и др.), что обеспечило всесторон-

Для цитирования: Шиплюк В.С., Мазилев Е.А. Перспективы развития обрабатывающих производств региона в условиях цифровизации // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 82–99. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.5

For citation: Shiplyuk V.S., Mazilov E.A. Prospects for developing the region's manufacturing industries in the context of digitalization. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 82–99. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.5

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-2164.2020.6).

нию проработанность материала. Анализ литературы позволил выделить два подхода к процессу внедрения цифровых технологий в промышленности. Первый основан на выборе цифровых технологий для нужд производства, т.е. учитывается потребность предприятия. Вторым противоположен первому – под созданные технологии подбирается компания, которой они будут полезны. Недостатком существующих алгоритмов является отсутствие четко выделенных шагов и порядка их выполнения, вследствие чего процесс внедрения цифровых технологий усложняется. В связи с этим разработан авторский подход к организации данного процесса. В качестве научной основы использована разработанная на предыдущих этапах исследования система факторов, учитывающая особенности промышленного производства и включающая потенциально стимулирующие и тормозящие аспекты. Разработанный алгоритм позволяет всесторонне подойти к процессу внедрения цифровых технологий, т. к. имеет четкую структуру, а выделенные этапы упрощают идентификацию производства для определения дальнейших шагов при внедрении цифровых технологий. Следующий этап – разработка методических рекомендаций для руководителей промышленных предприятий. Их использование в практике управления позволит оптимизировать процесс выбора цифровых технологий.

Цифровые технологии, обрабатывающие производства, алгоритм внедрения, регион, цифровизация.

Введение

Одной из актуальных научных проблем территориального развития, исследованию которой посвящено множество работ, является повышение конкурентоспособности территорий. В числе основных источников роста рассматриваются развитие промышленности и повышение производительности труда [1]. Существенный вклад в развитие региона вносит промышленность как основной элемент производства и воспроизводства средств и предметов труда, что определяет необходимость ее развития [2]. Кроме того, роль промышленности в создании добавленной стоимости выражается во взаимодействии малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) с крупным бизнесом, т. к. активное развитие МСП оказывает мультипликативный эффект в цепочке создания стоимости за счет производства конечной продукции для потребителя и комплектующих для крупного бизнеса [3]. Формирование на территории региона цепочек добавленной стоимости способствует повышению производительности труда и росту валового регионального продукта. Важно отметить, что экономическое благосостояние территорий неразрывно связано со скоростью и степенью развития промыш-

ленных предприятий, кроме того, доля промышленности в структуре ВВП РФ по итогам 2018 года составила 32,4%. При этом в тридцати регионах вклад обрабатывающих, добывающих и обеспечивающих электрической энергией, газом и паром производств составил более 40% ВРП. Все это определяет актуальность решения вопроса, касающегося обеспечения развития промышленности.

Неизменное увеличение теоретических и практических исследований, проводимых отечественными и зарубежными учеными, свидетельствует, что одним из источников, обеспечивающих развитие промышленности, являются цифровые технологии (далее – ЦТ). Это подчеркивается и направлениями оказываемой господдержки, ориентированной на успешное внедрение инновационных технологий, которые способствуют повышению производительности труда, конкурентоспособности и диверсификации экспорта [4–11]. Кроме того, именно промышленный сектор больше всего заинтересован в проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и обеспечивает запрос на приращение инновационных технологий и их дальнейшее применение [12]. Так, специалисты ОЭСД² в 2019 году провели анализ интенсивности

² Организация экономического сотрудничества и развития – международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики.

внедрения цифровых технологий в 12 странах из различных регионов³, по результатам которого было установлено, что в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности наблюдается средний и высокий уровень интенсивности внедрения ЦТ [13]. При этом тройку лидеров возглавляют Китай, Япония, Южная Корея, за ними – Великобритания, Германия, Франция, США и Канада. В то же время (2019 год) по оценке специалистов Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики (далее – ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) в России зафиксирована аналогичная ситуация: обрабатывающая промышленность является лидером по внедрению ЦТ среди всех отраслей, несмотря на отстающие от ведущих стран темпы внедрения [14]. Однако стоит отметить, что в приведенных исследованиях принимали участие только крупные предприятия.

В 2019 году специалисты ВолНЦ РАН провели конъюнктурное исследование и собрали мнение ста руководителей малых и средних промышленных предприятий Вологодской области – промышленно ориентированном регионе. Они охарактеризовали как цифровую активность в целом, так и уровень распространения отдельных цифровых технологий. Согласно полученным данным, цифровые технологии мало применяются в производственном цикле, однако в ближайшие пару лет больше половины опрошенных собираются внедрять их на своих предприятиях. При этом одним из главных барьеров, замедляющих процесс внедрения ЦТ, респонденты назвали отсутствие опыта применения цифровых технологий, а также информации о том, как именно необходимо проводить внедрение. В научной литературе представлено множество исследований, посвященных цифровым технологиям и эффектам, получаемым от их использования, но прослеживается практически полное отсутствие работ, которые были бы сосредото-

чены на самом процессе внедрения и предлагали бы четкие алгоритмы. Обозначенная проблема обосновывает актуальность тематики статьи, в связи с чем целью работы выступает исследование перспектив развития обрабатывающих производств региона в условиях цифровизации. Для достижения цели были решены следующие задачи: 1) обоснована роль цифровых технологий в развитии обрабатывающих производств; 2) проведена оценка и выявлены текущие проблемы развития обрабатывающих производств в регионе; 3) разработаны предложения по повышению готовности обрабатывающих производств региона к деятельности в условиях цифровизации.

Материалы и методы

В ходе работы был применен системный подход к изучению проблемы развития обрабатывающих производств в условиях повсеместной цифровизации всех ключевых производственных процессов. В связи с этим задействован ряд общенаучных методов (таких как анализ и синтез, сравнение и др.), что позволило обеспечить всестороннюю проработанность и требуемую глубину материала. При изучении теоретических положений применялись такие методы, как обзор литературы, обобщение, сравнение и др. В ходе обработки фактического материала использовались табличный и графический методы. При разработке алгоритма за основу взяты проектный подход, логический метод, метод обобщения. Применение совокупности указанных методов обеспечило объективность результатов и обоснованность полученных выводов.

Информационная база исследования представлена статистическими материалами Росстата, НИУ ВШЭ, результатами опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области, трудами ведущих зарубежных и отечественных ученых, а также материалами периодической печат-

³ Исследование проводилось для Австралии, Австрии, Дании, Финляндии, Франции, Италии, Японии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Великобритании и США. В качестве индикаторов использовались доля инвестиций в оборудование и программное обеспечение по отношению к инвестициям в основной капитал, интенсивность закупок промежуточных товаров и услуг в области ИКТ по отношению к выпускаемой продукции, количество роботов на одного сотрудника, число специалистов в области ИКТ и вовлеченность в электронную торговлю.

ти, посвященными изучаемой проблематике, ресурсами интернета и других источников. Исследованы труды таких авторов, как Д.К. Шваб, Г.И. Идрисов, Ю.А. Клейман, В.М. Кульков, С.В. Кайманаков, И.М. Теняков, Д.Е. Одер, Ю.И. Грибанов, Б.М. Гарифуллин, Д.Э. Кнут и др.

Результаты исследования

Вотечественной и зарубежной научной литературе сложилось устоявшееся мнение, что цифровизация, именуемая «Индустрия 4.0» и «Четвертая промышленная революция», прочно связана с концепцией развития промышленности. Цифровизация – явление для современной экономики относительно новое, поэтому и общепринятого подхода к трактовке данной категории пока не сложилось. В рамках исследования цифровизация будет рассматриваться как процесс создания и внедрения цифровых технологий, в результате которого формируются инновационные продукты, меняется облик мирового хозяйства и социального взаимодействия⁴. Так, происходящая трансформация производства (вытеснение человека из ряда процессов и замена его техникой) направлена на поддержание конкурентоспособности выпускаемой продукции и обеспечение темпов роста производительности труда [15]. Многие исследователи, такие как Н.А. Алексеева [16], А. Идрисов [17], Ю.А. Клейман [18], В.М. Кульков и С.В. Кайманакова, И.М. Тенякова [19], Д.Е. Одер [20] и др., отмечают снижение производительности труда, начавшееся в 70-е гг. XX века [21]. При этом одной из главных причин возникшей ситуации называют применяемые технологии, которые перестали обеспечивать рост производительности труда [22]. В подобных условиях цифровые технологии выступили драйвером экономического роста и позволили повысить эффективность производства [23]. По своей сути это технологии, использующие

компьютеры или другую современную технику для записи кодовых импульсов и сигналов в определенной последовательности и с определенной частотой, а их развитие и интеграция приводят к трансформации и общества в целом, и экономики [21]. Процесс трансформации осуществляется за счет того, что ЦТ либо задействуют ранее не используемые, либо создают новые направления экономического роста, вследствие чего повышается эффективность производства, улучшается качество продукции и расширяются сферы деятельности [24; 25]. Кроме того, по мнению экспертов, вложение в цифровые технологии позволит в будущем создавать новые рабочие места, новые виды продукции, а также более эффективно осуществлять процесс управления производством. Подтверждением служат результаты экспертного опроса и оценки ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: спрос сектора обрабатывающей промышленности России на передовые цифровые технологии в 2020 году оценивался на уровне 41,5 млрд руб. с перспективой роста в 14 раз к 2030 году до 587,5 млрд руб. [13]. Кроме того, согласно заключениям аналитиков, экономический эффект от применения цифровых технологий увеличит ВВП страны к 2025 году на 4,1–8,9 трлн руб. [26]. Однако подобный результат может быть достигнут только в случае полного использования потенциала цифровой трансформации отраслей.

Проведенный анализ литературы, а также зарубежного опыта⁵ [27] позволяет утверждать, что внедрение ЦТ и последующая трансформация производственных процессов оказывают благоприятное воздействие на развитие предприятий путем повышения производительности, конкурентоспособности и эффективности деятельности. Они становятся причиной увеличения добавочной стоимости, за счет повышения скорости обработки информации и принятия решений

⁴ Грибанов Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. С. 355.

⁵ IMF. Measuring the Digital Economy. IMF Staff Report. Washington, D.C., 2018. URL: file://www.fs/usefold/vss/Desktop/022818MeasuringDigitalEconomy.pdf; WEF (2018a). Digital Transformation Initiative. Unlocking \$100 Trillion for Business and Society from Digital Transformation. Executive summary. P. 12; Бекман И.Н. Компьютерные науки. Лекция 7. Алгоритмы. URL: http://profbeckman.narod.ru/Komp.files/Lec7.pdf

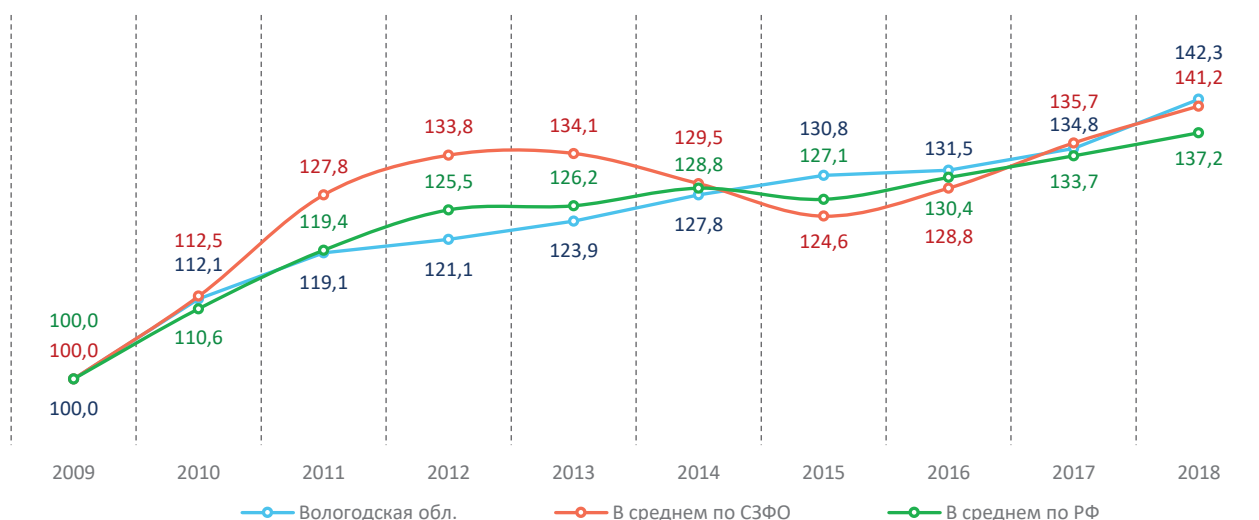

Рис. 1. Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (2009 год – 100%)

Составлено по: данные Росстата.

становится возможным снижение производственных затрат, при этом конкурентоспособность продукции остается высокой из-за более короткого периода разработки.

В России обрабатывающая промышленность традиционно играет одну из ключевых ролей в народнохозяйственном комплексе. Вологодская область в этом плане является типичным субъектом, в котором в среднем 36% суммарного ВРП обеспечивают обрабатывающие производства⁶. Согласно данным статистики, область занимает четвертое место по ежемесячному объему производства продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. Кризис, прошедший в 2008–2009 гг., существенно отразился на показателях развития экономики страны и регионов, во время кризиса они были критически низкими, поэтому для исследования выбран период восстановления экономики с 2009 по 2018 год.

Рост экономики Вологодской области в последние годы связан в первую очередь с положительной динамикой объемов производства обрабатывающей промышленности (рис. 1). Так, в посткризисный период (с 2010 года) объемы производства по данному сектору экономики в Вологодской области ежегодно увеличивались и возросли совокупно на 42,2%, в то время как по СЗФО в 2014–

2015 гг. и по России в 2015 году было зафиксировано их падение. Снижение темпов роста произошло преимущественно за счет видов деятельности, связанных с производством машин и оборудования (тракторы для сельского и лесного хозяйства, генераторы переменного тока, радиаторы центрального отопления, турбины газовые).

Доля занятых в обрабатывающих производствах имеет устойчивую тенденцию к сокращению как на территории Вологодской области, так и в СЗФО, и в среднем по стране (рис. 2). Однако значения по Вологодской области в среднем на 4–5 п. п. превышают показатели по СЗФО и РФ, что подтверждает значимость данного сектора экономики для обеспечения социально-экономического развития региона.

Качественный и количественный рост обрабатывающих производств связан с таким фактором, как инвестиции в основной капитал, которые выступают источником вложения средств в исследования и разработку новых технологий, финансирования модернизации производственных мощностей. Результаты опросов, проводимых ВШЭ, АСИ, ВолНЦ РАН и др., свидетельствуют, что руководители промышленных предприятий указывают в качестве одного из основных факторов, сдерживающих развитие экономики

⁶ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / Росстат. URL: www.gks.ru

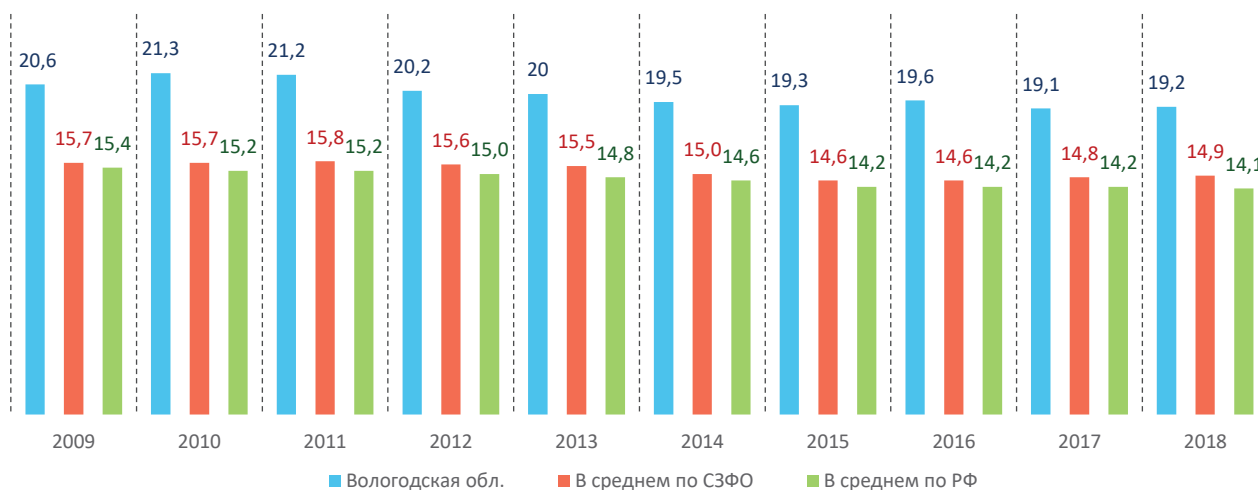

Рис. 2. Доля занятых на предприятиях по виду деятельности «Обрабатывающие производства», % от общей численности занятых
Составлено по: данные Росстата.

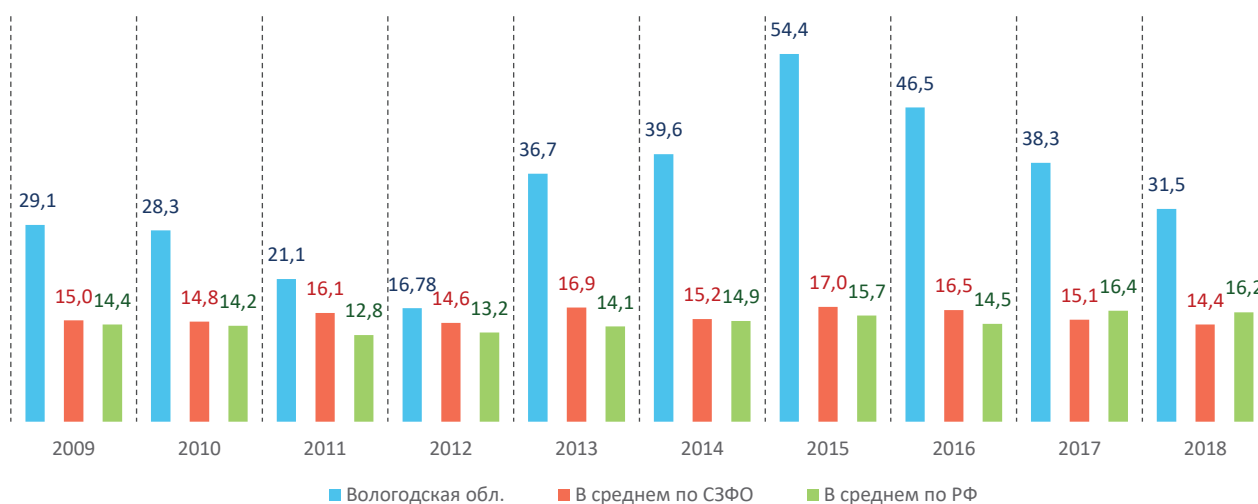

Рис. 3. Доля инвестиций в обрабатывающие производства в общем объеме инвестиций в основной капитал, %
Составлено по: данные Росстата.

и обрабатывающих производств, недостаток финансирования. В то же время темпы роста инвестиций в 2009–2018 гг. в Вологодской области превысили среднероссийские значения в 1,5 раза, а показатели по СЗФО – в 1,2 раза. Как следствие, можно сделать вывод о том, что темпы роста инвестиций недостаточны для обеспечения экономического развития. В это время доля инвестиций в обрабатывающие производства в общем объеме инвестиций в основной капитал по Вологодской области увеличилась на 2,4 п. п., а по СЗФО наблюдалось сокращение объемов финансирования данного сектора экономики в общей структуре инвестиций на 0,6 п. п. (рис. 3).

Представленные данные демонстрируют значительный разброс в показателях по Вологодской области: самое высокое значение 54,5% (2015 год), самое низкое – 16,8% (2012 год). При этом в СЗФО и РФ доля инвестиций в обрабатывающие производства была достаточно стабильной и находилась в пределах от 14,4 до 17,0% и от 12,8 до 16,4% соответственно.

Одно из направлений расходования инвестиций составляют модернизация и обновление основных производственных фондов. Износ ОПФ по всем видам деятельности в Вологодской области в 2018 году превысил 50% и средние значения по РФ и СЗФО (рис. 4).

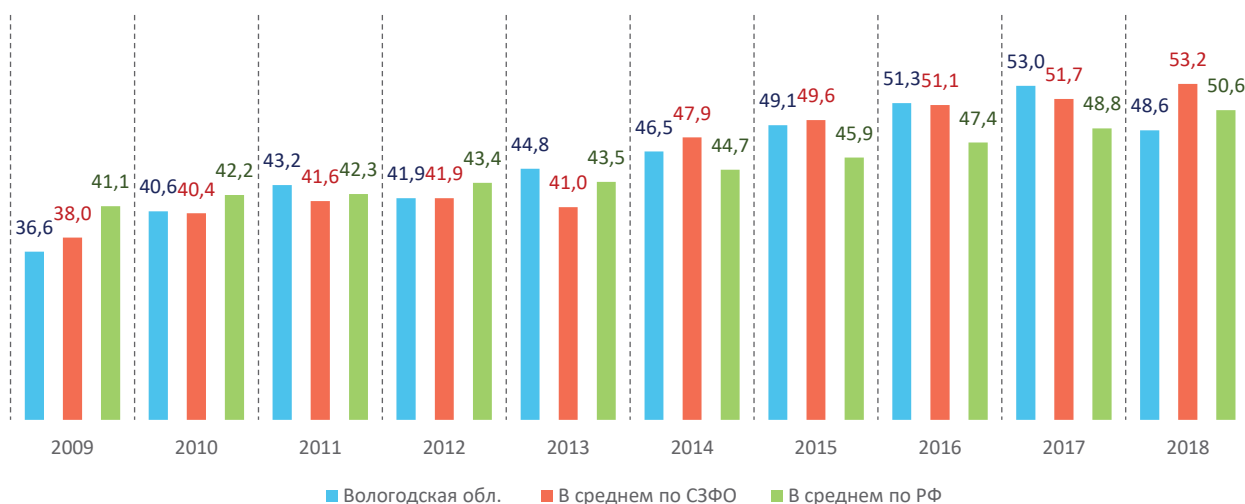

Рис. 4. Степень износа основных фондов производственных предприятий в целом и по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», %

Составлено по: данные Росстата.

За 2009–2018 гг. увеличился износ основных фондов на макро-, мезо- и региональном уровнях как в целом по экономике, так и в обрабатывающих производствах в частности. Таким образом, отмеченная выше положительная динамика инвестиций в основной капитал не обеспечивает необходимые темпы обновления производственных мощностей, продолжается моральное устаревание фондов, как следствие, технологическая база для производства продукции с высокой добавленной стоимостью ежегодно сокращается. Это характерно и для Вологодской области, и для территории СЗФО и РФ в целом.

Ключевым направлением инвестирования в сфере обрабатывающих производств также является создание и внедрение новых технологий. Несмотря на рост удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, абсолютные значения на уровне 10,7% недостаточны для обеспечения инновационного сценария развития экономики региона, федерального округа и страны (рис. 5). При этом в Вологодской области доля организаций, занятых технологическими инновациями, в 1,5–2 раза ниже средних

значений по СЗФО и РФ. Соответственно, темпы внедрения инноваций в регионе отстают от темпов по стране и федеральному округу.

Подводя промежуточный итог, следует заметить, что сложившаяся ситуация свидетельствует об инерционном развитии экономики Вологодской области, сокращении возможностей для развития обрабатывающих производств. Основными причинами выступают, с одной стороны, недостаток инвестиций для обновления основных фондов и реализации инновационных проектов, с другой – в условиях ограниченности финансовых ресурсов особую актуальность приобретает вопрос обеспечения эффективного использования инвестиций.

Среди наиболее перспективных и эффективных направлений развития экономики и обрабатывающих производств в частности находятся цифровые технологии – источник коренной перестройки производственных процессов и экономических систем⁷. Как показали результаты опроса⁸ (рис. 6), основными барьерами, осложняющими процесс широкого использования цифровых технологий, для большинства (54%) респондентов

⁷ Цифровая Россия: новая реальность // Digital McKinsey. 2017, июль. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.aspx>

⁸ В 2019 году специалисты ВолНЦ РАН провели опрос руководителей малых и средних промышленных предприятий Вологодской области для оценки цифровой активности. Выбор региона для проведения конъюнктурного исследования был продиктован его промышленной ориентацией. Выборка составила 100 респондентов.

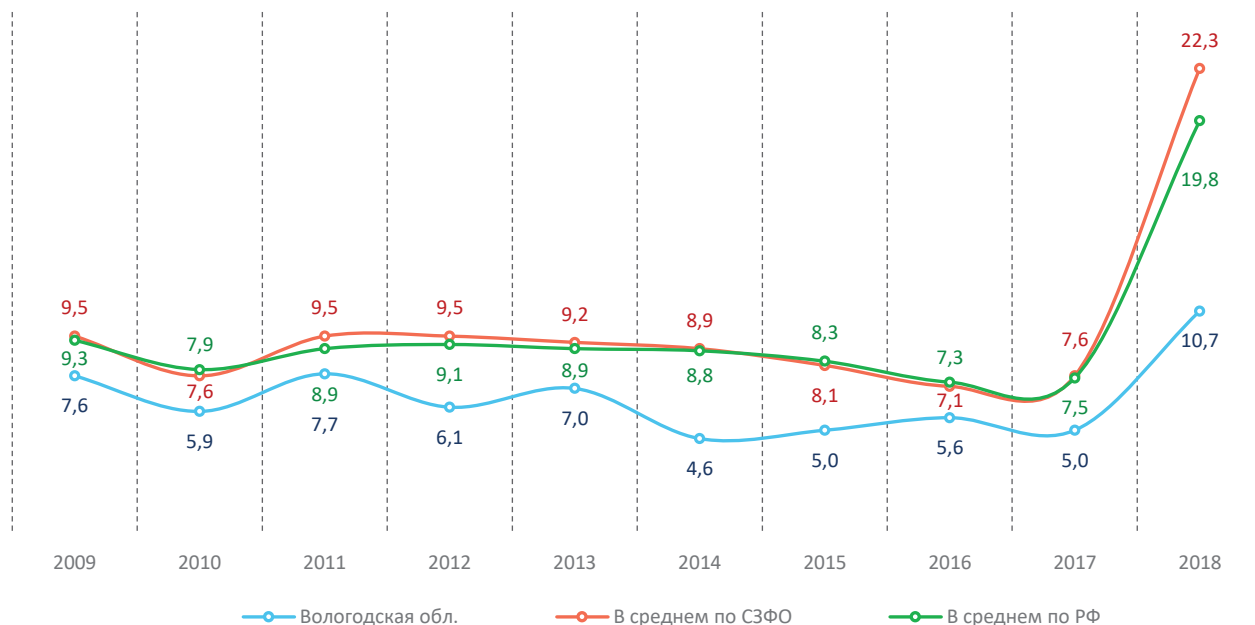

Рис. 5. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации*, %

* Резкий скачок доли организаций, осуществляющих технологические инновации, в 2018 году обусловлен изменением методики расчета, применяемой Росстатом. Были введены неоднозначные критерии отбора организаций, что привело к исключению из расчета почти 40% обследованных предприятий, также отмечается крайне низкий охват организаций – 50 тысяч, в то время как в реестре Федеральной налоговой службы по окончании 2017 года числилось 284 тыс. компаний.

Составлено по: данные Росстата.

Рис. 6. Наиболее серьезные барьеры, осложняющие процесс внедрения и использования цифровых технологий, % от числа опрошенных

Примечание: Опрашиваемые могли дать несколько вариантов ответа.

Источник: составлено авторами.

выступают высокая стоимость внедрения ЦТ, низкая квалификация персонала (40%), отсутствие опыта внедрения (26%), отсутствие комплексных решений, удовлетворяющих потребностям. Фактически три из четырех барьеров напрямую связаны со слабым методическим обеспечением процессов цифровизации в реальном секторе экономики.

Таким образом, ключевой проблемой для руководителей обрабатывающих производств в части цифровизации производственных процессов является отсутствие должного информационного сопровождения, кадров соответствующей квалификации и знаний. Следует предположить, что в случае наличия соответствующего методического инструментария вопросы цифровизации обрабатывающих производств могли бы стоять не так остро. С позиции авторов речь должна идти о формировании определенного алгоритма, при использовании которого руководитель организации, реализовав определенные шаги, может оценить потенциальную возможность применения тех или иных технологий, а также понять, как максимально оперативно осуществить тот или иной этап.

В современной трактовке понятие «алгоритм» во многом перекликается с такими понятиями, как процесс, метод и способ. Впервые научное понятие ввел А. Черч, понимая под алгоритмом выполнение точных инструкций для некоего процесса [28]. По своей сути алгоритм представляет определенную последовательность действий, выполнение которых в конечном итоге приводит к решению конкретной задачи [29]. Любой алгоритм всегда рассчитан на выполнение «неразмывляющим» исполнителем. Он предполагает наличие начальных, или исходных, данных, для работы с которыми он предназначен. Применение алгоритма к начальным данным приводит к получению определенного искомого результата. При этом в ходе работы возникают промежуточные результаты. Любой алгоритм обладает рядом свойств: результативность, конеч-

ность, элементарность, дискретность, детерминированность, массовость. В рамках исследования под алгоритмом будет пониматься сформулированная на языке исполнителя система правил, последовательное выполнение которых позволит перейти от исходных данных к желаемому результату⁹.

Проведенный анализ научной литературы позволил сгруппировать подходы к процессу внедрения цифровых технологий в производство [24; 30–32] в две категории. Первая основывается на выборе цифровых технологий под нужды производства. В этом случае внедрение ЦТ в обязательном порядке предусмотрено в стратегии развития предприятия. Вторая противоположна – под имеющиеся цифровые технологии подбираются компании, для которых внедрение таких технологий целесообразно. Чаще всего данный подход применяется для отладки новых цифровых технологий, требующих определенной доработки.

В связи с относительно небольшим количеством работ, посвященных именно разработке алгоритмов внедрения цифровых технологий, был рассмотрен альтернативный методический инструментарий – алгоритм внедрения инноваций на промышленных предприятиях (методический подход), предложенный Г.И. Гумеровой и Э.Ш. Шаймиевой [33]. В нем выделено семь основных этапов, а также предложены мероприятия, реализация которых должна позволить внедрить инновации. Однако мероприятия не сгруппированы относительно выделенных этапов, не предусмотрен расчет финансовых затрат на внедрение. Кроме того, они носят общий характер (адаптация, заимствование, имитация существующих (технологических) инноваций предприятием; формирование инновационного потенциала предприятия), не позволяющий четко понимать, какие именно действия необходимо осуществить для успешного внедрения инноваций.

Таким образом, существующие алгоритмы характеризуются слишком крупными

⁹ Теория алгоритмов: учеб. пособие / авт.-сост. Н.А. Базеева; под общ. ред. М.И. Ломшина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 136 с.

этапами, не выделена четкая последовательность их выполнения, вследствие чего значительно усложняется процесс внедрения цифровых технологий¹⁰. В связи с этим был разработан алгоритм внедрения ЦТ с подробной структурой. Его выделенные этапы позволяют упростить идентификацию производства для определения дальнейших шагов по внедрению ЦТ, кроме того, учитывается влияние внешней среды.

В качестве научной базы для формирования алгоритма была использована система факторов, разработанная на предыдущих этапах исследования [34], которая учитывает особенности промышленного производства, включает потенциально стимулирующие и препятствующие аспекты. В ней выделены информационные, финансовые, технологические, кадровые, управленческие и рыночные факторы. Внутри каждой группы отдельно рассматриваются внешние и внутренние факторы. Все они нашли отражение в разработанном алгоритме – это позволило учесть все аспекты процесса внедрения и всесторонне к нему подойти.

Предложенный алгоритм (рис. 7) включает в себя простые последовательные шаги, выполнение которых позволит в конечном итоге внедрить цифровые технологии на обрабатывающих производствах. Они объединяются в этапы, помогающие упростить идентификацию имеющегося производства в предложенной структуре для определения дальнейших шагов по внедрению ЦТ, т. е. данный алгоритм актуален и может быть применен как предприятиями, уже внедряющими ЦТ, так и компаниями, которые только задумались о возможности интеграции ЦТ в производство. Универсальность предложенных шагов алгоритма позволяет применять его для любых цифровых технологий, которые могут быть внедрены в промышленность.

Разработанный алгоритм учитывает техническую, кадровую и финансово-экономическую составляющие. Рассмотрим выделенные этапы более подробно.

0 этап, или подготовительный. Основной его целью выступает обоснование необходимости во внедрении цифровых технологий, т. е. руководство должно ответить на вопросы: «Зачем внедрять цифровые технологии?», «Действительно ли их внедрение является необходимым шагом?». Также устанавливаются цели, например: повышение конкурентоспособности; сокращение издержек производства путем экономии исходного сырья, энергии и т. п. на основе использования цифровых технологий. Итогом этапа выступает решение о необходимости внедрения ЦТ.

1 этап – анализ стартовых условий. На данном этапе для успешного внедрения цифровых технологий в производство предусмотрен анализ внутренней среды, сбор и систематизация теоретической информации, которая касается квалификации персонала и материально-технической составляющей. Именно на нем выделяются два основных направления алгоритма, затрагивающие кадровую и технологическую составляющую. Кроме того, осуществляется анализ внешней среды производства – конкурентов. Итог этапа – определение разрыва между действительным и желаемым положением дел на предприятии, а также формулировка проблем, на устранение которых и направлено внедрение цифровых технологий. Четкое понимание и формулирование проблем позволяет найти адекватные способы их решения, что в свою очередь способствует решению задач, связанных с изменениями.

2 этап – подбор метода решения. Основная цель – определение мероприятий, которые необходимо проводить; осуществляется предварительный расчет эффекта от внедрения цифровых технологий. Формируется основное содержание и уровень изменений, составляется их предварительный пошаговый план, производится анализ движущих и сдерживающих сил предстоящих изменений, потенциальных проблем, разрабатывается стратегия работы с персоналом, определя-

¹⁰ Конечная система правил, сформулированная на языке исполнителя, определяющая последовательность перехода от допустимых исходных данных к искомому результату, обладающая свойствами дискретности, детерминированности, результативности, конечности и массовости.

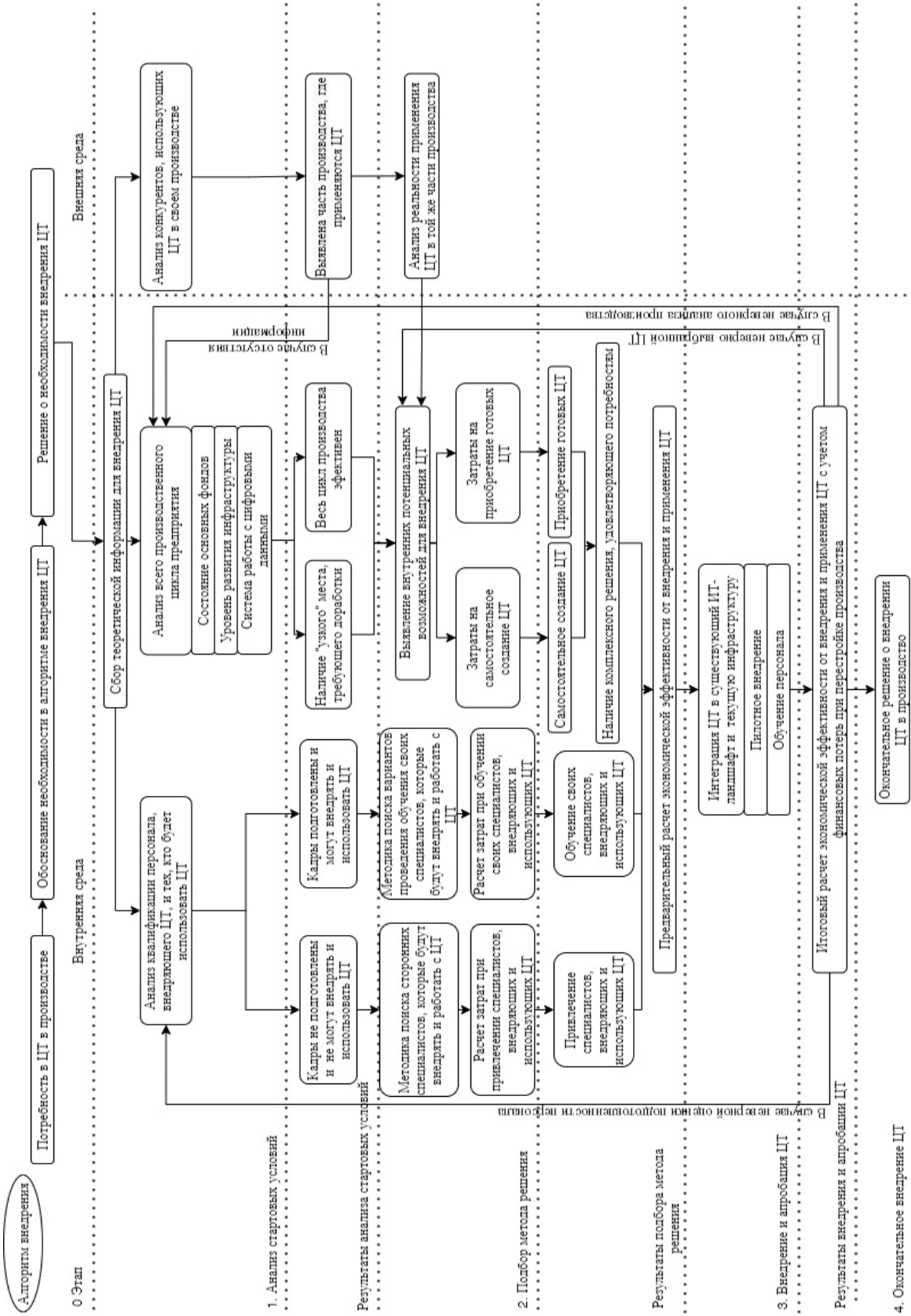

Рис. 7. Алгоритм подготовки компаний и внедрения ЦТ в обрабатывающих производствах

Источник: разработано авторами.

ются ресурсы (кадровые, временные, финансовые, материальные и др.) и решается вопрос о необходимости привлечения дополнительных ресурсов, включая внешних консультантов. Итог – определение стоимости и последовательности осуществления выбранных и требуемых мероприятий для успешного внедрения цифровых технологий.

3 этап – внедрение и апробация цифровых технологий. Основная цель – последовательное осуществление мероприятий по непосредственному внедрению цифровых технологий. Это основной этап реализации изменений, запланированных ранее. При реализации важно, во-первых, обладать резервными ресурсами (временными, технологическими) на случай возникновения непредвиденных обстоятельств; во-вторых, иметь возможность оперативно вносить корректировки, т. к. реальный процесс внедрения может отличаться от теоретического; в-третьих, необходимо поддерживать обратную связь с сотрудниками и информировать их о достигнутых результатах. Итог этапа – получение результатов изменений. Кроме того, проводится оценка значений достигнутых показателей и характеристик, выбранных ранее для определения эффективности внедрения, а также мониторинг результатов изменений, анализ ошибок (при необходимости возможно возвращение на более ранние этапы), сопоставление реально понесенных затрат и полученных эффектов.

4 этап – окончательное внедрение цифровых технологий. На заключительном этапе проводится исследование всех последствий внедрения ЦТ, анализ их восприятия. Итогом выступает успешное внедрение ЦТ и/или принятие решения о масштабировании полученных результатов на весь производственный цикл.

Важно отметить, что в процессе прохождения этапов разработанного алгоритма предусмотрено взаимодействие сотрудников из различных отделов, т. к. только системный подход к внедрению цифровых технологий может принести желаемый эффект и положительно сказаться на деятельности компании.

Таким образом, разработанный алгоритм внедрения ЦТ отличается тем, что опирается на выделенные на предыдущих этапах научно-обоснованные факторы внедрения ЦТ; позволяет учитывать мнение специалистов различных направлений (технического, кадрового, финансового и др.); обладает подробной структурой; позволяет учитывать внутреннее состояние и влияние внешней среды; выделенные этапы внедрения упрощают идентификацию производства для определения дальнейших шагов по внедрению ЦТ.

Выводы и предложения

Ключевым и единственно возможным вариантом обеспечения конкурентоспособности промышленности в современных условиях является ее интенсивный путь развития. Достичь этого можно только за счет внедрения передовых технологий как в производственные, так и во вспомогательные, управленческие процессы и т. д., а также эффективного использования внутренних ресурсов организаций. Четвертая промышленная революция задала новый контур базовых технологий, имеющих принципиальные качественные отличия от предшествующих технологий и диктующих новые требования к организациям, планирующим их внедрение.

В связи с этим ключевой для предприятий задачей в обозримом будущем должно стать обеспечение успешного функционирования в условиях цифровизации. В сложившейся экономической обстановке внедрение цифровых технологий является не просто современным трендом, активно транслируемым производственному сектору, но и выступает объективным и неизбежным этапом развития народнохозяйственного комплекса, залогом конкурентоспособности экономики и обрабатывающей промышленности в частности. Кроме того, многочисленные исследования свидетельствуют о наличии закономерностей между повышением экономических показателей и внедренными на производствах цифровыми технологиями. Однако компании при освоении новых типов технологий и во время принципиаль-

ного изменения производственных процессов сталкиваются со вполне объективными сложностями, обусловленными недостатком информации, неготовностью персонала, а также банальным отсутствием базового понимания процессов цифровизации. В связи с этим и возникает потребность в разработке инструмента, направленного на решение данной проблемы, который может быть представлен в форме научно-обоснованного алгоритма подготовки компании к внедрению ЦТ. Реализуемые сегодня решения базируются не на проработанной теоретической основе, а на интуитивном понимании руководителей и других лиц, принимающих соответствующие решения. Такая ситуация приводит к тому, что зачастую выделенные этапы алгоритмов слишком крупные, не всегда понятно, какие конкретно шаги должны быть сделаны на том или ином этапе и какова последовательность их выполнения. Изученные подходы к алгоритмизации процесса внедрения цифровых технологий обозначили необходимость разработать алгоритм внедрения ЦТ, который вносит вклад в решение научной проблемы обеспечения общественного благосостояния. Важно отметить, что предложенный алгоритм внедрения ЦТ обладает элементами новизны, т. к. ха-

рактеризуется подробной структурой, его выделенные этапы позволяют упростить идентификацию производства для определения дальнейших шагов по внедрению ЦТ, кроме того, учитывается влияние внешней среды.

Таким образом, исследование обладает комплексностью, полученные результаты вносят вклад в решение научной проблемы обеспечения конкурентоспособности территорий, достигаемой за счет эффективного использования имеющихся ресурсов и развития промышленности, а также расширяют и систематизируют теоретические основы научно-технологического развития. Разработанные прикладные решения, связанные с алгоритмизацией процесса внедрения цифровых технологий, могут быть использованы как руководителями промышленных предприятий для непосредственно внедрения ЦТ, так и обучающимися для исследования проблематики в этой сфере.

В дальнейшем планируется углубить исследование по второму этапу алгоритма (подбор метода решений) и разработать методические рекомендации для руководителей промышленных предприятий, помогающие упростить процесс выбора цифровых технологий в условиях современного рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усков В.С. К вопросу о цифровизации российской экономики // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 157–175. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.10
2. Юсим В.Н., Радайкин А.Г. Системное обеспечение промышленного развития // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-2 (85). С. 162–165.
3. Hull J. The Second Industrial Revolution: The history of a concept. *Storia Della Storiografia*, 1999, iss. 36, pp. 81–90.
4. Бетелин В.Б. Проблемы и перспективы формирования цифровой экономики в России // Вестник кибернетики. 2017. № 4 (28). С. 16–17.
5. Мазилев Е.А. Инструменты стимулирования модернизации обрабатывающих производств в регионах // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 47–60.
6. Рулькова В.А. Применение современных цифровых технологий в промышленной цепочки производства // Век качества. 2018. № 4. С. 42–53.
7. Усков В.С. Тенденции формирования и проблемы развития цифровой экономики в России // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 53–66. DOI: 10.15838/ptd.2019.2.100.3
8. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Развитие цифровой среды российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2

9. Swan T.W. Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, 1956, vol. 32 (2), pp. 334–361. DOI: j.1475-4932.1956.tb00434
10. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94 (5), pp. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420
11. Сидоров М.А. Территориальное развитие на основе стимулирования российской электронной промышленности // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2
12. Шиплюк В.С. Вклад цифровых технологий в обеспечение экономического роста // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8. № 12. С. 343–348.
13. *Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future*. International Monetary Fund, 2019. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/03/022818-measuring-the-digital-economy>
14. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, 13–30 апр. 2021 г. / Г.И. Абдрахманова [и др.]; рук. авт. кол. П.Б. Рудник; науч. ред. Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239 с.
15. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. С. 285.
16. Алексеева Н.А. Инновации как фактор экономического роста: мезоэкономический аспект // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2010. № 4. С. 3–6.
17. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России / Г.И. Идрисов [и др.] // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
18. Клейман Ю.А. Смена технологических укладов на основе внедрения инноваций как фактор технико-экономического развития // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2008. Т. 6. № 1. Ч. 2. С. 164–168.
19. Кульков В.М., Кайманакоев С.В., Теняков И.М. Экономический рост в России: национальная модель, качество и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 38 (275). С. 9–19.
20. Одер Д.Е. Стратегическое планирование в области производительности труда и экономического роста в России // Вестн. Магнитогор. гос. технич. ун-та им. Г.И. Носова. 2013. № 2 (42). С. 85–87.
21. Никонова А.А. Потенциал и инструменты роста инновационных производств в процессе формирования нового уклада экономики: системный подход // Экономист. 2018. № 10. С. 20–39.
22. Зубенко В.В. Трудовые ресурсы мира и структура занятости населения // Мировая экономика и международные экономические отношения / В.В. Зубенко [и др.]. М.: Юрайт., 2019. 410 с.
23. Головенчик Г.Г. Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» // Наука и инновации. 2018. № 1 (191). С. 54–59.
24. Гарифуллин Б.М., Зябриков В.В. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1345–1358.
25. Наумов Е.А., Понукалин А.А., Бенуа А.Е. Интеллектуальная экономика и устойчивое развитие в свете теории институционального конструктивизма // Устойчивое развитие: наука и практика. 2013. № 1 (10). С. 66–74.
26. Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3 (157). С. 17–20.
27. Юдина Т.Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: pro u contra // Проблемы экономики. 2017. № 3. С. 139–143. DOI: 10.23394/2079-1690

28. Кнут Д.Э. Искусство программирования для ЭВМ. Т. 1. Основные алгоритмы. М.: Мир, 1976. 736 с.
29. Китрар Л.А., Липкинд Т.М., Остапкович Г.В. Квантификация качественных признаков в конъюнктурных обследованиях // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 4. С. 49–63.
30. Лола И.С., Бакеев М.Б. Цифровая трансформация в отраслях обрабатывающей промышленности России: результаты конъюнктурных обследований // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Экономика. 2019. Т. 35. № 4. С. 628–657.
31. Mutaz M. Al-Debei, Ramzi El-Haddadeh, David Avison. *Defining the Business Model in the New World of Digital Business*. Brunel University London, 2008. Pp. 1–11.
32. Rozeia Mustafa, Werthner H. Business models and business strategy – phenomenon of explicitness. *International Journal of Global Business & Competitiveness*, 2011, vol. 6, no. 1, pp. 14–29.
33. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Алгоритм внедрения инноваций на промышленных предприятиях (методический подход) // Стратегии развития экономики. 2011. № 4 (97). С. 16–26.
34. Шиплюк В.С. Систематизация факторов цифровизации производства // Научные записки молодых исследователей. 2020. Т. 8. № 6. С. 58–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виктория Сергеевна Шиплюк – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shipvika97@gmail.com

Евгений Александрович Мазилев – кандидат экономических наук, директор, СЗНИИМЛПХ – обособленное подразделение ФГБУН ВолНЦ РАН, заместитель директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru

Shipliyuk V.S., Mazilov E.A.

PROSPECTS FOR DEVELOPING THE REGION'S MANUFACTURING INDUSTRIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

One of the urgent problems of territorial development is ensuring competitiveness, which can be achieved through the effective use of internal resources and industry development. According to Rosstat, in 2018, industry provided 32.4% of Russia's GDP, while in 30 regions production contribution to GRP exceeded 40%. According to the research of the leading scientists, digitalization and digital technologies are among the sources that ensure qualitative growth in industry. Their implementation leads to the transformation of production processes, increases labor productivity and efficiency of enterprise. The barrier to their implementation is the lack of experience in the use of digital technologies, as well as a small number of scientific papers, focused on the implementation process and the proposal of clear algorithms. The work uses a number of methods (literature review, analysis, synthesis, comparison, etc.), which provided a comprehensive elaboration of the material. The analysis of the literature helps to identify two approaches to the process of introducing digital technologies in industry. The first one is based on the choice of digital technologies for the needs of production, i.e. the enterprise's needs are taken into account. The second one is the opposite of the first – a company is selected for the created technologies, to

which they will be useful. The disadvantage of the existing algorithms is the lack of clearly defined steps and the order of their execution, as a result of which the process of introducing digital technologies becomes more complicated. In this regard, we have developed the approach to the organization of this process. As a scientific basis, we have used a system of factors, developed at the previous stages of the study taking into account the peculiarities of industrial production and including potentially stimulating and inhibiting aspects. The developed algorithm gives a comprehensive approach to the process of introducing digital technologies because it has a clear structure, and the highlighted stages simplify the identification of production to determine further steps in the implementation of digital technologies. The next stage is to carry out methodological recommendations for managers of industrial enterprises. Their use in management practice will optimize the process of choosing digital technologies.

Digital technologies, manufacturing industries, implementation algorithm, region, digitalization.

REFERENCES

1. Uskov V.S. On the issue of the Russian economy digitalization. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 6 (110), pp. 157–175. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.10 (in Russian).
2. Yusim V.N., Radaikin A.G. System support of industrial development. *Ekonomika i predprinimatel'stvo=Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2017, no. 8-2 (85), pp. 162–165 (in Russian).
3. Hull J. The Second Industrial Revolution: The history of a concept. *Storia Della Storiografia*, 1999, issue 36, pp. 81–90.
4. Betelin V.B. Problems and prospects of the formation of the digital economy in Russia. *Vestnik kibernetiki=Bulletin of Cybernetics*, 2017, no. 4 (28), pp. 16–17 (in Russian).
5. Mazilov E.A. Tools to promote the upgrading of manufacturing industries in the regions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2016, no. 4 (84), pp. 47–60 (in Russian).
6. Rul'kova V.A. Application of modern digital technologies in the industrial production chain. *Vek kachestva=Age of Quality*, 2018, no. 4, pp. 42–53 (in Russian).
7. Uskov V.S. Trends in formation and problems of digital economy development in Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2019, no. 2 (100), pp. 53–66. DOI: 10.15838/ptd.2019.2.100.3 (in Russian).
8. Volkova N.N., Romanyuk E.I. Digital environment development in Russian regions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2 (in Russian).
9. Swan T.W. Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, 1956, vol. 32 (2), pp. 334–361. DOI: j.1475-4932.1956.tb00434
10. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94 (5), pp. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420
11. Sidorov M.A. Territorial development based on stimulation of the Russian electronic industry. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2 (in Russian).
12. Shipluk V.S. Digital contribution to economic growth. *Strategii biznesa=Business Strategy*, 2020, vol. 8, no. 12, pp. 343–348 (in Russian).
13. *Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future*. International Monetary Fund, 2019. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/03/022818-measuring-the-digital-economy>
14. Abdrakhmanova G.I. et al. *Tsifrovaya transformatsiya otraslei: startovye usloviya i priority: doklad k XXII Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*,

- 13–30 апреля 2021 г. [Digital Transformation of Industries: Starting Conditions and Priorities: Report to the 23rd April International Scientific Conference on Economic and Social Development, April 13–30, 2021]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. 239 p.
15. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo, 2018. 285 p.
 16. Alekseeva N.A. Innovation as a factor of economic growth: Meso-economical aspect. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo*=*Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2010, no. 4, pp. 3–6 (in Russian).
 17. Idrisov G.I. et al. New technological revolution: Challenges and opportunities for Russia. *Voprosy ekonomiki*=*Economic Issues*, 2018, no. 4, pp. 5–25 (in Russian).
 18. Kleiman Yu.A. The change of technological patterns based on the introduction of innovations as a factor of technical and economic development. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*=*Vestnik of Rostov State University*, 2008, vol. 6, no. 1, part 2, pp. 164–168 (in Russian).
 19. Kul'kov V.M., Kaimanakov S.V., Tenyakov I.M. The economic growth in Russia: A national model, quality and security. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*=*National Interests: Priorities and Security*, 2014, no. 38 (275), pp. 9–19 (in Russian).
 20. Oder D.E. Strategic planning in the field of labor productivity and economic growth in Russia. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*=*Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University*, 2013, no. 2 (42), pp. 85–87 (in Russian).
 21. Nikonova A.A. Potential and tools for the growth of innovative industries in the process of forming a new way of economy: A systematic approach. *Ekonomist*=*Economist*, 2018, no. 10, pp. 20–39 (in Russian).
 22. Zubenko V.V. Labor resources of the world and the structure of employment of the population. In: Zubenko V.V. et al. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya* [World Economy and International Economic Relations]. Moscow: Yurait, 2019. 410 p.
 23. Golovenchik G.G. Theoretical approaches to the definition of the concept of “digital economy”. *Nauka i innovatsii*=*Science and Innovations*, 2018, no. 1 (191), pp. 54–59 (in Russian).
 24. Garifullin B.M., Zyabrikov V.V. Digital transformation of business: Models and algorithms. *Kreativnaya ekonomika*=*Journal of Creative Economy*, 2018, vol. 12, no. 9, pp. 1345–1358 (in Russian).
 25. Naumov E.A., Ponukalin A.A., Benoit A.E. Knowledge-based economy and sustainable development in terms of institutional constructivism theory. *Ustoichivoe razvitie: nauka i praktika*=*Sustainable Development: Science and Practice*, 2013, no. 1 (10), pp. 66–74 (in Russian).
 26. Pan'shin B. Digital economy: Features and development trends. *Nauka i innovatsii*=*Science and Innovations*, 2016, no. 3 (157), pp. 17–20 (in Russian).
 27. Yudina T.N. Digitalization as modern trend of Russian Federation economy: Pro et contra. *Problemy ekonomiki*=*The Problems of Economy*, 2017, no. 3, pp. 139–143. DOI: 10.23394/2079-1690 (in Russian).
 28. Knuth D.E. *Iskusstvo programmirovaniya dlya EVM. Tom 1* [The Art of Computer Programming. Volume 1]. Moscow: Mir, 1976. 736 p.
 29. Kitrar L.A., Lipkind T.M., Ostapovich G.V. Qualification of qualitative variables in business surveys. *Voprosy statistiki*=*Statistical Issues*, 2018, vol. 25, no. 4, pp. 49–63 (in Russian).
 30. Lola I.S., Bakeev M.B. Digital transformation in the manufacturing industries of Russia: An analysis of the business tendencies observations results. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*=*St. Petersburg Journal of Economic Studies*, 2019, vol. 35, no. 4, pp. 628–657 (in Russian).
 31. Mutaz M. Al-Debei, Ramzi El-Haddadeh, David Avison. *Defining the Business Model in the New World of Digital Business*. Brunel University London, 2008. Pp. 1–11.
 32. Rozeia M., Werthner H. Business models and business strategy – phenomenon of explicitness. *International Journal of Global Business & Competitiveness*, 2011, vol. 6, no. 1, pp. 14–29.

33. Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. Algorithm of innovation implementation at industrial enterprises (methodical approach). *Strategii razvitiya ekonomiki=Economic Development Strategies*, 2011, no. 4 (97), pp. 16–26 (in Russian).
34. Shipliyuk V.S. systematization of production digitalization factors. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei=Scientific Notes of Young Researchers*, 2020, vol. 8, no. 6, pp. 58–66 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktoriya S. Shipliyuk – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shipvika97@gmail.com

Evgenii A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), Director, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate subdivision of VolRC RAS, Deputy Director for Science, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.6

УДК 332.145 | ББК 65.054

© Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ФРОНТАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

ДАМИР АХНАФОВИЧ ГАЙНАНОВ

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

г. Уфа, Российская Федерация

e-mail: 2d2@inbox.ru

ORCID: [0000-0002-2606-2459](https://orcid.org/0000-0002-2606-2459); ResearcherID: [O-5141-2015](https://orcid.org/0-5141-2015)

АЙСЫЛУ ГАРИФУЛЛОВНА АТАЕВА

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

г. Уфа, Российская Федерация

e-mail: ice_lu@mail.ru

ORCID: [0000-0002-2835-0147](https://orcid.org/0000-0002-2835-0147); ResearcherID: [O-4507-2015](https://orcid.org/0-4507-2015)

Развитие агломераций и опорных точек является одной из главных инициатив сбалансированного пространственного развития России в рамках разрабатываемой фронтальной стратегии страны. К 2030 году предполагается формирование 41 агломерации, в том числе межрегиональных, в которых будут созданы условия для интенсивного экономического развития. Цель исследования – оценка возможности сформировать межрегиональную агломерацию между Республикой Башкортостан и Челябинской областью, принимая во внимание экономические,

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. Перспективы формирования межрегиональных агломераций как направления реализации фронтальной стратегии России (на примере Республики Башкортостан и Челябинской области) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 100–117. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.6

For citation: Gainanov D.A., Ataeva A.G. Prospects for the formation of interregional agglomerations as a direction to implement the frontal strategy of Russia (the case of the Republic of Bashkortostan and the Chelyabinsk Oblast). *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 100–117. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.6

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания для УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2021 год.

географические и интеграционные критерии делимитации агломераций. Предметом исследования являются муниципальные образования Магнитогорской агломерации (без учета в ее составе муниципальных образований Республики Башкортостан), создание которой отражено в Стратегии развития Челябинской области до 2035 года, и предполагаемой Зауральской агломерации на территории программного субрегиона «Зауралье Республики Башкортостан». Оценивается экономическая целесообразность создания двух отдельных агломераций или единой межрегиональной агломерации на границе двух регионов. Оценка проводилась на основе анализа концентрации экономической активности в муниципальных образованиях для выделения ядер агломерации, миграционных связей (маятниковая миграция), транспортной связанности как фактора определения географических границ и коэффициента развитости агломерации. Сделан вывод о том, что Магнитогорская (без учета муниципальных образований Республики Башкортостан) и Зауральская агломерации по отдельности не соответствуют базовым требованиям к агломерациям. В Зауральской агломерации отсутствует явно выраженное ядро, ее территории скорее тяготеют к соседнему региону. При этом сила экономического притяжения муниципальных образований между Республикой Башкортостан и Челябинской областью приводит к объективному формированию межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации, в состав которой условно входит часть муниципальных образований обеих агломераций. Межрегиональная агломерация по коэффициенту агломеративности является более развитой, чем две отдельные агломерации.

Межрегиональная агломерация, трансграничная агломерация, муниципальные образования, маятниковая миграция, связанность территорий, ядро агломерации, межмуниципальное сотрудничество.

Введение

Пространственные ограничения существуют для многих экономических явлений, учитывая, что экономические связи обычно слабее за пределами страны (региона), чем внутри страны (региона) из-за институциональных, инфраструктурных, культурных и множества иных факторов [1]. Но в некоторых случаях сила экономических связей оказывается сильнее, чем административные границы.

Это касается агломераций как экономических структур и формы архитектуры регионального экономического пространства [2]. В реальности они слабо подчиняются сетке административного деления и формируются под влиянием множества разных факторов [3; 4]. Более того, если учесть современные тенденции экономического взаимодействия, цифровой экономики, возможности удаленной работы, то не только сами экономические связи, но даже система расселения не зависит от расстояния до места работы, развития транспортной инфраструктуры и др. Поэтому, несмотря на административные границы, на территориях периферии

регионов агломерации, скорее всего, носят межрегиональный (трансграничный) характер в силу сложившихся межмуниципальных экономических связей.

Как правило, под трансграничными (приграничными) агломерациями (transborder agglomeration) подразумеваются «территориальные образования, интегрирующие промышленные и транспортные узлы, системы коммуникаций, города и населенные пункты, располагающиеся на территории двух и более государств» [5; 6]. В рамках приграничных агломераций формируются «общие экономические кластеры, социальная сфера и система самоуправления, происходит выравнивание уровня и качества жизни, оптимизируется использование инвестиционных, трудовых, природных ресурсов, миграционных потоков» [7]. Аналогично межрегиональные (трансрегиональные) агломерации – агломерации, располагающиеся на территории двух и более регионов (субъектов Федерации).

Отдельных исследований по учету межрегиональной специфики агломераций в отечественных публикациях нет. Практически

же с большой вероятностью можно утверждать, что агломерации, находящиеся в территориальной близости к границе субъекта Российской Федерации, являются межрегиональными, оказывая значительное влияние на развитие экономических связей, потоков человеческих ресурсов между муниципальными образованиями соседних регионов.

Согласно Стратегии пространственного развития в Российской Федерации сформировалось около 40 крупных и крупнейших городских агломераций, в большинстве которых численность населения с начала 2000-х годов устойчиво возрастает и в настоящее время превышает 73 млн человек². Так, в разрабатываемой Правительством России фронтальной стратегии – Стратегии социально-экономического развития РФ до 2030 года – одним из направлений является формирование на территории России системы агломераций, представляющих собой единые экономические системы³.

Во многих регионах России агломерации указываются в стратегических документах регионального развития. Например, в 14 стратегиях социально-экономического развития субъектов Приволжского и Уральского федеральных округов упоминается формирование или функционирование региональных агломераций (табл. 1).

В некоторых случаях раздел, связанный с развитием агломераций, является большой составной частью Стратегии, в других – агломерации просто упоминаются в одном из разделов. При этом отсутствует единый подход к выделению состава агломераций. Например, в стратегиях ряда регионов состав агломераций определяется исходя из сетки муниципального деления (ОКТМО), в других – административного (ОКАТО). В ряде стратегий в состав агломерации

включаются территории в границах муниципальных (или административных) районов полностью, иногда части территорий или отдельные населенные пункты соседних районов. В некоторых стратегиях выделяются только крупнейшие агломерации, в других – средние и малые.

Попытки закрепить в региональных стратегиях агломерационные процессы или даже искусственно их сформировать понятны. Агломерации являются драйверами экономического роста региона и региональные власти хотят взять под контроль объективно происходящие процессы перетока населения и ресурсов в крупные города. В целом такая ситуация коррелирует с тем, что в России существует так называемый пространственный дивиденд – «возможность ускорить темпы экономического роста за счет повышения эффективности пространственной организации территорий»⁴.

Во многих исследованиях указывается значительная роль крупных городских поселений в региональной экономике [8–13], производстве валового агломерационного продукта и его доли в валовом региональном продукте: в 2016 году доля городских округов в региональном производстве составляла 53,2%, доля прибыли – 62,7% при доле занятых около 25% [14]. Все региональные центры ставят вопрос агломерационного развития «в качестве одного из главных стимулов роста социальной и экономической сферы жизнедеятельности и эффективного пространственного развития» [15]. Хотя, по сути, можно согласиться с мнением, что «стягивание экономической деятельности (а также инфраструктуры, социальных систем, населения) в города, и особенно крупнейшие городские агломерации, происходит и без участия каких-либо стратегий» [16].

² Зубаревич Н. Назначенные агломерации // Ведомости. 2017. 8 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/07/714602-naznachennie-aglomeratsii> (дата обращения 28.07.2020).

³ Будущее российских городов – развитие в единых экономических системах. Панельная дискуссия «Фронтальная стратегия и агломерационная тактика» // Официальный портал Екатеринбург.РФ. URL: <https://xn--80acgfbsl1azdq.xn--p1ai/news/84558-budushchee-rossiyskikh-gorodov-%E2%80%93-razvitiye-edinykh-ekonomicheskikh-sistemakh> (дата обращения 28.07.2021).

⁴ Агломерации – драйверы экономического роста // National Business. URL: <https://nb159.ru/rubric/strategy/aglomeracii-drajvery-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения 28.07.2021).

Таблица 1. Упоминание агломераций в стратегиях социально-экономического развития субъектов Приволжского и Уральского федеральных округов

Субъект Федерации	Агломерации	Состав агломераций
Республика Башкортостан (Пост. Прав. РБ № 624 от 20.12.2018)	Уфимская Южно-Башкортостанская	1 город, 6 административных районов (далее – районы) 1 город, 2 района
Республика Татарстан (Закон РТ № 40-ЗРТ от 17.06.2015)	Казанская Камская Альметьевская	2 города 4 города 3 города
Республика Марий Эл (Пост. Прав. РМЭ № 12 от 07.01.2018)	Йошкар-Олинская	–
Республика Мордовия (Закон РМ № 94-З от 01.10.2008)	Саранская «протоагломерация» Саранск – Рузаевка – Лямбир	Саранск – Рузаевка – Лямбир
Удмуртская Республика (Закон УР № 40-РЗ от 09.10.2009)	Ижевская	3 города, 4 района, часть территорий трех районов
Чувашская Республика (Закон ЧР № 102 от 26.11.2020)	Чебоксарская	2 города, 4 района
Пермский край (Решение Пермской ГД № 85 от 22.04.2014)	–	–
Кировская область (Расп. Прав. КО № 76 от 28.04.2021)	Перспектива создания Кировской агломерации	–
Нижегородская область (Пост. Прав. № 889 от 21.12.2018)	Нижегородская	2 города, 2 района
Оренбургская область (Пост. Прав. № 551-пп от 20.08.2010)	Оренбургская	1 город, часть территории двух районов, отдельные населенные пункты двух районов
	Орско-Новотроицкая	4 города, населенные пункты двух районов
Пензенская область (Закон ПО № 3323-ЗПО от 15.05.2019)	Пензенская	1 город, 1 ЗАТО, прилегающие земли трех районов
	Кузнецкая	1 город, территории четырех районов
Самарская область (Пост. Прав. СО № 441 от 12.07.2017)	Самарско-Тольяттинская	8 ГО, 9 МР
Саратовская область (Пост. Прав. СО № 321-П от 30.06.2016)	Перспектива создания Саратовской агломерации	–
Курганская область (Расп. Прав. КО № 429-р от 24.12.2019)	–	–
Челябинская область (Пост. Законодательного Собрания ЧО № 1748 от 31.01.2019)	Челябинская	2 ГО, 7 МР
	Магнитогорская	1 ГО, 4 МР, потенциально
	межрегиональная «Горный Урал»	6 МР Республики Башкортостан
	Северная	6 ГО, 5 МР
Свердловская область (Закон СО № 151-ОЗ от 21.12.2015)	Транспортно-логистическая конурбация	4 ГО, 2 МР
	Перспектива создания 3 агломераций: муниципальное образование «г. Екатеринбург», г. Нижний Тагил, Серовский городской округ, «Екатеринбург – Челябинск»	3 ГО, 7 МР
Тюменская область (Закон ТО № 23 от 24.03.2020)	Тюменская	2 города, 5 МР
Ханты-Мансийский автономный округ (Расп. Прав. ХМАО № 101-рп от 22.03.2013)	8 агломераций	Состав не указан
Ямало-Ненецкий автономный округ (проект)	Ноябрьск – Муравленко – Ханымей 2 региональных	3 города 2 города, 1 поселок 3 города

Обозначения: Пост. Прав. – Постановление Правительства, Расп. Прав. – Распоряжение Правительства, ГО – городской округ, МР – муниципальный район, район – административный район.
Источник: Составлено авторами на основе анализа нормативных актов.

При этом практически во всех стратегиях рассмотренных регионов указываются только внутрирегиональные агломерации, даже если они находятся на границе региона.

Зачастую это связано со сложностью институционального оформления подобных агломераций, в которых помимо межмуниципального необходимо организовать и меж-

региональное взаимодействие. В Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. упоминается перспектива формирования межрегиональной агломерации «Екатеринбург – Челябинск» без указания ее состава. Только в Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года дан межрегиональный состав агломерации (Магнитогорская агломерация: Магнитогорский городской округ, Агаповский, Верхнеуральский, Кизильский, Нагайбакский муниципальные районы и потенциально шесть муниципальных образований Республики Башкортостан), хотя конкретно муниципальные образования Башкортостана не перечисляются. В то же время в Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года эта агломерация не учитывается, как и две другие потенциальные агломерации Республики Башкортостан: Октябрьско-Туймазинская и Нефтекамская, которые, по сути, также являются межрегиональными.

В ответ на заключение межмуниципального Соглашения о создании Магнитогорской агломерации 3 февраля 2021 года главами города Магнитогорска, Агаповского, Кизильского, Верхнеуральского и Нагайбакского муниципальных районов на совещании по разработке программы развития Зауралья Республики Башкортостан на 2022–2024 гг. обсуждался вариант формирования Зауральской агломерации, в которую фактически входят муниципальные образования Республики Башкортостан из состава Магнитогорской агломерации, предлагаемой в Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года. Таким образом, на одной и той же территории формируются две разные агломерации с одинаковыми сложившимися экономическими связями.

Насколько адекватна такая позиция и нужно ли административно оформлять две, по сути, одинаковые агломерации? Соответствует ли конкуренция регионов

за административные и финансовые ресурсы реальным экономическим развитием приграничных территорий обоих регионов? В исследовании проводится оценка вариантов формирования двух отдельных или единой межрегиональной агломерации между Республикой Башкортостан и Челябинской областью, на основании классических критериев делимитации агломераций определяется их территориальный состав и ядра.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования аналитических материалов органами государственной власти Республики Башкортостан и Челябинской области. Также они могут применяться для уточнения содержания предлагаемой к продлению Комплексной программы экономического развития Зауралья на 2011–2015 гг., т. к. муниципальные образования Зауралья Республики Башкортостан входят в состав межрегиональной агломерации.

Методика исследования

В исследовании мы рассмотрим три условные агломерации.

1. Магнитогорская агломерация (без учета в ее составе муниципальных образований Республики Башкортостан). В состав агломерации входят Магнитогорский городской округ, Агаповский, Верхнеуральский, Кизильский, Нагайбакский муниципальные районы. На 1 января 2021 года в них насчитывается 517,2 тыс. чел., что составляет 15,0% населения Челябинской области. В ядре агломерации – г. Магнитогорске – проживает 79,9% ее населения. Агломерацию можно отнести к крупной.

2. Зауральская агломерация. Фактически на сегодня такой агломерации не существует, есть только намерение региональных властей ее создать. Соответственно, нигде не закреплён состав территорий агломерации. Предполагается сформировать ее на территории программного субрегиона Зауралья Республики Башкортостан как флагманский проект в случае продления Среднесрочной комплексной про-

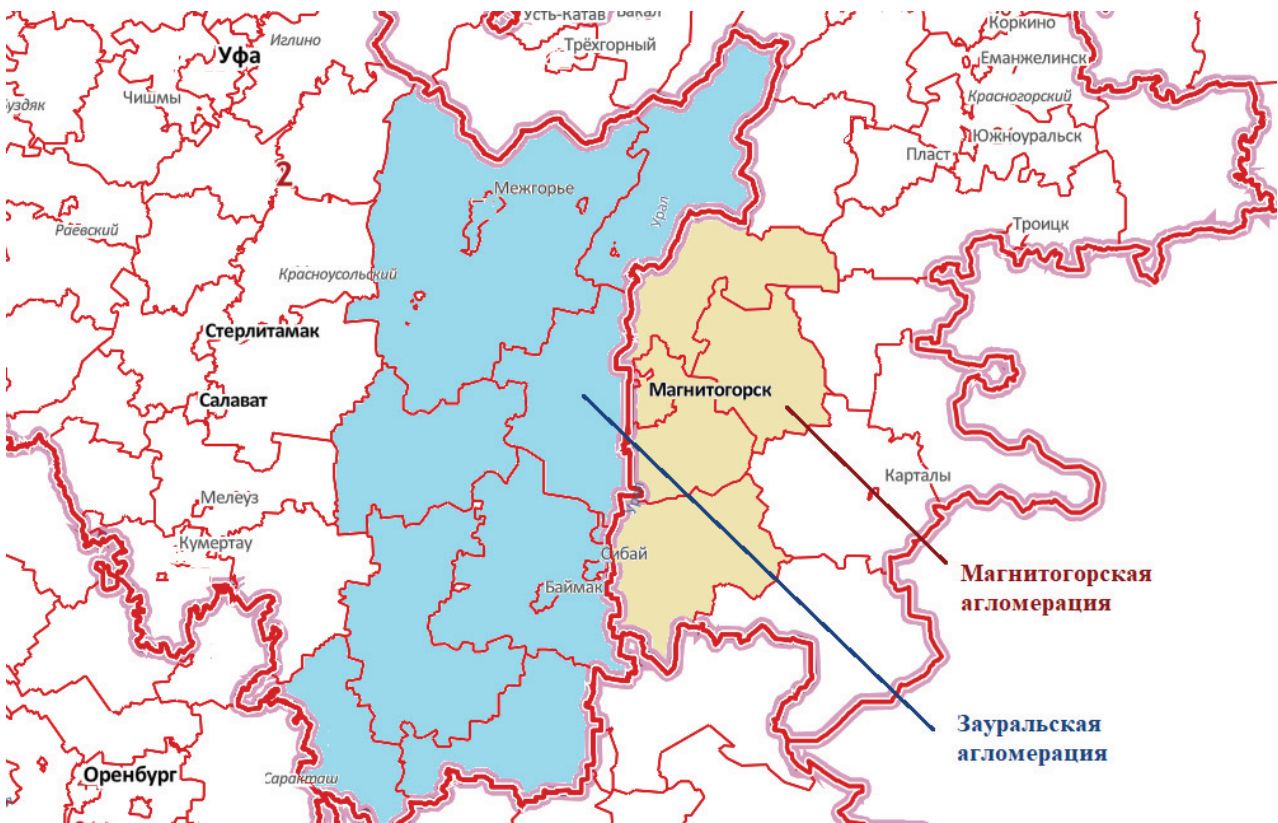

Рис. 1. Карта районов предполагаемой межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации
 Источник: составлено авторами.

граммы экономического развития Зауралья на 2022–2024 гг.⁵ Соответственно, предположим, что состав агломерации будет повторять состав территории программного субрегиона (городской округ город Сибай, Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский, Зианчуринский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский муниципальные районы Республики Башкортостан), включая дополнительно Белорецкий район. Включение Белорецкого района в состав агломерации обуславливается тем, что он является промышленным центром зауральской части Республики Башкортостан, зоной инфраструктурного обеспечения развития туризма в Зауралье, а также районом, имеющим исторически обусловленные межмуниципальные связи с другими районами Зауралья. На 1 января 2021 года на территории выделенных муниципальных образований насчитывается 416,8 тыс. чел., что составляет 10,4% населения Республики Башкортостан. В пред-

полагаемом ядре агломерации – г. Сибай – проживает всего 14,8% населения Зауральской агломерации.

3. Межрегиональная Магнитогорск-Зауральская агломерация, объединяющая территории обеих условных агломераций.

Изначальная карта предполагаемой Магнитогорск-Зауральской межрегиональной агломерации представлена на рис. 1.

В таком составе эта агломерация может считаться почти крупнейшей агломерацией с численностью населения 934 тыс. чел. на 2021 год.

На сегодня в России отсутствует единая общепринятая методика выделения агломераций, даже количество и состав агломераций в разных источниках отличаются. «Научное обоснование и последующее утверждение официальных подходов к выделению агломераций» [17] – одна из важнейших задач современной пространственной экономики России. В настоящее

⁵ О среднесрочной комплексной программе экономического развития Зауралья на 2011–2015 гг.: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 24 февраля 2011 года № 38 (в ред. от 16.07.2015 № 269).

время в отечественных и зарубежных исследованиях существует множество подходов к выделению и делимитации агломераций, обусловленных наличием экономико-пространственных связей, миграционными потоками, плотностью расселения, интенсивностью застройки и др. [8; 18].

На наш взгляд, делимитация агломераций основывается на экономических, интеграционных и географических критериях, которые сгруппированы по этапам их применения. Методика делимитации исходит из исследований А.Г. Уляевой [19] с уточнением некоторых показателей.

1. На этапе анализа концентрации экономической активности на основе оценки ряда показателей определяются ядра агломерации. В исследовании показатели экономической активности определены исходя из логики функциональных ролей территорий агломерации. Ядра и экономические центры агломерации характеризуются концентрацией производственной деятельности, осуществляемой организациями на территории муниципалитета, и инвестиций в основной капитал, а также более высоким уровнем заработной платы как ключевого фактора маятниковой миграции. Территории-спутники ближайшего пояса вокруг ядра агломерации при условии развитости транспортной инфраструктуры часто являются территориями, привлекательными для проживания в силу более низкой в сравнении с ядром стоимости жилья, даже не имея высоких экономических показателей развития. В связи с этим в методику был включен показатель ввода в действие жилых домов. Для сопоставимости межмуниципального сравнения все показатели представлены в удельном виде.

2. На этапе оценки миграционных связей анализируется экономическая связанность и агломерационные связи территорий. Оценка проводится на основе расчета показателя маятниковой миграции, характеризующего ежедневные поездки на работу из муниципальных образований периферии агломерации в ядро без смены постоянного места жительства. Методика расчета представлена в *табл. 2*.

3. На следующем этапе определяются географические границы агломерации, в нашем случае исходя из классического критерия 1–1,5-часовой (максимум двухчасовой) [20–22] транспортной доступности по двум показателям (см. *табл. 2*). Особенностью данного этапа в нашем исследовании является то, что в основе выделения границ агломерации лежит сетка не административного, а муниципального деления. Если населенный пункт входит в агломерацию, он будет относиться к ней вместе с муниципальным районом, на территории которого находится. С точки зрения экономических связей это не логично, но необходимо с точки зрения перспектив организации межмуниципального и межрегионального сотрудничества.

4. На последнем этапе на основе расчета коэффициента развитости (агломеративности) определяется уровень сформированности агломерации. Существует несколько методик расчета этого коэффициента (методика ИГ РАН, П.М. Полян [22], методика ЦНИИПград Градостроительства (Ф.М. Листенгурт) [23], унифицированная методика [24] крупногородских и большегородских агломераций). Выбранный показатель оценки представлен в *табл. 2*.

Результаты исследования

1. Анализ концентрации экономической активности для выделения ядер агломерации.

Результаты расчетов показателей экономической активности по муниципальным образованиям, условно входящим в состав перечисленных агломераций, представлены в *табл. 3*.

Экономические показатели Зауральской агломерации уступают показателям Магнитогорской. Так, объем отгруженной продукции на душу населения в Зауралье в 2,6 раза ниже, а если не учитывать Белорецкий район, который в программный субрегион не входит, – то в 3,1 раза. В свою очередь в Республике Башкортостан более высокие темпы и объемы строительства жилья, что характеризует регион как более благоприятный для проживания.

Таблица 2. Этапы и показатели делимитации агломерации

Этап и цель делимитации	Содержание этапа, показатель (при наличии)
1. Концентрация экономической активности. Цель – выделение экономических ядер агломерации	Расчет показателей по муниципальным районам: 1) объем инвестиций в основной капитал на душу населения; 2) стоимостной объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения; 3) среднемесячная заработная плата работников предприятий и организаций; 4) ввод в действие жилых домов за счет всех источников финансирования на 1 тыс. населения*
2. Оценка миграционных связей. Цель – анализ экономической связанности и агломерационные связи территорий	Методика оценки относительного показателя маятниковой трудовой миграции [19]: $\delta^{MM} \approx \delta_{НТН} = \frac{Ч_{ТН} - Ч_{Срз} - Ч_{Д} - Ч_{УбТН} - Ч_{С} - Ч_{ИП} - Ч_{Б}}{Ч_{ТН}} \times 100\%, \quad (1)$ где: δ^{MM} – показатель маятниковой трудовой миграции (доля маятниковых мигрантов в трудоспособном населении), %; $\delta_{НТН}$ – доля неучтенного трудоспособного населения, %; $Ч_{ТН}$ – численность трудоспособного населения, чел.; $Ч_{Срз}$ – среднегодовая численность работников организаций, чел.; $Ч_{Д}$ – количество женщин, находящихся в декретном отпуске (численность детей, родившиеся в текущем году, чел.); $Ч_{С}$ – численность потенциальных студентов (в качестве показателя было принято количество населения от 18 до 23 лет), чел.; $Ч_{ИП}$ – численность ИП, чел.; $Ч_{Б}$ – численность безработных, состоящих на учете, чел.; $Ч_{УбТН}$ – численность ушедшего населения трудоспособного возраста, чел., рассчитывается условно как: $Ч_{УбТН} = \frac{Ч_{УбН}}{Ч_{Н}} \times Ч_{ТН}, \quad (2)$ где: $Ч_{Н}$ – численность населения, чел.; $Ч_{УбН}$ – численность ушедшего населения, чел.*
3. Оценка транспортной связанности. Цель – определение географических границ межрегиональной агломерации	В качестве показателей транспортной доступности выбраны: 1) время поездки на средней скорости (60 км/ч) на автомобиле; 2) количество официальных автобусных маршрутов между населенными пунктами в среднем за один день. Транспортная доступность оценивалась от ядра агломерации (г. Магнитогорск) до административного центра муниципального района (городского округа) и наиболее отдаленного населенного пункта муниципального образования**
4. Оценка развитости агломерации. Цель – оценка уровня сформированности агломерации	В качестве показателя был выбран коэффициент развитости агломерации по методике ИГ РАН [22], согласно которому агломерация считается сформировавшейся, если коэффициент развитости составляет не менее 1,0. $K_{разв} = P \times (M \times m + N \times n), \quad (3)$ где: P – численность городского населения агломерации; M и N – количество городов и поселков городского типа соответственно; m и n – доли в городском населении агломерации***
* Информационная база: База данных показателей муниципальных образований. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst (дата обращения 25.06.2021). ** Портал Универсальные Карты (1Maps.ru). URL: https://1maps.ru/raschet-rasstoyanij-mezhdu-gorodami-prolozhit-marshrut-na-avtomobile (дата обращения 01.07.2021); Поиск расписаний автобусов. URL: https://www.avtovokzaly.ru/avtobus/beloreck-magnitogorsk (дата обращения 01.07.2021). *** База данных показателей муниципальных образований. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst (дата обращения 25.06.2021); Формирование местного самоуправления в Российской Федерации: стат. бюл. URL: https://rosstat.gov.ru/munstat (дата обращения 25.06.2021).	

Если же рассматривать только Зауральскую агломерацию, то городской округ город Сибай не является экономическим ядром. Скорее, ядром можно назвать города Учалы и Белорецк как крупные промышленные центры региона с большим объемом отгруженной продукции.

С точки зрения перспективности межрегиональной агломерации ее безусловным экономическим ядром является г. Магнито-

горск в составе Магнитогорского городского округа. В нем сосредоточено 20,3% инвестиций в основной капитал, 40,9% объема отгруженной продукции, средний уровень заработной платы на 43,1% выше, чем в среднем в районах обеих агломераций.

Определим, имеются ли другие потенциальные ядра Магнитогорск-Зауральской межрегиональной агломерации, помимо

Таблица 3. Показатели экономического развития муниципальных образований условной трансграничной Магнитогорск-Зауральской межрегиональной агломерации, 2019 год

Муниципальное образование	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	Объем отгруженной продукции на душу населения, тыс. руб.	Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.	Введено в действие жилых домов, кв. м на тыс. чел. населения
Челябинская область (Магнитогорская агломерация)				
Магнитогорский городской округ	101,38	1456,99	46821,80	342,29
Агаповский	4,01	170,37	29413,80	280,48
Верхнеуральский	44,04	48,22	38251,80	242,76
Кизильский	1,29	9,17	27992,10	127,53
Нагайбакский	15,43	423,56	29205,10	61,27
<i>Среднее</i>	<i>33,23</i>	<i>421,66</i>	<i>34336,92</i>	<i>210,86</i>
Республика Башкортостан (Зауральская агломерация)				
Абзелиловский	58,38	45,35	29572,60	692,61
Баймакский	9,42	42,93	30889,60	492,06
Белорецкий	19,50	382,47	31454,20	338,82
Бурзянский	24,04	10,89	26161,90	447,24
Зианчуринский	10,78	20,98	28048,60	360,41
Зилаирский	11,34	16,14	29152,40	698,45
Учалинский	85,28	526,27	39166,80	469,09
Хайбуллинский	101,12	200,09	35752,30	431,27
Городской округ г. Сибай	13,87	210,07	36151,20	242,20
<i>Среднее</i>	<i>37,08</i>	<i>161,69</i>	<i>31816,62</i>	<i>463,57</i>
Среднее по двум агломерациям	35,71	254,54	32716,73	373,32

Рассчитано на основе информации Базы данных муниципальных образований Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

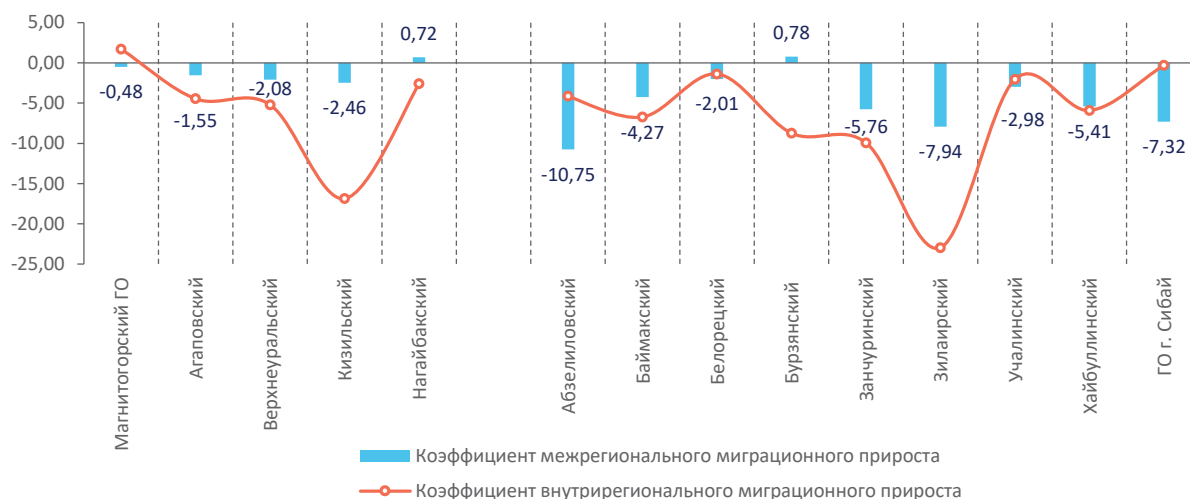

Рис. 2. Коэффициенты миграционного прироста в муниципальных образованиях Магнитогорской и Зауральской агломераций (на 10000 чел. населения), чел.

Источник: рассчитано авторами.

г. Магнитогорска, например, города Учалы (37,9 тыс. чел.), Белорецк (65,0 тыс. чел.), городской округ г. Сибай (60,8 тыс. чел.). Для этого оценим внутри- и межрегиональные перетоки человеческих ресурсов по муниципальным образованиям межрегио-

нальной агломерации. Значения коэффициента миграционного прироста (отношение внутри- и межрегионального миграционного прироста к среднегодовой численности населения на 10 тысяч человек населения) представлены на рис. 2.

Единственный город с положительным миграционным приростом – Магнитогорск, но даже в нем наблюдается межрегиональный миграционный отток. Города Белорецк, Учалы и особенно Сибай не являются центрами притяжения как для населения Республики Башкортостан, так и соседней Челябинской области. Кроме того, анализ миграционного прироста показывает, что в районах Магнитогорской агломерации население предпочитает переезжать в другие муниципальные образования Челябинской области, тогда как в Зауральской агломерации есть муниципалитеты (Абзелиловский, Белорецкий, Учалинский районы, г. Сибай), в которых межрегиональная миграция значительно выше. Это говорит о тяготении населения на границе Республики Башкортостан к соседнему региону.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что Магнитогорск-Зауральская агломерация не является полицентрической, в качестве единственного ее ядра выступает г. Магнитогорск.

2. Оценка миграционных связей (маятниковая миграция).

Итоги расчета показателя маятниковой трудовой миграции представлены на рис. 3.

Из четырех муниципальных образований с минимальной маятниковой миграцией три приходится на Челябинскую область (включая г. Магнитогорск). Низкое значение маятниковой миграции в Учалинском районе можно объяснить промышленной специализацией, т. к. на его территории находятся Учалинский горно-обогатительный комбинат, завод «Николь-Пак», ООО «Уралташ» и др. В целом уровень маятниковой миграции в муниципальных образованиях Зауралья выше, чем в Магнитогорской агломерации. Это подтверждает функциональные роли муниципальных образований условной межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации: муниципалитеты Челябинской области – промышленные центры, центры притяжения трудоспособного населения, Республика Башкортостан – донор трудового капитала, территории, благоприятные для проживания и рекреации.

3. Оценка транспортной связанности как фактора определения географических границ межрегиональной агломерации.

Расчет транспортной доступности от ядра агломерации (г. Магнитогорск) до административных центров и наиболее отдаленных населенных пунктов муниципальных районов условной межрегиональной агломерации представлен в табл. 4.

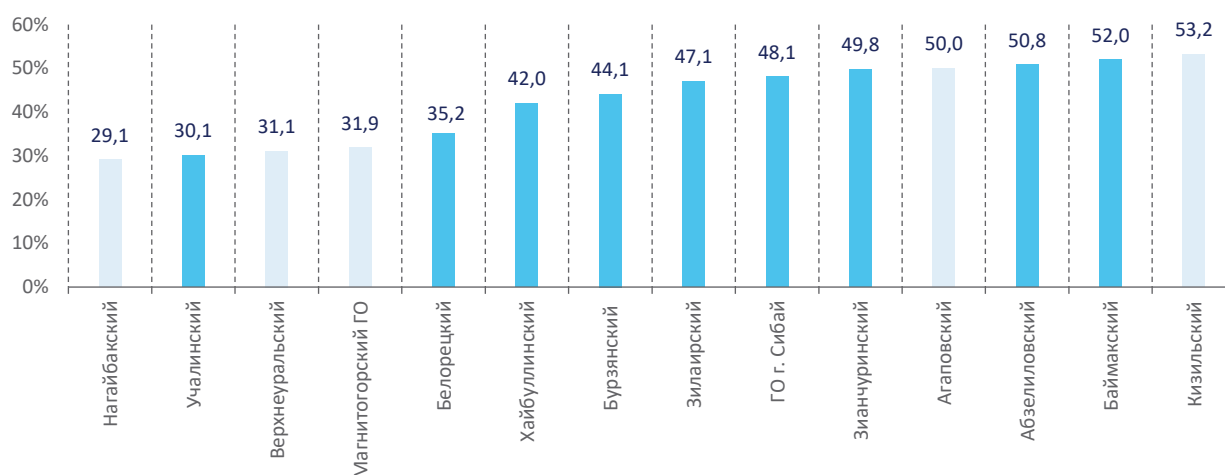

Рис. 3. Значения показателя маятниковой трудовой миграции в муниципальных образованиях межрегиональной агломерации (светлым выделены муниципальные образования Челябинской области, темным – Республики Башкортостан), %

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Расчет времени транспортной доступности до г. Магнитогорска как ядра агломерации

Муниципальное образование (административный центр)	Расстояние от дальнего поселения до ядра агломерации (г. Магнитогорск), км	Расстояние от административного центра до ядра агломерации (г. Магнитогорск), км	Время пути по дорогам от дальнего поселения до г. Магнитогорска, час.	Число автобусных рейсов от административного центра в среднем за день, ед.
Магнитогорский ГО (г. Магнитогорск)	0	0	0	–
Агаповский (с. Агаповка)	74 (Алексеевский)	24	1:10	от 28
Верхнеуральский (г. Верхнеуральск)	125 (Комсомольское)	61	1:16	23,6
Кизильский (с. Кизильское)	122 (Богдановское)	83	1:44	10,1
Нагайбакский (с. Фершампенуаз)	126 (Париж)	73	1:27	19,3
Абзелиловский (с. Аскарково)	113 (Хамитово)	41	1:52	25,0
Баймакский (г. Баймак)	202 (Ишберда)	135	2:25	11,3
Белорецкий (г. Белорецк)	217 (Габдюково)	83	2:42	19,1
Бурзянский (с. Старосубхангулово)	203 (Кутаново)	154	3:22	–
Зианчуринский (с. Исянгулово)	313 (Кужанак)	279	4:07	–
Зилаирский (с. Зилаир)	230 (Бердяш)	210	2:45	4,6
Учалинский (г. Учалы)	198 (Ильчигулово)	126	2:53	7,1
Хайбуллинский (с. Акъяр)	223 (Илячево)	206	3:20	7,0
ГО г. Сибай	97	97	1:15	38,9

Составлено по: Портал Универсальные Карты (1Maps.ru). URL: <https://1maps.ru/raschet-rasstoyanij-mezhdu-gorodami-prolozhit-marshrut-na-avtomobile> (дата обращения 01.07.2021); Поиск расписаний автобусов. URL: <https://www.avtovokzaly.ru/avtobus/beloreck-magnitogorsk> (дата обращения 01.07.2021).

Если рассматривать только межрегиональную агломерацию с ядром в г. Магнитогорске, то, согласно классическим подходам, в ее состав можно включить только Абзелиловский и Баймакский районы и городской округ г. Сибай, территориально находящийся на территории Баймакского района. При оценке связанности территорий мы будем учитывать этот момент.

Анализ автобусных маршрутов показывает сильные межрегиональные связи между населенными пунктами, но только на границе регионов. Число ежедневных рейсов из административных центров Абзелиловского и Баймакского районов, г. Сибай сопоставимо с числом рейсов в соседние муниципалитеты Челябинской области.

Исходя из анализа транспортной доступности до предполагаемого ядра агломерации и отсутствия транспортной связанности, из состава условной трансграничной агломерации исключим Белорецкий, Бурзянский,

Зианчуринский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский районы.

Таким образом, в состав предполагаемой межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации включаются городской округ город Магнитогорск, Агаповский, Верхнеуральский, Кизильский, Нагайбакский районы Челябинской области, Абзелиловский, Баймакский районы и городской округ город Сибай Республики Башкортостан. Численность населения агломерации – 682,6 тыс. чел. Итоговая карта районов межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации представлена на рис. 4.

Ядро межрегиональной агломерации – город Магнитогорск, в котором сосредоточено 60,5% ее населения, 87,6% инвестиций в основной капитал, 94,9% объема отгруженной продукции работ и услуг собственными силами (без субъектов малого и среднего предпринимательства), средний уровень заработной платы на 40,0% выше, чем в среднем по агломерации в 2019 году.

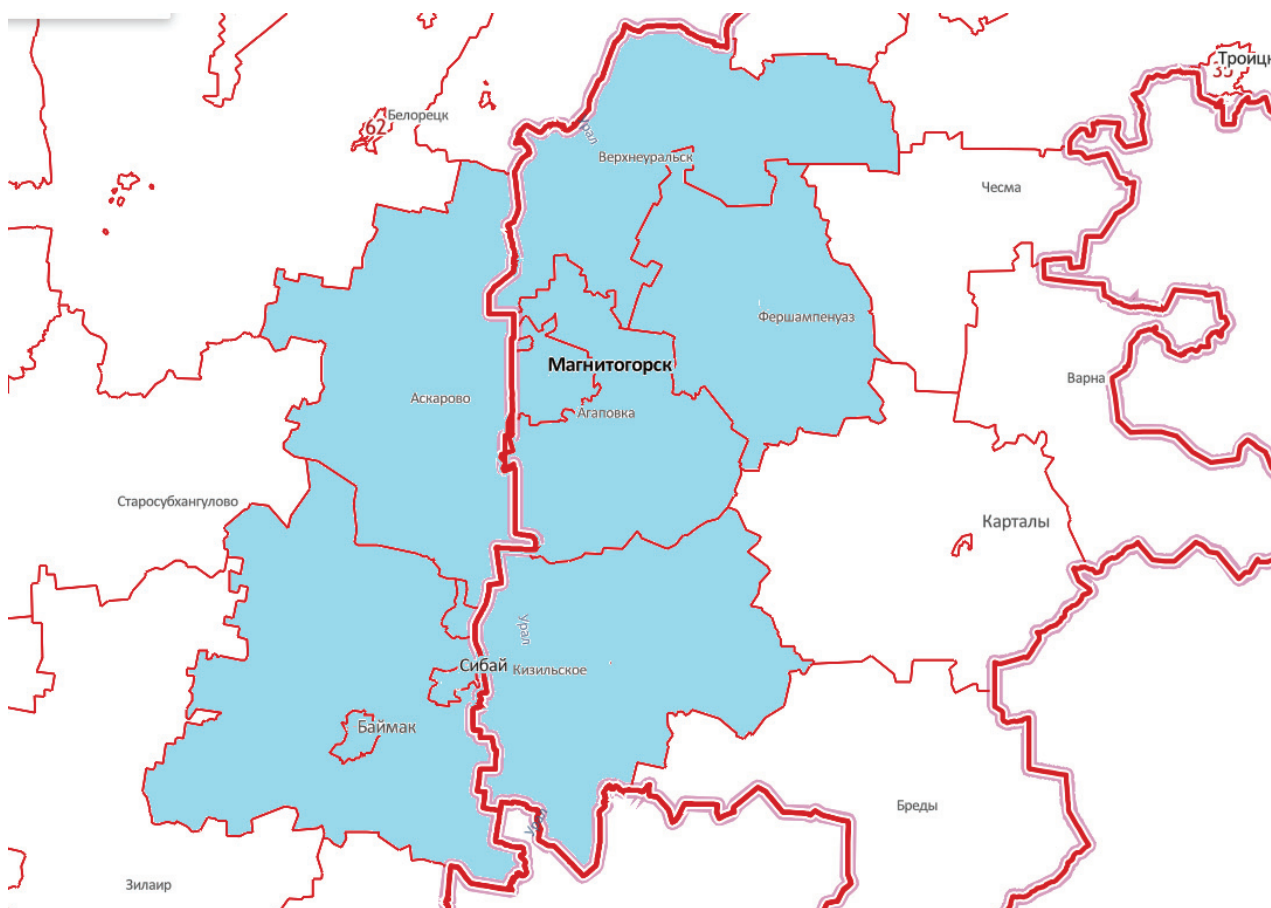

Рис. 4. Карта районов межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации

Источник: составлено авторами.

Функциональные роли муниципальных образований межрегиональной агломерации распределены следующим образом. Городской округ г. Магнитогорск, Верхнеуральский и Нагайбакский районы Челябинской области можно считать экономическими центрами, в них в совокупности сосредоточено 91,3% инвестиций и 96,3% объема отгруженной продукции всех территорий межрегиональной агломерации. На данных территориях зафиксирован минимальный показатель маятниковой трудовой миграции среди всех муниципалитетов агломерации.

Функциональная роль районов Республики Башкортостан – благоприятные места для проживания и рекреации, а также предоставление трудовых ресурсов (донорство человеческого капитала). Так, среднечеловеческий объем ввода жилых домов в Абзелиловском и Баймакском районах Республики Башкортостан в 2,8 раза превышает средний показатель по районам Челябинской обла-

сти, число мест в коллективных средствах размещения – в 5,2 раза. В одном только Абзелиловском районе (45 тыс. чел. населения) количество мест в коллективных местах размещения более чем в 1,5 раза превышает места во всех пяти муниципальных образованиях Челябинской области (519,4 тыс. чел.), включая даже г. Магнитогорск (413,2 тыс. чел.).

Параллельно данные территории – доноры рабочей силы, о чем свидетельствуют одни из максимальных показателей маятниковой трудовой миграции в этих районах (см. рис. 3). Среднее значение межрегионального оттока населения на 1000 человек из муниципалитетов Абзелиловского, Баймакского районов Республики Башкортостан и городского округа г. Сибай в 6,4 раза превышает аналогичный показатель для пяти муниципальных образований Челябинской области.

В целом по показателю людности (численности населения ядер агломерации)

Магнитогорск-Зауральская агломерация может считаться большой агломерацией [19].

4. Оценка развитости агломераций

Расчеты показали, что коэффициент развитости Магнитогорской агломерации без учета муниципальных образований Республики Башкортостан составляет 0,862, Зауральской агломерации с ядром в г. Сибая – 0,727, предполагаемой Магнитогорск-Зауральской межрегиональной агломерации (5 муниципальных образований Челябинской области, 3 муниципальных образования Республики Башкортостан, ядро – г. Магнитогорск) – 2,020.

Таким образом, сформировавшаяся может считаться только межрегиональная Магнитогорск-Зауральская агломерация. Если первые две агломерации можно считать лишь перспективными агломерациями 0-го класса сложности (коэффициент развитости меньше 1), то межрегиональную агломерацию можно уже отнести к развивающейся агломерации I-го класса сложности. Наличие достаточного количества городских поселений на небольшом расстоянии от ядер агломерации отражает более развитую внешнюю среду межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации по сравнению с исходными.

Заключение

В целом можно заключить, что первые две агломерации, одна из которых (Магнитогорская) является официально закреплённой, а вторая (Зауральская) рассматривается только как перспективный проект, своего рода «антагонист» соседней агломерации, не удовлетворяют классическим подходам к оценке агломеративности, в них отсутствует баланс функциональных ролей ядра и периферии.

Магнитогорская агломерация (без учета территорий районов Республики Башкортостан) – экономически развитая официально закреплённая агломерация с сильным ядром. Стратегия ее развития носит по большей части инфраструктурный характер, о чем свидетельствуют предполага-

емые инвестиционные проекты: развитие транспортной инфраструктуры, строительство медицинского центра, реконструкция Магнитогорского аэропорта, строительство очистных сооружений, развитие спортивной инфраструктуры и др.⁶

Зауральская агломерация с большой натяжкой может считаться средней, ее формирование – скорее попытка территориально оформить программный субрегион и своего рода «ответ» на создание Магнитогорской агломерации. При этом близость к Магнитогорску как крупному промышленному городу, благоприятная экологическая ситуация, наличие крупнейших объектов рекреации, собственниками которых, в том числе, являются предприятия Челябинской области, делают территории Зауральской агломерации привлекательными для рекреации и места жительства. Это подтверждается активным жилищным строительством в муниципалитетах на границе Республики Башкортостан, а также высоким показателем маятниковой трудовой миграции. Приграничные территории Республики Башкортостан, по сути, выступают донорами трудовой силы, их развитие в значительной степени зависит от экономики соседнего региона. Создание отдельной внутренней Зауральской агломерации не решит проблем, поэтому не имеет экономического смысла.

Формирование межрегиональной Магнитогорск-Зауральской агломерации в составе городского округа город Магнитогорск (ядро), Агаповского, Верхнеуральского, Кизильского, Нагайбакского районов Челябинской области, Абзелиловского, Баймакского районов и городского округа город Сибай Республики Башкортостан – является объективным и экономически целесообразным. Сама агломерация носит ярко выраженный межрегиональный характер, между территориями уже сформировались прочные экономические связи, определены функциональные роли территорий агломерации.

Таким образом, сила экономического притяжения муниципальных образований

⁶ Магнитогорская агломерация // Официальный сайт Администрации городского округа город Магнитогорск Челябинской области. URL: <https://www.magnitogorsk.ru/news/magnitogorskaya-aglomeraciya> (дата обращения 01.07.2021).

между Челябинской областью и Республикой Башкортостан приводит к формированию межрегиональной агломерации, которая по классическим параметрам оценки делимитации и агломерированности может считаться более развитой, чем две отдельные соседние агломерации.

При этом зачастую забывается, что агломерации «в весьма малой степени генерируют стимулы развития на периферии, всасывая в себя, но не генерируя вовне потоки населения и ресурсов» [16]. Несмотря на то, что региональные власти не могут помешать постоянно усиливающейся экономи-

ческой связи территорий потенциальной межрегиональной агломерации, они могут возглавить этот процесс, взяв на себя задачу нивелирования отрицательных агломерационных эффектов. Начать необходимо с диалога двух регионов по разработке межмуниципальных договоров, связанных с организацией взаимодействия в этих муниципалитетах для решения вопросов как местного (непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования), так и общерегионального (снижение внутрирегиональных диспропорций и формирование точек роста) значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Smit M.J. Cross-border agglomeration benefits. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 2017, no. 10, pp. 375–383. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12076-017-0191-0>
2. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Аслаева С.Ш. Механизм формирования архитектуры регионального экономического пространства // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 7 (2). С. 324–329.
3. Strange W.C. Viewpoint: Agglomeration research in the age of disaggregation. *Canadian Journal of Economics*, 2009, no. 42 (1), pp. 1–27. DOI: 10.1111/j.1540-5982.2008.01497
4. Arnott R. Optimal city size in a spatial economy. *Journal of Urban Economics*, 1979, no. 6 (1), pp. 65–89. DOI: 10.1016/0094-1190(79)90017-2
5. Joenniemi P. *City-twinning as local foreign policy: The case of Kirkenes-Nickel*. CEURUS EU-Russia paper, 2014, no.15. 30 p.
6. Долина О.Е., Рябова Е.В. Трансграничные агломерации как современное направление развитие интеграционного пространства Европы // Структурные реформы для стимулирования роста экономики регионов: опыт России и ФРГ / под общ. ред. Л.П. Совершаевой. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 39–43.
7. Бредихин А.В. Место и роль приграничных агломераций в евразийском экономическом союзе // Гуманитарные науки. Вестн. Финанс. ун-та. 2017. Т. 7. № 1 (25). С. 64–72.
8. Анимица Е.Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных эффектов // *Ars Administrandi*. 2013. № 1. С. 82–96.
9. Гусев А., Юревич В. Города федерального значения как источник экономического роста // *Общество и экономика*. 2017. № 2. С. 53–70.
10. Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // *Экономика региона*. 2016. Т. 12. № 3. С. 776–789.
11. Никитская Е.Ф. Роль агломераций в развитии регионального сегмента национальной инновационной системы России // *Федерализм*. 2018. № 2 (90). С. 46–63.
12. Song D., Zhou J. Influence of the agglomeration of producer service industry on economic growth based on Cobb-Douglas production function. *Proceedings – 2020 16th Dahe Fortune China Forum and Chinese High-Educational Management Annual Academic Conference*, DFHMC, 2020. Pp. 17–20. DOI: 10.1109/DFHMC52214.2020.00011

13. Shuhan L., Hualong Y. Analysis of the spatial correlation between the agglomeration of producer services and regional economic growth: An empirical study based on 285 prefecture-level cities in China. *Journal of Tianjin University of Finance and Economics*, 2018, no. 38 (3), pp. 67–81.
14. Русановский В., Марков В., Бровкова А. Моделирование эффекта пространственной локализации в городских агломерациях России // *Экономическая политика*. 2018. Т. 13. № 6. С. 136–163. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-136-163
15. Казакова С.М., Климанов В.В. Агломерационная политика в стратегиях столичных городов России // *Общественные финансы*. 2017. № 35. С. 49–60.
16. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 4. С. 967–980.
17. Liang J., Li F., Mao L. Review of the methods of delimitation for the spatial scope of urban agglomeration. *18th International Conference on Geoinformatics*, 2010, no. 5567776. DOI: 10.1109/GEOINFORMATICS.2010.5567776
18. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125.
19. Уляева А.Г. Анализ методических подходов к выделению агломерационных образований // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 12 (435). С. 17–27.
20. Анимича Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. 433 с.
21. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.
22. Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1 / отв. ред. Г.М. Лаппо. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988. 220 с.
23. Листенгурт Ф.М. Генеральная схема расселения на территории СССР на период до 1980 года и прогнозы систем расселения на период до 1990–2000 гг. / Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР. Центр. науч.-иссл. и проектный ин-т по градостроительству (ЦНИИПградостроительства). М.: ЦНИИПградостроительства, 1976. 78 с.
24. Полян П.М. Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // *Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах*. Свердловск, 1988. 84 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: 2d2@inbox.ru

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: ice_lu@mail.ru

Gainanov D.A., Ataeva A.G.

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF INTERREGIONAL AGGLOMERATIONS AS A DIRECTION TO IMPLEMENT THE FRONTAL STRATEGY OF RUSSIA (THE CASE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE CHELYABINSK OBLAST)

The development of agglomerations and reference points is one of the main initiatives of balanced spatial development in Russia within the framework of the elaborated frontal strategy of the country. By 2030, 41 agglomerations are expected to be formed including interregional ones, in which conditions for intensive economic development will be created. The purpose of the research is to assess the possibility of forming an interregional agglomeration between the Republic of Bashkortostan and the Chelyabinsk Oblast taking into account the economic, geographical and integration criteria for the delimitation of agglomerations. The subject of the study is the municipalities of the Magnitogorsk agglomeration (excluding the municipalities of the Republic of Bashkortostan in its composition), the creation of which is reflected in the Development Strategy of the Chelyabinsk Oblast until 2035, and the proposed Trans-Ural agglomeration on the territory of the program sub-region "Trans-Urals of the Republic of Bashkortostan". We assess the economic feasibility of creating two separate agglomerations or a single interregional agglomeration on the border of two regions. The assessment was carried out on the basis of an analysis of the concentration of economic activity in municipalities to identify the cores of agglomeration, migration links (commuting), transport connectivity as a factor in determining geographical boundaries and the coefficient of agglomeration development. We have concluded that Magnitogorsk (excluding municipalities of the Republic of Bashkortostan) and Trans-Ural agglomerations do not meet the basic requirements for agglomerations separately. There is no pronounced core in the Trans-Ural agglomeration; its territories tend rather to the neighboring region. At the same time, the force of the municipalities' economic attraction between the Republic of Bashkortostan and the Chelyabinsk Oblast leads to the objective formation of an interregional Magnitogorsk-Trans-Ural agglomeration, which conditionally includes part of the municipalities of both agglomerations. The interregional agglomeration is more developed by the agglomeration coefficient than two separate agglomerations.

Interregional agglomeration, cross-border agglomeration, municipality, commuting, connectivity of territories, core of agglomeration, inter-municipal cooperation.

REFERENCES

1. Smit M.J. Cross-border agglomeration benefits. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 2017, no. 10, pp. 375–383. DOI: 10.1007/s12076-017-0191-0
2. Gataullin R.F., Karimov A.G., Aslaeva S.Sh. Mechanism of formation of agriculture of regional economic space. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 2016, no. 7 (2), pp. 324–329 (in Russian).
3. Strange W.C. Viewpoint: Agglomeration research in the age of disaggregation. *Canadian Journal of Economics*, 2009, no. 42 (1), pp. 1–27. DOI: 10.1111/j.1540-5982.2008.01497
4. Arnott R. Optimal city size in a spatial economy. *Journal of Urban Economics*, 1979, no. 6 (1), pp. 65–89. DOI: 10.1016/0094-1190(79)90017-2
5. Joenniemi P. City-twinning as local foreign policy: The case of Kirkenes-Nickel. *CEURUS EU-Russia Paper*, 2014, no.15, p. 30.

6. Dolenina O.E., Ryabova E.V. Cross-border agglomerations as a modern direction for the development of the European integration space. In: Sovershaeva L.P. (Ed.). *Strukturnye reformy dlya stimulirovaniya rosta ekonomiki regionov: opyt Rossii i FRG* [Structural Reforms to Stimulate Regional Economic Growth: The Experience of Russia and Germany]. Saint Petersburg: Skifiya-print, 2014. Pp. 39–43 (in Russian).
7. Bredikhin A.V. The place and role of cross-border agglomerations in the Eurasian Economic Union. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta=Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2017, vol. 7, no. 1 (25), pp. 64–72 (in Russian).
8. Animitsa E.G. Russia's largest cities in the context of global urbanization effects. *Ars Administrandi*, 2013, no. 1, pp. 82–96 (in Russian).
9. Gousev A., Yurevich V. Federal cities as a source of economic growth. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economics*, 2017, no. 2, pp. 53–70 (in Russian).
10. Shmidt A.V., Antonyuk V.S., Francini A. Urban agglomeration in regional development: Theoretical, methodological and applied aspects. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 776–789 (in Russian).
11. Nikitskaya E.F. The role of agglomerations in the development of the regional segment of the national innovation system of Russia. *Federalizm=Federalism*, 2018, no. 2 (90), pp. 46–63 (in Russian).
12. Song D., Zhou J. Influence of the agglomeration of producer service industry on economic growth based on Cobb-Douglas production function. In: *Proceedings – 2020 16th Dahe Fortune China Forum and Chinese High-Educational Management Annual Academic Conference*, DFHMC, 2020. Pp. 17–20. DOI: 10.1109/DFHMC52214.2020.00011
13. Shuhan L., Hualong Y. Analysis of the spatial correlation between the agglomeration of producer services and regional economic growth: An empirical study based on 285 prefecture-level cities in China. *Journal of Tianjin University of Finance and Economics*, 2018, no. 38 (3), pp. 67–81.
14. Rusanovskiy V., Markov V., Brovkova A. Modeling the effect of spatial localization in urban agglomerations of Russia. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 136–163. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-136-163 (in Russian).
15. Kazakova S.M., Klimanov V.V. Agglomeration policy in the strategies of Russian capital cities. *Obshchestvennye finansy=Public Finance*, 2017, no. 35, pp. 49–60 (in Russian).
16. Minakir P.A. Russian economic space: Strategic impasses. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 967–980 (in Russian).
17. Liang J., Li F., Mao L. Review of the methods of delimitation for the spatial scope of urban agglomeration. *18th International Conference on Geoinformatics*, 2010, no. 5567776. DOI: 10.1109/GEOINFORMATICS.2010.5567776
18. Kuznetsova O.V. Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 107–125 (in Russian).
19. Ulyaeva A.G. An analysis of methodological approaches to the determination of agglomeration. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 2016, no. 12 (435), pp. 17–27 (in Russian).
20. Animitsa E.G., Vlasova N.Yu. *Gradovedenie* [Urbanology]. Yekaterinburg: UrGEU, 2010. 433 p.
21. Lappo G.M. *Razvitie gorodskikh aglomeratsii v SSSR* [Development of Urban Agglomerations in the USSR]. Moscow: Nauka, 1978. 152 p.
22. Polyani P.M. *Metodika vydeleniya i analiza opornogo karkasa rasseleniya. Chast' 1* [Methodology of Allocation and Analysis of the Settlement Support Frame. Part 1]. Moscow: In-t geografii AN SSSR, 1988. 220 p.

23. Listengurt F.M. *General'naya skhema rasseleniya na territorii SSSR na period do 1980 goda i prognozy sistem rasseleniya na period do 1990–2000 gg.* [General Scheme of Settlement on the Territory of the USSR for the Period up to 1980 and Forecasts of Settlement Systems for the Period up to 1990–2000]. Moscow: TsNII Gradostroitel'stva, 1976. 78 p.
24. Polyan P.M. Problems of delimitation of urban agglomerations: Comparison and synthesis of leading methods. In: *Problemy territorial'noi organizatsii prostranstva i rasseleniya v urbanizirovannykh raionakh* [Problems of Territorial Organization of Space and Settlement in Urbanized Areas]. Sverdlovsk, 1988. 84 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru

Aisyly G. Ataeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: ice_lu@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.7

УДК 338.47 | ББК 65.37-72

© Янков К.В.

ПРОБЛЕМА ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ¹

КИРИЛЛ ВАДИМОВИЧ ЯНКОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kirill_yankov@mail.ru

ORCID: [0000-0002-8474-4036](https://orcid.org/0000-0002-8474-4036); ResearcherID: [ABD-1284-2021](https://orcid.org/ABD-1284-2021)

В статье рассмотрены различные подходы к определению и пониманию транспортной доступности в целом и транспортной доступности населенных пунктов в частности, существующие в научной литературе, впервые проанализировано, как проблема недостаточной транспортной доступности населенных пунктов представлена в федеральных документах стратегического планирования. Приведены авторские взгляды на данную экономико-географическую категорию, предложены подходы к созданию системы показателей, которые могли бы отражать уровень транспортной доступности с использованием различных видов транспорта. Анализ нормативно-правовых актов стратегического планирования дает возможность оценить важность проблемы на страновом уровне: по-прежнему велика доля сельских населенных пунктов, в основном в северных районах страны, не обеспеченных круглогодичной транспортной связностью с сетью автомобильных дорог, железнодорожными станциями или имеющих водное сообщение. Хотя на государственном уровне обсуждаются пути решения этой проблемы, на взгляд автора, предложенных мер недостаточно, так как конкретные примеры неустойчивой круглогодичной связи населенного пункта могут требовать дифференцированного подхода к улучшению транспортной доступности. Документы стратегического планирования могли бы играть более важную роль при условии выработки единого методического подхода и системы показателей транспортной доступности, которые в настоящее время отсутствуют. Важными

Для цитирования: Янков К.В. Проблема транспортной доступности населенных пунктов в федеральных документах стратегического планирования // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 118–130. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.7

For citation: Yankov K.V. Transport accessibility issue of settlements in federal strategic planning documents. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25., no. 6, pp. 118–130. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.7

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 20-011-00791).

элементами единого методического подхода представляются уточнение критерия доступности по времени и дифференциация доступности для людей и для доставки грузов. Кроме того, важно уточнить категорию «населенный пункт». Сформулировано предложение по отражению проблемы в федеральных документах стратегического планирования. В стране не должно остаться ни одного населенного пункта, в котором не имеется доступа по автодороге с твердым покрытием, ни самолетом, ни водным транспортом, с приоритетом обеспечения доступа по автодороге.

Транспортная доступность, круглогодичная связь, населенный пункт, население, территория, перевозка пассажиров, транспортная сеть, стратегическое планирование.

Транспортная доступность – важная экономико-географическая характеристика территорий и населенных пунктов, влияющая как на экономическое и социальное развитие, так и на качество жизни. По данным Е.В. Мельченко, около 10% населения России (14 млн чел.) отрезаны от круглогодичных транспортных коммуникаций [1]. Затрагивается эта проблема и руководством страны: так, Президент РФ В.В. Путин в ходе заседания Государственного совета 10 сентября 2018 года заявил, что «крайне важная и насущная для жителей Дальнего Востока задача – повышение транспортной доступности»². Упоминание только Дальнего Востока определялось повесткой дня этого заседания, однако проблема остро стоит и во всей Арктической зоне, а локально встречается практически во всех федеральных округах.

Понятие «транспортная доступность» не имеет общепринятого толкования в научной литературе. Как отмечает А.В. Симанов, «в настоящее время существуют определенные проблемы, которые связаны с терминологией определения транспортной доступности с экономической и социологической точек зрения. На сегодняшний день отсутствует единая позиция в определении термина «транспортная доступность», также не существует общей методологии оценки транспортной доступности» [2].

В работе М.В. Иванова наиболее полно исследованы разные значения термина, сформулировано авторское определение «транспортной доступности как экономической категории, характеризующей степень удовлетворения потребностей в грузовых

и пассажирских перевозках и включающей: стоимостную составляющую (тарифы на перевозки и уровень доходов населения), срочность, пространственное размещение объектов производственной и социальной инфраструктуры, технический уровень транспортных средств и коммуникаций, безопасность, комфортабельность, надежность и экологичность» [3].

Термин «транспортная доступность» часто используется в работах по градостроительству и транспортным комплексам городов (например, [4–6]), реже – в исследованиях, посвященных транспортным комплексам регионов [7].

Существует обширный круг литературы, затрагивающий математические методы определения транспортной доступности, при этом она понимается обычно как одно из свойств транспортной инфраструктуры на какой-либо территории. Например, в работе П.А. Лавриненко и соавторов транспортная доступность определяется «как возможность достижения какой-либо территории (в данном случае регионов Российской Федерации) с использованием транспортной инфраструктуры всех видов», а «транспортная доступность регионов определяется как доступность центров субъектов Российской Федерации» [8].

Более узкое значение имеет понятие «транспортная доступность населенных пунктов», которой также посвящен ряд исследований. Е.Б. Беднякова определяет транспортную доступность как «системный индикатор пространственных возможностей общества, реализуемый с помощью транспортной инфраструктуры, который оценивает конку-

² Заседание президиума Госсовета, 10 сентября 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58506>

рентоспособность различных местоположений» [9]. Она же приводит данные о том, что «на территории, не имеющей выхода на сеть автомобильных дорог общего пользования, проживает 1960 тыс. чел., около 40 тыс. населенных пунктов, или 26% их общего количества не обеспечены круглогодичной связью с дорожной сетью общего пользования». Комплексный подход к исследованию транспортной доступности населенных пунктов на примере Уругвая и Боливии представлен в работе В.О. Дубовика [10].

Интересен подход Э.С. Куратовой, которая, анализируя данные по Республике Коми, предлагает «показатель доступности как экономически целесообразные затраты времени на преодоление пространства» [11]. Спорным в предложенном подходе представляется то, что, следуя административно-территориальному делению, она анализирует «показатели расстояния населенных пунктов до центров поселений, а их, в свою очередь, до центров муниципальных районов»; в то же время многие населенные пункты в стране, не имея непосредственного доступа к административным или муниципальным центрам, доступны с других территорий. Например, поселок Христофорово Кировской области доступен, в т. ч. от административного центра – города Луза, только через поселок Сусоловка Вологодской области. В свою очередь, доступ из Сусоловки в районный центр (г. Великий Устюг) возможен через реку Северная Двина с использованием паромной переправы, функционирующей сезонно, а круглогодичная наземная связь с областным центром Вологда – либо по железной дороге через Архангельскую область, либо по автодорогам через Кировскую область.

Иногда транспортную доступность населенных пунктов рассматривают с точки зрения обеспеченности общественным транспортом, в основном автобусным [12]. Однако на уровне федеральных документов стратегического планирования следует оценивать транспортную доступность с точки зрения

обеспеченности объектами транспортной инфраструктуры (автомобильными и железными дорогами, аэропортами и посадочными площадками, водными путями и причальными сооружениями и пр.), имея в виду, что их наличие – базовое условие наличия общественного транспорта. Организация движения (маршрутов, рейсов) общественного транспорта, в отличие от обеспечения транспортной инфраструктурой, не отнесется, на наш взгляд, к задачам стратегического планирования.

Отдельные авторы используют понятие «транспортная дискриминация населения» и предлагают методические подходы к ее измерению [13]. Однако представляется, что транспортная доступность населенных пунктов – более комплексное понятие, чем транспортная дискриминация населения. В посвященной ей работах, например в статье С.В. Егошина и А.В. Смирнова [14] речь идет о времени доставки людей, преимущественно воздушным транспортом. Однако жизнеобеспечение населенных пунктов не ограничивается только доставкой людей – необходимо доставлять транспортом товары, продукцию, обеспечивая как экономическую деятельность населения, так и его потребление.

Сложно оспаривать, что, как отмечает В.О. Юстратова, «существует прямая зависимость между транспортной доступностью, уровнем транспортной инфраструктуры и качеством жизни сельского населения» [15].

Помимо научной литературы, транспортная доступность населенных пунктов фигурирует и в нормативно-правовом акте – Методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства России⁵ (далее – Методика). В Методике применен коэффициент транспортной доступности субъекта Российской Федерации, при расчете которого учитывается «доля сельских населенных пунктов в субъекте Российской Федерации, не имеющих связи

⁵ О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2004 г. № 670 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/187556>

по дорогам с твердым покрытием и не обеспеченных связью с ближайшей железнодорожной станцией, морским или речным портом, аэропортом».

Низкий уровень транспортной доступности всегда признавался в России серьезной проблемой, однако долгое время (особенно в 60–80-х гг. XX века) приоритетным способом ее решения фактически считалась трансформация системы расселения с укрупнением населенных пунктов и ликвидацией тех из них, которые признаны «неперспективными». Отмечалось, что «находящиеся вдали от крупных городских центров и удобных транспортных путей поселения быстрее теряют свое население, чем пригородные» [16]. В наше время, когда стремление государства сселить «неперспективные деревни» в центральные усадьбы ушло в прошлое, количество населенных пунктов с низкой транспортной доступностью снижается в первую очередь благодаря не строительству коммуникаций, а оттоку населения с фактической, а затем и формальной ликвидацией таких населенных пунктов. Так, с 2002 по 2010 год, по данным переписей населения, количество сельских населенных пунктов в стране сократилось с 155289 до 153124⁴.

Важность стратегического планирования в решении проблем транспортной доступности подчеркивается многими авторами, например А.Н. Киселенко и Е.Ю. Сундуковым: «Необходимо, используя процесс стратегического планирования, построить транспортную сеть, обеспечивающую желаемую транспортную доступность территорий» [17].

В действующих федеральных документах стратегического планирования проблеме транспортной доступности уделено определенное внимание. Хотя проблема не упомянута в Стратегии пространственного развития, она нашла отражение в действующей Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008

года № 1734-р⁵. В разделе Стратегии, посвященном оценке состояния и комплексным проблемам развития транспортного комплекса Российской Федерации, констатируется: «Из-за отсутствия дорог с твердым покрытием более 10% населения (15 млн чел.) в весенний и осенний периоды остаются отрезанными от транспортных коммуникаций. Не имеют связи с сетью автомобильных дорог по дорогам с твердым покрытием 46,6 тыс. населенных пунктов, или 31% общего числа населенных пунктов. Население каждого из 260 таких населенных пунктов составляет более 1000 чел. Не завершено формирование опорной сети дорог в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока». «Не в полном объеме удовлетворяется платежеспособный спрос населения на перевозки. Не полностью обеспечиваются перевозки пассажиров на социально значимых маршрутах, в т. ч. из-за ценовой недоступности (в первую очередь в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока)».

В рамках достижения цели 3 «Обеспечение доступности и качества транспортных услуг для населения в соответствии с социальными стандартами» предусматривается:

- развитие в сельской местности автомобильных дорог с твердым покрытием, обеспечивающих населенные пункты постоянной круглогодичной связью с сетью автомобильных дорог общего пользования;

- прирост количества перспективных сельских населенных пунктов, обеспеченных постоянной круглогодичной связью с сетью автомобильных дорог общего пользования по дорогам с твердым покрытием (при этом в Приложении 3 приведены значения количественного роста таких населенных пунктов);

- обеспечение перевозок пассажиров внутренним водным транспортом в труднодоступных северных и восточных регионах, где он является безальтернативным и жизнеобеспечивающим.

⁴ Всероссийская перепись населения – 2002, 2010. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

⁵ О Транспортной стратегии РФ на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/194460>

Ежегодные доклады о реализации Транспортной стратегии, публикуемые Министерством транспорта России, содержат данные о фактическом приросте количества перспективных сельских населенных пунктов, обеспеченных постоянной круглогодичной связью с сетью автомобильных дорог общего пользования по дорогам с твердым покрытием. Согласно Докладу о реализации Транспортной стратегии за 2020 год при предусмотренном росте их количества с 2011 года (нарастающим итогом) на 2746 фактический рост оказался на 5,66% меньше⁶. Таким образом, за 10 лет количество сельских населенных пунктов, получивших постоянную круглогодичную связь с сетью автомобильных дорог общего пользования по дорогам с твердым покрытием, составило 2590 – всего 5,6% от 46,6 тыс. таких населенных пунктов.

В подготовленном летом 2021 года проекте Транспортной стратегии до 2035 года⁷, в отличие от действующей Стратегии, из раздела, посвященного оценке текущего состояния транспортной отрасли, исчезло упоминание о населенных пунктах, лишенных дорог с твердым покрытием. Лишь в разделе «Прогноз развития в сфере дорожного хозяйства» можно прочесть о «формировании круглогодичных автодорожных связей с удаленными регионами Арктической зоны Российской Федерации, Сибири и Дальнего Востока, в т. ч. для пионерного освоения территорий и ресурсов». Таким образом, акцент перенесен с населения и населенных пунктов на освоение территорий и ресурсов.

При этом тема транспортной доступности затронута в других разделах проекта Стратегии. Так, в разделе, посвященном воздушному транспорту, указано: «Критерии транспортной доступности должны формироваться с учетом исключения конкуренции

субсидирования различных видов транспорта дифференцированно по регионам на основе исследования населенных пунктов с численностью постоянного населения выше порогового значения (порог устанавливается регионом с учетом его специфики) в целях выявления наличия всевозможной доступности наземным транспортом до ближайшего действующего аэропорта в течение времени, не превышающего порогового значения ... в населенных пунктах, не обеспеченных необходимым уровнем транспортной доступности, планируется развитие местных дорог или строительство посадочных площадок (местных аэропортов)». В разделе о водном транспорте говорится о «создании линейки перспективных судов ... для отдаленных регионов, не обеспеченных перспективными видами транспорта».

В разделе «Целевые показатели реализации ...» проекта Транспортной стратегии никаких показателей, связанных с транспортной доступностью населенных пунктов, в отличие от действующей Стратегии, нет.

Определенное внимание рассматриваемой проблеме уделено в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года⁸, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 года № 2094-р (далее – Стратегия ДВиБР). Отмечено, что «около 1400 населенных пунктов не имеют круглогодичной связи с опорной сетью автодорог». Говорится о «развитии автодорожной сети регионального и местного значения, что обеспечит рост транспортной доступности и повышение качества жизни в сельских населенных пунктах и малых городах».

В отношении отдельных территорий Дальнего Востока в документе поставлены свои задачи: так, в Республике Саха (Якутия)

⁶ Доклад о реализации Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года. Отчетный период: 2020 год. М., 2021. URL: <https://mintrans.gov.ru/search?value=доклад+о+реализации+транспортной+стратегии+российской+федерации>

⁷ Проект Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. URL: <http://government.ru/news/39277>

⁸ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902195483>

«в период до 2025 года будут решены основные проблемы сокращения сезонности транспортной доступности территории»; «до 2025 года будут решены такие проблемы, как ликвидация сезонности в транспортной доступности территории Амурской области»; в Магаданской области «получат развитие местные воздушные линии и обслуживающие их местные аэропорты (посадочные площадки), обеспечивающие при государственной поддержке повышение уровня транспортной доступности удаленных районов области». Отмечено, что «в настоящее время 30 населенных пунктов Чукотского автономного округа не имеют круглогодичной связи с сетью автомобильных дорог регионального значения (дороги с твердым покрытием)», однако актуальными признаны мероприятия, направленные не на снижение их количества, а на «повышение внутренней связанности наземной транспортной сети».

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁹, утвержденной Указом Президента от 26 октября 2020 года № 645, о проблеме транспортной доступности прямо не говорится. Однако сказано о «низком уровне развития транспортной инфраструктуры, в т. ч. предназначенной для функционирования малой авиации и осуществления круглогодичных авиаперевозок по доступным ценам, высокая стоимость создания объектов такой инфраструктуры». В качестве мер, которые (хотя этого и не сказано) могут повлиять на улучшение транспортной доступности, предлагается «совершенствование механизмов субсидирования магистральных, межрегиональных и местных (внутрирегиональных) авиаперевозок», «строительство и реконструкция автомобильных дорог местного значения, в т. ч. в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях».

Таким образом, в разных стратегических документах транспортная доступность понимается по-разному. Даже в рамках од-

ного документа – Стратегии ДВиБР – для Республики Саха (Якутии) и Амурской области проблеме предложено решать с помощью строительства автодорог, а для Магаданской области – развития воздушного сообщения.

Это иллюстрирует степень расхождения значений термина, который в стратегических документах может означать: (1) физическую доступность для автомобильного транспорта (Транспортная стратегия, Стратегия ДВиБР для Республики Саха и Амурской области) либо (2) доступность для населения, использующего воздушный транспорт (Стратегия ДВиБР для Магаданской области).

При этом оба значения не совпадают с используемым в упомянутой выше Методике, но значение (2), благодаря учету воздушного транспорта, ближе к нему.

Рассмотрим подробнее критерий транспортной доступности с точки зрения действующей Транспортной стратегии – наличие связи с сетью автомобильных дорог по дорогам с твердым покрытием. Представляется, что именно этот критерий, а не критерий доступности воздушным транспортом, должен быть основным в федеральных документах стратегического планирования. Как отмечают А.С. Неретин и соавторы, «наличие автодороги с возможностью круглогодичного использования резко повышает транспортную доступность территории и способствует переходу пассажиров с воздушного на более доступные (с точки зрения затрат на поездку) виды транспорта: личный автомобильный, автобусный и рейсы частных перевозчиков» [18].

Следует отметить, что дихотомический подход (либо связь с сетью автомобильных дорог есть, либо ее нет) сильно упрощает ситуацию [19]. Автомобильные дороги могут иметь разрывы в виде водных преград без стационарных мостовых переходов, преодолеваемых с помощью паромного сообщения либо наплавных (понтонных) мостов. В период ледохода и ледостава такие переправы чаще всего не функционируют как автомобильные, но перевоз пассажиров при этом

⁹ Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/64274>

может обеспечиваться с использованием судов малого класса на воздушной подушке. В зимний период переправы для автомобилей могут функционировать по-разному: может устанавливаться понтонный мост либо организовываться ледовая переправа. В последнем случае разрыв сообщения в период ледостава может достигать значительных сроков: по воспоминаниям автора, 25 декабря 1997 года в Хабаровске ледовая переправа через реку Амур еще не открылась в связи с недостаточной толщиной льда (стационарный мост был построен позднее), при этом населенные пункты на разных берегах Амура имели устойчивую наземную связь по железной дороге.

Следовательно, вопрос наличия или отсутствия устойчивой круглогодичной наземной связи с каким-либо населенным пунктом каждый раз требует дифференцированного ответа. Во-первых, разная ситуация с доступностью складывается для автомобиля и для пешехода. Пешеход может пересечь водную преграду на судне малого класса, или пешком по ледовой переправе (ледовые переправы для пешеходов, в связи с менее жесткими требованиями к толщине льда, открываются обычно раньше автомобильных), или поездом. При этом поездом можно преодолеть не только водную преграду, но и иной разрыв в сети автомобильных дорог; так, например, для городов Воркута и Инта Республики Коми железная дорога является единственным видом наземного транспорта, при этом доступна и перевозка автомобилей в железнодорожных вагонах. Непонятно, относится фраза из действующей Транспортной стратегии о том, что «10% населения (15 млн чел.) в весенний и осенний периоды остаются отрезанными от транспортных коммуникаций»¹⁰, к автомобильной или пешеходной доступности; автору представляется, что все-таки к автомобильной, поскольку соответствующая статистика формируется из отчетности Росавтодора, не отвечающего ни за пешеходов, ни за железную дорогу. Однако

и автомобильная доступность может быть разной: так, возможны ограничения по массе и нагрузке на ось для автомобилей (это характерно для мостовых переходов облегченного типа), что может привести, например, к доступности только для легковых автомобилей. Во-вторых, необходимо уточнить критерий доступности по времени. Например, проблема связи города Самара и находящегося на другом берегу Волги села Рождественно осложняется тем, что в зимний период в результате попусков воды на плотине Жигулевской ГЭС на льду Волги регулярно образуются торосы, мешающие не только организации ледовой переправы, но и курсированию малых судов на воздушной подушке. Таким образом, устойчивая связь для пешеходов может обеспечиваться не все 365 дней в году, а, скажем, 352 или 357. Если задать критерий максимальным – доступность 365 дней в году 24 часа в сутки (далее – 365/24) – то ему не будут удовлетворять даже территории, связанные с «большой землей» стационарными разводными мостами. Например, город Архангельск связан с левым берегом Северной Двины, куда сходятся все «внешние» автодороги, двумя разводными мостами, которые регулярно разводятся, следовательно, город не является доступным в режиме 365/24. До недавнего времени (открытия Западного скоростного диаметра) таким же недоступным в режиме 365/24 был и Васильевский остров в Санкт-Петербурге. В свете изложенного представляется, что понятие «транспортной доступности населенных пунктов» может иметь разное содержание. Если вести речь о доступности только с использованием наземного (в т. ч. водного) транспорта, то прежде всего она зависит от способов наземного передвижения. Транспортная доступность для автомобиля и транспортная доступность для человека, меняющего виды транспорта (автомобиль, поезд, водное транспортное средство), – далеко не одно и то же. Если разнообразить способы передвижения человека (пеший

¹⁰ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009>

переход; велосипед; верховая езда, актуальная для горных аулов Северного Кавказа), то видов транспортной доступности становится еще больше. Кроме того, она зависит от заданных временных режимов: режим 365/24 либо режим с допущением перерывов. Режимы с допущением перерывов могут кардинально различаться: от перерыва в несколько часов на период развода моста до перерыва на межнавигационный период, длительность которого зависит от погодно-климатических условий. Совсем по-иному определяется транспортная доступность с использованием воздушного транспорта. Во-первых, использование вертолетов делает доступным, наверное, почти любой населенный пункт (хотя теоретически можно представить себе такой, в котором рельеф не позволяет выбрать место для посадки вертолета). Во-вторых, воздушный транспорт (а особенно его вертолетный сегмент) требует значительно больших удельных затрат при эксплуатации, чем наземный. Представляется, что доступность воздушным транспортом в первую очередь необходимо оценивать не физическими, а экономическими характеристиками. Другим важным элементом понятия «транспортная доступность населенных пунктов» выступает определение объекта доступности. В действующей Транспортной стратегии таким объектом является либо человек (где речь идет о численности населения, отрезанного от транспортных коммуникаций), либо населенный пункт. При определении человека в качестве объекта транспортной доступности не все однозначно. В самом узком смысле объектом можно считать только место регистрации по месту жительства, но возможно и более широкое понимание: добавляются места временного пребывания и т. д. В целях практического применения более целесообразно рассматривать транспортную доступность применительно к населенным

пунктам. Термин «населенный пункт» не имеет однозначного определения в федеральном законодательстве. Как отмечают А.Н. Киселенко и И.В. Фомина, «при всем многообразии толкований понятия населенного пункта (поселения), включая закрепленные законодательно, все определения сходятся в следующем: населенный пункт рассматривается как постоянное и/или сезонное место проживания на его территории населения» [20]. Представляется удачным определение из законодательства Архангельской области: «населенный пункт – часть территории ... области, имеющая сосредоточенную застройку в пределах установленной границы и служащая местом постоянного или преимущественного проживания людей»¹¹. Важно подчеркнуть отличие населенного пункта от поселения: так, сельское поселение – это «один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов)»¹². Представляется, что для определения транспортной доступности следует учитывать населенные пункты, указанные в Общероссийском классификаторе объектов административно-территориального деления (ОКАТО)¹³. Трудности возникают, если населенный пункт состоит из частей с принципиально разной транспортной доступностью. Так, территория населенного пункта «город Архангельск» состоит из основной части на правом берегу Северной Двины и ряда островов. Некоторые из этих островов имеют значительное постоянное население, но мостов на них нет: Хабарка, Бревенник, Кегостров. Не имеет мостовой связи через Лену город Киренск Иркутской области, расположенный на обоих ее берегах. Такие транспортно-обособленные части населенных пунктов при изучении транспортной доступности должны выделяться из состава населенного пункта. Точное определение

¹¹ Об административно-территориальном устройстве Архангельской области: Закон Архангельской области от 23 сентября 2009 г. № 65-5-ОЗ. Ст.17. URL: <https://docs.cntd.ru/document/962023750>

¹² Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. П. 3.41. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209>

¹³ Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления (ОКАТО). URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-okato>

различных вариантов транспортной доступности поможет и выработке оптимальных мер по ее улучшению. В самом деле, иногда выбор нужно делать между строительством автодороги, строительством аэродрома или закупкой малых судов на воздушной подушке для обеспечения круглогодичной навигации. Типологизация таких ситуаций, критерии выбора возможных решений на основе экономического анализа должны быть в арсенале управления развитием транспортного комплекса во всех субъектах Федерации, где есть населенные пункты с недостаточной транспортной доступностью. Представляется, что на горизонте стратегического планирования в стране не должно остаться ни одного населенного пункта, недоступного ни для автомобиля, ни для самолета, ни для водного транспортного средства. При этом приоритетом должен пользоваться доступ по автодорогам с твердым покрытием.

Заключение

Задача повышения транспортной доступности населенных пунктов в настоящее время отражена в федеральных документах стратегического планирования фрагментарно и бессистемно. Транспортная доступность населенных пунктов, как и способы ее повышения, понимаются в разных документах по-разному. Попытка применения измеримого показателя транспортной доступности сводится только к доступности через связь с

сетью автомобильных дорог общего пользования по автодорогам с твердым покрытием, хотя обеспечить такой связью все населенные пункты страны нереально. Необходимо на основе единого методического подхода закрепить в нормативных документах определения разных видов транспортной доступности: 1) через связь с сетью автомобильных дорог общего пользования по автодорогам с твердым покрытием; 2) с помощью воздушного транспорта; 3) с помощью водного транспорта; разработать систему показателей транспортной доступности для единого образного внедрения в профильные документы стратегического планирования федерального уровня (Транспортная стратегия, стратегии развития отдельных видов транспорта, стратегии развития макрорегионов), а затем и документы стратегического планирования регионов, в которых проблема актуальна (регионов с ограничениями по транспортной доступности). В документах стратегического планирования решение проблемы (особенно в отношении отдаленных и труднодоступных районов страны) видится в сочетании мероприятий по улучшению транспортной доступности всех трех видов. Снижение до нуля количества транспортно недоступных населенных пунктов с приоритетным ростом доступных по автодорогам с твердым покрытием – реальная задача, которая должна найти отражение в федеральных документах стратегического планирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельченко В.Е. Аспекты конвергенции знаний, технологий и общества в проблеме транспортной дискриминации населения России // Новая парадигма науки и образования: на пути к конвергенции знаний, технологий, общества: сб. науч. тр. по мат-лам I Междунар. науч.-практ. конф., 30 сентября 2017 г. / Международный научно-информационный центр «Наукосфера». Смоленск: Новаленсо, 2017. С. 96–104.
2. Симанов А.В. Категория «транспортная доступность» и оценка эффективности транспортной инфраструктуры регионов // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): мат-лы Нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Рязань, 2018. С. 533–538.
3. Иванов М.В. Повышение уровня транспортной доступности как фактор социально-экономического развития территорий / Науч. тр. Вольного экон. общества России по мат-лам XVI Всерос. конкурса науч. работ молодежи «Экономический рост России». М., 2013. Т. 172. С. 460–469.

4. Виды транспортной доступности / В.В. Гребенников [и др.] // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2012. № 1 (2). С. 56–61.
5. Исаева Е.И., Аренина А.А. Повышение уровня транспортной доступности и качества транспортных услуг // Техническое регулирование в транспортном строительстве. 2020. № 3 (42). С. 194–199.
6. Сидоров В.П., Ситников П.Ю. Транспортная доступность как показатель рациональной организации работы городского пассажирского транспорта // Вестн. Удм. ун-та. Сер.: Биология. Науки о Земле. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 547–553.
7. Есикова Т.Н., Чепилов Д.А., Чураков А.С. Оценка транспортной доступности территорий: влияние формирования новых транспортных коридоров // Управление развитием крупномасштабных систем: мат-лы Третьей междунар. конф. (секции 4–6) / Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. М., 2009. С. 62–64.
8. Транспортная доступность как индикатор развития региона / П.А. Лавриненко [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 136–146.
9. Беднякова Е.Б. Повышение уровня транспортной доступности населенных пунктов в Российской Федерации // Вестн. университета. 2011. № 26. С. 249–256.
10. Дубовик В.О. Оценка транспортной доступности городов Уругвая и Боливии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2014. № 3. С. 57–63.
11. Куратова Э.С. Методология оценки транспортной доступности территории по фактору времени для межбюджетного регулирования и распределения средств фонда финансовой поддержки муниципальных образований // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 2 (53). С. 96–104.
12. Юстратова В.О. Оценка современного состояния транспортной доступности сельских населенных пунктов Калининградской области // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: мат-лы IV науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 134–140.
13. Есикова Т.Н., Кожаккина А.В. Оценка транспортной дискриминации населения регионов Азиатской России: разработка методического подхода и инструментария // Управление развитием крупномасштабных систем: мат-лы Восьмой междунар. конф.: в 2 т. / Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова; под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. М., 2015. С. 46–59.
14. Егوشин С.В., Смирнов А.В. Авиатранспортная доступность и транспортная дискриминация населения в субъектах Российской Федерации // Научн. вестн. Моск. гос. техн. ун-та гражданской авиации. 2018. Т. 21. № 3. С. 78–90.
15. Юстратова В.О. Связь транспортной доступности и качества жизни в сельских населенных пунктах Калининградской области // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 41–48.
16. Мазун Л.Н. Политика ликвидации неперспективных деревень в 1960-1970-е гг.: истоки, этапы, реализация, результаты (на материалах Урала) // Россия в XX веке: история и историография: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 92–122.
17. Киселенко А.Н., Сундуков Е.Ю. Исследование транспортной доступности территории Европейского и Приуралья Севера России на основе применения программно-целевого подхода и стратегического планирования // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 1. С. 34–49.
18. Транспортная связность и освоенность восточных регионов России / А.С. Неретин [и др.] // Изв. РАН. Сер. географическая. 2019. № 6. С. 35–52.
19. Бадина С.В., Панкратов А.А., Янков К.В. Проблемы транспортной доступности изолированных населенных пунктов Европейского сектора Арктической зоны России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. № 1. С. 305–318.

20. Киселенко А.Н., Фомина И.В. Опорная транспортная сеть в доступности населенных пунктов // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2020: сб. ст. Седьмой Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием): в 2-х ч. Сыктывкар, 2020. С. 73–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Вадимович Янков – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: kirill_yankov@mail.ru

Yankov K.V.

TRANSPORT ACCESSIBILITY ISSUE OF SETTLEMENTS IN FEDERAL STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS

The article discusses various approaches to the definition and understanding of transport accessibility in general and transport accessibility of settlements in particular, existing in the scientific literature. For the first time, we have analyzed how the issue of insufficient transport accessibility of settlements is presented in federal strategic planning documents. The paper presents the author's views on this economic and geographical category, and proposes approaches to creating a system of indicators, which could reflect transport accessibility level using various transport modes. The analysis of normative legal acts of strategic planning makes it possible to assess the importance of the issue at the country level: there is still a large proportion of rural settlements, mainly in the northern regions of the country, that are not provided with year-round transport connectivity with a network of highways, railway stations or have water connections. Although ways to solve this issue are being discussed at the state level, in our opinion, the proposed measures are insufficient, since specific examples of unstable year-round communication of a settlement may require a differentiated approach to improving transport accessibility. Strategic planning documents could play a more important role if a unified methodological approach and a system of transport accessibility indicators are developed, which are currently missing. Clarification of the criterion of accessibility by time and differentiation of accessibility for people and for cargo delivery are important elements of a unified methodological approach. In addition, it is important to clarify the category of "settlement". We have formulated a proposal to reflect the problem in federal strategic planning documents. There should not be a single settlement in the country in which there is no access by paved road, either by plane or by water transport, with priority of providing access by road.

Transport accessibility, year-round communication, settlement, population, territory, transportation of passengers, transport network, strategic planning.

REFERENCES

1. Mel'chenko V.E. Aspects of convergence of knowledge, technology and society in the problem of transport discrimination of the Russian population. In: *Novaya paradigma nauki i obrazovaniya: na puti k konvergentsii znaniy, tekhnologii, obshchestva: sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 30 sentyabrya 2017 g.* [A New Paradigm of Science and Education: Toward the Convergence of Knowledge, Technology, Society: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the I International Scientific and Practical Conference, September 30, 2017]. Smolensk: Novalenso, 2017. Pp. 96–104 (in Russian).

2. Simanov A.V. Category “transport accessibility” and assessment of the effectiveness of the transport infrastructure of the regions. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v zerkale sotsiologicheskikh izmerenii (VIII Ryazanskie sotsiologicheskie chteniya): materialy Natsional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunar. uchastiem* [Society and the State in the Mirror of Sociological Dimensions (VIII Ryazan Sociological Readings): Materials of the National Scientific and Practical Conference with I International Participation]. Ryazan, 2018. Pp. 533–538 (in Russian).
3. Ivanov M.V. Increasing the level of transport accessibility as a factor of socio-economic development of territories. In: *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii po materialam XVI Vserossiiskogo konkursa nauchnykh rabot molodezhi “Ekonomicheskii rost Rossii”* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia Based on the Materials of the XVI All-Russian Competition of Scientific Works of Youth “Economic Growth of Russia”]. Moscow, 2013. Vol. 172. Pp. 460–469 (in Russian).
4. Grebennikov V.V. et al. The types of transport availability. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel’stvo. Nedvizhimost’=Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real Estate*, 2012, no. 1 (2), pp. 56–61 (in Russian).
5. Isaeva E.I., Arenina A.A. Improving transport accessibility and quality transport service. *Tekhnicheskoe regulirovanie v transportnom stroitel’stve=Technical Regulation in Transport Construction*, 2020, no. 3 (42), pp. 194–199 (in Russian).
6. Sidorov V.P., Sitnikov P.Yu. Transport accessibility as an indicator of regional organization of urban passenger transport. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Biologiya. Nauki o Zemle=Bulletin of Udmurt University. Series Biology. Earth Sciences*, 2017, vol. 27, issue 4, pp. 547–553 (in Russian).
7. Esikova T.N., Chepilov D.A., Churakov A.S. Assessment of transport accessibility of territories: The impact of the formation of new transport corridors. In: *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem: materialy Tret’ei mezhdunarodnoi konferentsii (seksii 4–6)* [Managing the Development of Large-Scale Systems: Proceedings of the Third International Conference (Sections 4–6)]. Moscow, 2009. Pp. 62–64 (in Russian).
8. Lavrinenko P.A. et al. Transport accessibility as an indicator of regional development. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 2019, no. 6, pp. 136–146 (in Russian).
9. Bednyakova E.B. Increasing the level of transport accessibility of settlements in the Russian Federation. *Vestnik universiteta=Bulletin of the University*, 2011, no. 26, pp. 249–256 (in Russian).
10. Dubovik V.O. Evaluation of transport accessibility of Uruguayan and Bolivian towns. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2014, no. 3, pp. 57–63 (in Russian).
11. Kuratova E.S. Methodology of evaluation of transport accessibility of territories by the time factor for inter-budget regulation and distribution of resources of the municipalities financial support fund. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka=The North and Market: The Formation of Economic Order*, 2017, no. 2 (53), pp. 96–104 (in Russian).
12. Yustratova V.O. Assessment of the current state of transport accessibility of rural settlements of the Kaliningrad Oblast. In: *Baltiiskii region – region sotrudnichestva. Regiony v usloviyakh global’nykh izmenenii: materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Baltic Region is a Region of Cooperation. Regions in the Context of Global Changes: Materials of the IV Scientific and Practical Conference]. Kaliningrad, 2020. Pp. 134–140 (in Russian).
13. Esikova T.N., Kozhakina A.V. Assessment of transport discrimination of the population of the regions of Asian Russia: Development of a methodological approach and tools. In: Vasil’eva S.N., Tsvirkuna A.D. (Eds.). *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem: materialy Vos’moi mezhdunarodnoi konferentsii: v 2 tomakh* [Managing the Development of Large-Scale Systems: Proceedings of the Eighth International Conference: In 2 Volumes]. Moscow, 2015. Pp. 46–59 (in Russian).

14. Egoshin S.V., Smirnov A.V. Air transport accessibility and transport discrimination of population in constituents of the Russian Federation. *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii=Civil Aviation High Technologies*, 2018, vol. 21, no. 3, pp. 78–90 (in Russian).
15. Yustratova V.O. The relationship between transport accessibility and quality of life in rural areas of the Kaliningrad region. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki=IKBFU's Vestnik. The Humanities and Social Science*, 2021, no. 1, pp. 41–48 (in Russian).
16. Mazun L.N. The policy of liquidation of unpromising villages in the 1960s and 1970s: Origins, stages, implementation, results (based on the materials of the Urals). In: *Rossiya v XX veke: istoriya i istoriografiya: sbornik nauchnykh statei* [Russia in the XX Century: History and Historiography: Collection of Scientific Articles]. Yekaterburg: Izd. Ural'skogo universiteta, 2002. Pp. 92–122 (in Russian).
17. Kiselenko A.N., Sundukov E.Yu. Exploring the access to transportation *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economy: Theory and Practice*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 34–49 (in Russian).
18. Neretin A.S. et al. Transport connection and development of the Eastern regions of Russia. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya=RAS News. Geographical Series*, 2019, no. 6, pp. 35–52 (in Russian).
19. Badina S.V., Pankratov A.A., Yankov K.V. Transport accessibility problems of the isolated settlements in Russian European Arctic zone. *InterKarto. InterGIS=InterCarto. InterGis*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 305–318 (in Russian).
20. Kiselenko A.N., Fomina I.V. Supporting transport network in the accessibility of settlements. In: *Aktual'nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa – 2020: sbornik statei Sed'moi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem): v 2-kh chastyakh* [Actual Problems, Directions and Mechanisms of Development of Productive Forces of the North – 2020: Collection of Articles of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation): In 2 Parts]. Syktyvkar, 2020. Pp. 73–78 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill V. Yankov – Candidate of Sciences (Economics), Head of Laboratory, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: kirill_yankov@mail.ru

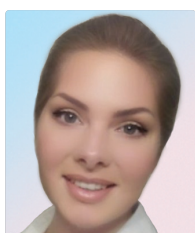
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.8

УДК 314.3 | ББК 60.7

© Секицки-Павленко О.О., Неклюдова Н.П.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

ОЛЬГА ОЛЕГОВНА СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

г. Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: pavlenko_ola@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1370-8724; ResearcherID: AAY-2037-2021

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА НЕКЛЮДОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

г. Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: nnp81@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5026-1394; ResearcherID: E-5849-2014

В статье представлен анализ трансформации половозрастной структуры населения Свердловской области в целом и в разрезе муниципальных образований за период 2012–2020 гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления изменений в половозрастной структуре с позиции усиления процесса старения населения и его социально-экономических последствий для региона. Научная проблема заключается в недостаточной изученности элементов трансформации половозрастной структуры населения в разрезе муниципальных образований, что препятствует эффективной реализации демографической политики на уровне региона. В статье поставлена цель разработать типологию муниципальных образований региона на основе динамики показателей, определяющих процесс трансформации половозрастной структуры населения, и установить скорость этой трансформации. В рабо-

Для цитирования: Секицки-Павленко О.О., Неклюдова Н.П. Изменение половозрастной структуры населения региона в муниципальных образованиях Свердловской области // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 131–148. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.8

For citation: Sekitski-Pavlenko O.O., Neklyudova N.P. Dynamics of gender and age structure of the region's population in the Sverdlovsk oblast municipalities. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 131–148. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.8

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг.

те были использованы следующие методы: логический, метод обобщения, системный подход, типологизация. В качестве инструментов исследования применялись статистическая группировка и расчет показателей, характеризующих изменения в половозрастной структуре населения. Для визуализации данных привлекались графические и табличные приемы. Результатом исследования является предложенная типология возрастной структуры населения муниципальных образований Свердловской области. Делается вывод об усилении процессов старения населения региона, о наличии значительных диспропорций в возрастной структуре, влиянии социально-экономических особенностей каждой территории на процесс старения населения. Научная значимость результатов исследования состоит в развитии методологического и методического инструментария, позволяющего оценить трансформацию половозрастной структуры населения региона в разрезе муниципальных образований. Практическая значимость заключается в разработке научной основы для реализации эффективных управленческих решений в целях сглаживания возрастных диспропорций в регионе и формирования оптимальной возрастной структуры населения как основы будущего социально-экономического развития региона. Перспективы развития темы исследования состоят в усовершенствовании предложенной методики и расширении полигонов для ее апробации.

Половозрастная структура населения, старение населения, регион, муниципальное образование, типология возрастной структуры.

Введение

Половозрастная структура населения выступает в качестве базового источника информации о демографических процессах в любом регионе. Учет изменений, происходящих в половозрастной структуре населения, позволяет своевременно планировать развитие региона: выявлять, объяснять и прогнозировать развитие социально-экономической сферы, разрабатывать и внедрять программы в области здравоохранения, социально-экономической и трудовой политики.

Изменения в демографическом развитии Свердловской области являются отражением общероссийских экономических, социальных и культурных трансформаций в прошлом и одновременно создают фундамент для будущего демографического развития. Сокращение численности населения Свердловской области, усиливающийся процесс старения, растущая экономическая нагрузка на трудоспособное население, изменения в репродуктивном поведении влекут за собой принципиально новый этап в общественном развитии региона.

В Свердловской области, как и в целом по стране, модель возрастной структуры представляет собой выраженный регрес-

сивный тип воспроизводства населения. Происходившее в течение многих лет снижение уровня естественного воспроизводства населения (особенно в 90-е годы XX века) в сочетании с увеличением численности и доли лиц старших возрастов породило ряд негативных последствий, основными из которых являются деформация возрастной структуры и последующее усиление процесса старения населения региона.

В условиях накопившихся демографических проблем особая роль в обеспечении оптимального воспроизводства населения, трудовых ресурсов и успешного функционирования всех секторов экономики принадлежит региональному уровню, то есть уровню субъекта РФ. Именно на уровне субъекта решаются вопросы, касающиеся юридического и финансово-экономического обеспечения действия программ, направленных на улучшение демографической обстановки. В связи с этим особую актуальность приобретает управление демографическим развитием на местном (муниципальном) уровне. Для каждого муниципального образования характерны свои специфические черты развития половозрастной структуры населения, но вместе с тем можно выделить общие закономерности, проблемы и способы их решения.

Теоретические вопросы исследования

На наш взгляд, на основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов по проблемам трансформации половозрастной структуры населения имеет смысл говорить о существовании нескольких направлений исследований.

Во-первых, в работах теоретического характера половозрастная структура населения региона рассматривается в качестве объекта исследования как один из основных элементов воспроизводства населения и демографического развития региона в целом. Второе направление исследований представляет собой статистическое описание отдельных возрастных групп и их соотношения безотносительно к компонентам, формирующим половозрастную структуру. Представители третьего направления сосредотачивают внимание на прогнозных оценках численности как всего населения, так и отдельных его категорий, например женщин фертильного возраста. В рамках четвертого направления исследуются динамика и характер формирования отдельных групп населения. Например, изучаются тренды развития трудовых ресурсов региона и, соответственно, население трудоспособного возраста. Пятое направление фокусируется на набирающей популярность теме старения населения. В нашей статье внимание сосредоточено на трансформации возрастной структуры именно с позиций усиливающегося процесса старения населения.

Изменениям возрастной структуры посвящено значительное число работ как российских, так и зарубежных ученых. Среди зарубежных авторов значительный вклад в изучение возрастной структуры населения внес шведский демограф Г. Сундберг, представивший в самом начале XX века классификацию типов возрастной структуры населения Швеции [1]. В 30-е годы XX века немецкий демограф Ф. Бургдерфер выделил три типа возрастной структуры и предложил их графическую интерпретацию в виде возрастных пирамид, которые используются и в настоящее время в качестве основных

моделей половозрастной структуры населения [2]. Весомую лепту в изучение возрастной структуры населения внес французский демограф, социолог и экономист А. Сови. Исследуя трансформацию возрастной структуры и процесс старения населения, Сови первым предложил расчет такого показателя, как коэффициент постарения [3]. Польский статистик и демограф Э. Россет обогатил демографическую науку пониманием, что основной причиной старения населения и, соответственно, трансформации возрастной структуры является долговременный спад рождаемости. Именно он усовершенствовал шкалу постарения, предложенную Ж. Боже-Гарнье, и представил одну из самых используемых в демографической науке восьмиуровневую шкалу старения [4]. Многочисленные исследования демографического перехода, старения населения и динамики возрастной структуры отражены в работах чешского демографа З. Павлика [5]. Польский геодемограф З. Длугож провел масштабные исследования изменений возрастной структуры населения в странах Западной и Восточной Европы в период 1989–2001 гг. В 2003 году в работе «Уровень и динамика процесса старения населения на примере демографической ситуации в Европе» [6] он предложил расчет ряда показателей и их графическую интерпретацию для оптимального понимания процессов трансформации возрастной структуры населения. В 2009 году З. Длугож совместно с С. Куреком опубликовал статью [7], в которой не только раскрывается механизм расчета индексов старения для отдельных возрастных групп, но и приводится прогноз развития этих показателей отдельно по каждой области Малопольского региона. Еще через два года вышла статья З. Длугожа [8], где рассматривалась динамика показателей старения населения в Европе в проекции уже до 2045 года. Опираясь на исследования З. Длугожа и С. Курека, словацкие ученые Й. Младек, М. Качерова и Я. Ондачкова в 2012 году опубликовали статью [9], в которой привели алгоритмы расчета различных демографических коэффициентов и индек-

сов, а также определили степень вклада процессов рождаемости, смертности, естественного прироста и миграции в изменение возрастной структуры населения Словакии. В 2012 году вышли статьи, в которых авторы сравнивают изменения в возрастной структуре населения Словакии и Чехии на основе показателей замещения поколений [10] и анализируют трансформации возрастной структуры [11].

Среди отечественных исследователей стоит выделить классика советской демографии Б.Ц. Урланиса. Он ввел в оборот понятие дорабочего, рабочего и пострабочего периодов с подградациями каждого на три группы [12]. Вопросы возрастной структуры населения подробно рассматриваются в трудах А.Я. Кваши [13–15] и Н.Б. Баркалова [16]. Отдельно стоит отметить, на наш взгляд, работу С.И. Пирожкова [17], в которой ученый, исследуя эволюцию возрастной структуры в контексте теории демографического перехода, особо подчеркивает доминирующее значение социально-экономических факторов и акцентирует внимание на видах и последствиях изменений возрастной структуры, а также предлагает типологию возрастных структур различных государств.

Значительный вклад в развитие идей о трансформации возрастной структуры населения внес один из самых видных советских и российских демографов А.Г. Вишневский [18–20]. Волнообразному изменению численности возрастных групп отдельных национальностей России посвящены работы М.Б. Денисенко, Н.В. Мкртчяна и О.А. Хараевой [21; 22].

Среди отечественных исследований последних лет наиболее масштабные работы по изучению трансформации половозрастной структуры населения и процесса старения принадлежат В.Н. Барсукову [23–26]. Г.Л. Сафарова рассматривает проблематику старения населения на уровне региональных различий в пределах Российской Федерации и особенности старения населения мегаполисов [27–29].

Роль экономических факторов в формировании половой структуры Костромской,

Владимирской, Ярославской и Ивановской областей подробно проанализирована в работе А.Б. Берендеевой [30]. Геодемографическая обстановка и эволюция возрастной структуры населения Уральского района в период с 1989 по 2013 год рассмотрены в работе Д.Н. Липухина [31]. Итогом его работы стало выявление дифференциации старения населения в разрезе административно-территориальных единиц Уральского экономического района.

Исходя из приведенных выше теоретико-методологических представлений об изменении половозрастной структуры населения отметим, что наибольшее значение для нашего исследования среди работ зарубежных ученых имеют труды З. Длугожа и С. Курека [6–8], среди отечественных – работы В.Н. Барсукова [23–26]. Их преимущество заключается как в комплексности и системности исследований, так и в выборе показателей, позволяющих оценить изменения половозрастной структуры именно на уровне региона.

В нашем исследовании представлен анализ трансформации половозрастной структуры населения муниципальных образований Свердловской области за период 2012–2020 гг.

Методы исследования

Эмпирическую базу работы составили данные Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Исследование проводилось как по Свердловской области в целом, так и по отдельным муниципальным образованиям. На территории Свердловской области насчитывается 94 муниципальных образования, среди которых 5 муниципальных районов (МР), 5 городских поселений (ГП), 68 городских округов (ГО) и 16 сельских поселений (СП). Мы рассматривали данные за период с 2012 по 2020 год по всем муниципальным образованиям Свердловской области за исключением закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), статистические данные по которым не публикуются в официальных изданиях и на сай-

те Федеральной службы государственной статистики.

Исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе происходил сбор и обработка статистических данных по Свердловской области в целом и ее муниципальным образованиям в частности. На втором этапе рассчитывались показатели половозрастной структуры населения.

Традиционно в ходе исследований половозрастной структуры населения какого-либо региона используются такие показатели, как соотношение полов, доля населения моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте, старше трудоспособного возраста в общей численности населения, коэффициенты демографической нагрузки, индекс старения, показатель интенсивности старения и другие.

Для оценки половозрастной структуры населения Свердловской области мы ограничились следующими индикаторами.

1. Соотношение полов.

2. Коэффициент диспропорциональности полов, рассчитанный по формуле:

$$\Delta d = |d_m - d_{ж}|, \quad (1)$$

где:

Δd – разница между удельным весом мужчин и женщин в популяции, рассчитанная по модулю. Степень диспропорциональности при этом определяется как слабая – менее 1%, средняя – 1–3% и сильная – более 3%.

3. Доля населения моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста. Эти показатели, хотя и являются достаточно общими, вместе с тем отражают уже накопленный в ходе демографических и социально-экономических изменений итог и позволяют оценить демографический потенциал развития.

4. Коэффициент демографической нагрузки населением старше трудоспособного возраста, рассчитанный по формуле:

$$K_{нагр} = \frac{P_{стар.труд.возраста}}{P_{в\ трудоспособ.возрасте}} * 100\% \quad (2)$$

5. Индекс старения населения. Данный показатель выражает соотношение населения старше трудоспособного возраста к населению моложе трудоспособного возраста. Население тем старше, чем индекс старения выше. Расчет данного показателя производится следующим образом:

$$I_{старен.} = \frac{P_{стар.труд.возраста}}{P_{моложе\ труд.возраста}} * 100\% \quad (3)$$

6. Коэффициент постарения (индекс Биллетера), впервые предложенный в 1954 году швейцарским демографом Э. Биллетером. В отечественной литературе этот показатель практически не используется для характеристики возрастной структуры популяции. Индекс Биллетера представляет собой отношение разницы между числом лиц моложе трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста к числу лиц, находящихся в трудоспособном возрасте. Отрицательные значения данного коэффициента свидетельствуют о проходящем в популяции процессе старения населения. Чем коэффициент постарения ниже, тем процесс старения интенсивней. Положительные значения показателя говорят об обратном. Рассчитывается коэффициент постарения по формуле:

$$I_{Биллетер.} = \frac{P_{моложе\ труд.возраста} - P_{старше\ труд.возраста}}{P_{в\ трудоспособном\ возрасте}} * 100\% \quad (4)$$

7. Линейный коэффициент структурных сдвигов, представляющий собой сумму приростов удельных весов, взятых по модульному значению, деленную на число структурных элементов:

$$\bar{\Delta}d_1 - d_0 = \frac{\sum_i^k |d_{1i} - d_{0i}|}{k} \quad (5)$$

Коэффициент структурных сдвигов позволяет оценить среднее изменение доли элемента по всем структурным частям совокупности за рассматриваемый временной интервал.

На следующем этапе в качестве инструментов исследования половозрастной структуры населения мы применяли методы шкалирования и балльной оценки.

Метод шкалирования заключается в использовании совокупности технологических приемов, позволяющих строить шкалы различного типа: свойства объекта выражаются в виде числового ряда, где каждое значение показателя попадает в определенный числовой интервал [34]. Для каждого из параметров мы использовали равноинтервальные шкалы (всего 12 шкал). Далее методом балльной оценки каждому из интервалов шкал был присвоен балл от 1 до 5. При этом наивысший балл соответствует наиболее старой возрастной структуре и сильным структурным сдвигам, наименьший – более молодой возрастной структуре и слабым структурным сдвигам. На следующем этапе исследования был произведен расчет итоговой суммы баллов по всем шкалам для каждого муниципального образования Свердловской области. Далее мы снова воспользовались итоговой интервальной шкалой, где каждый из интервалов соответствует набранной сумме баллов, что позволяет нам отнести муниципальное образование к определенному типу в зависимости от возрастной структуры населения.

Результаты исследования

Половозрастная структура населения Свердловской области в последние годы претерпевает значительные изменения. Недостаточный уровень рождаемости, а также рост уровня смертности, усиление миграционной компоненты, вызванной социально-экономическими диспропорциями, приводят к тому, что сдвиги в половозрастной структуре населения региона становятся все более заметными.

На фоне иных субъектов Российской Федерации Свердловская область характеризуется относительно благоприятной возрастной структурой населения. В 2020 году средний возраст населения области составил 39,75 года, что несколько ниже, чем в целом по России (40,02 года). Наиболее близка Свердловской области по данному показателю Челябинская область, где средний возраст составил 39,77 года. Самыми «молодыми» являются Чеченская Республика (28,68 года),

Республика Тыва (29,75) и Республика Ингушетия (31,55). Самый высокий средний возраст населения зафиксирован в Тамбовской (43,40 года), Тульской (43,31) и Рязанской (42,79) областях. Доля населения старше трудоспособного возраста составляет в Свердловской области 26,1%, что незначительно превышает общероссийский уровень (25,9%). Самый высокий удельный вес населения старше трудоспособного возраста – в Тамбовской (31,3%), Тульской (31,0%) и Рязанской (30,7%) областях. Самая низкая доля населения старше трудоспособного возраста – в Чеченской Республике (10,8%), Республике Тыва (11,6%), Ямало-Ненецком автономном округе (12,4%) и Республике Ингушетии (13,3%).

Особенности половой структуры населения обусловлены развитием трех демографических факторов:

- вторичным соотношением полов, т. е. биологическим законом, при котором на 100 девочек рождается в среднем 105–107 мальчиков;
- дифференциацией уровня смертности в различных возрастах;
- миграционной составляющей.

В Свердловской области в период с 2012 по 2020 год соотношение мужского и женского населения оставалось практически неизменным. Как в 2012, так и в 2020 году на 1 мужчину приходилось 1,2 женщины (рис. 1).

Соотношение полов 1:1 с небольшими колебаниями в пользу мужского населения, не превышающими 0,1, прослеживается во всех возрастных группах до группы 35–39 лет включительно. После прохождения границы 39 лет наблюдается преобладание женского населения. Так, в группах 40–44 года и 45–49 лет данный показатель составляет 1,1, 50–54 года – 1,2, в группе 55–59 лет на одного мужчину приходится 1,3 женщины. В возрастных группах старше 60 лет преобладание женского населения над мужским ярко выражено: 2,6 в возрасте 75–79 лет, 3,2 в возрасте 80–84 года. В группах населения старше 85 лет численность женщин в 4–5 раз превышает численность мужчин.

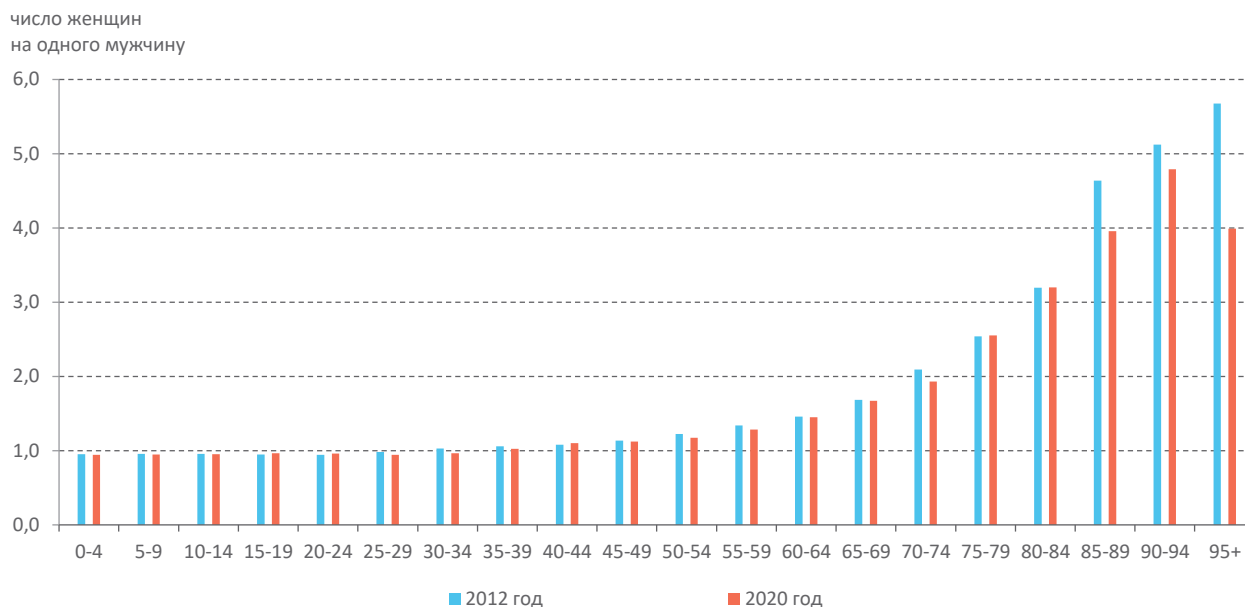

Рис. 1. Соотношение мужского и женского населения в Свердловской области в 2012 и 2020 гг.

Источник: Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения 10.09.2021).

В регионе в 2012 и в 2020 гг. доля мужского и женского населения практически не изменилась. Если в 2012 году мужчины составляли 45,8% от общей численности населения, а женщины – 54,2%, то в 2020 году удельный вес мужчин незначительно возрос до 45,9%, доля женщин, напротив, снизилась до 54,1%. Свердловская область в целом представляет собой регион с преобладанием женского населения.

В разрезе муниципальных образований области перевес мужского населения наблюдается в Унже-Павинском МО, Сосьвинском ГО, Камышловском МР, Калиновском СП, Ивдельском ГО, ГО Верхотурский, Гаринском ГО, Восточном СП.

В период 2012–2020 гг. самые значительные половые диспропорции (выше 10%) с преобладанием мужского населения отмечались в Унже-Павинском СП (коэффициент диспропорциональности составляет 27,4%), Сосьвинском ГО (12,4%), Камышловском МР (18,7%), Ивдельском ГО (14,8%), Калиновском СП (40,5%), Гаринском ГО (20,7%) и Восточном СП (42,35). Диспропорции с преобладанием женского населения выявлены в Нижнесергинском ГП (коэффициент диспропорциональности 10,3%), МО «г. Екатеринбург»

(10,1%), Кировградском ГО (10,2%), ГО Первоуральск (10,3%), ГО Красноуральск (11,55).

Среди муниципальных образований с соотношением полов, равным 1, и коэффициентом диспропорциональности, не превышающим 3%, выделяются Тавдинский ГО (коэффициент диспропорциональности составляет 2%), Таборинский МР (0,6%), Новолялинский ГО (0,3%), Кленовское СП (1,9%), Краснополянское СП (2,1%), Кузнецовское СП (1,8%).

Половозрастной состав населения всегда отражает предыдущее демографическое, социально-экономическое, историческое и культурное развитие. В Свердловской области, как и в целом по стране, структура населения претерпевает значительные изменения еще со второй половины XX века. В результате качественно-количественных трансформаций в репродуктивном и самосохранительном поведении населения, развития медицинских технологий и здравоохранения в значительной мере изменились процессы естественного движения населения, что привело к существенной трансформации половозрастной структуры. Этот процесс трансформации можно отследить

с помощью различных индикаторов, которые мы используем в своем исследовании, а также графических элементов. Наиболее наглядным из графических элементов является половозрастная пирамида (рис. 2).

На половозрастной пирамиде региона отчетливо выделяются так называемые демографические волны прошлых демографических событий. Падение рождаемости в 60-х гг. обусловило низкое число возрастных групп 50–54 и 55–59 лет. Причем численность мужского населения области в данных возрастных группах значительно меньше, чем женского, что связано со сверхсмертностью мужчин, не доживающих до старших возрастов. Также на пирамиде видны демографические волны конца 70-х и 80-х гг., что выразилось в повышении рождаемости. На пирамиде этот эффект представляют значительные по численности возрастные группы 30–34, 35–39 и 40–44 года. Резкое падение рождаемости в 90-е гг. в совокупности с низкой численностью матерей, рожденных в 60-е гг., обусловили «проседание» пирамиды в возрастных группах 20–24, 25–29 лет. Относительное увеличение численности населения в группах 5–9 и 10–14 лет вызвано,

с одной стороны, реализацией репродуктивного потенциала женщин, рожденных в 80-е гг., с другой стороны, определенную роль сыграла пронаталистская политика государства, начавшая реализовываться с 2007 года.

Кроме половозрастной пирамиды, которая наиболее наглядно отражает изменения в половозрастной структуре населения, оценить интенсивность этих изменений можно при помощи соотношения трех основных возрастных групп (население моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста) и ряда показателей (табл. 1).

В Свердловской области в 2012 году доля лиц моложе трудоспособного возраста составляла 16,4% от общей численности населения региона, через 8 лет удельный вес данной группы возрос на 3,3% и составил 19,7%. Такое увеличение связано в первую очередь с вхождением в репродуктивный возраст (условно с начала 2000-х гг.) большого по численности поколения женщин, рожденных в 80-е гг. XX века. Кроме того, демографическая политика страны и региона, направленная на увеличение рождаемости, способствовала рождению в семьях вторых и

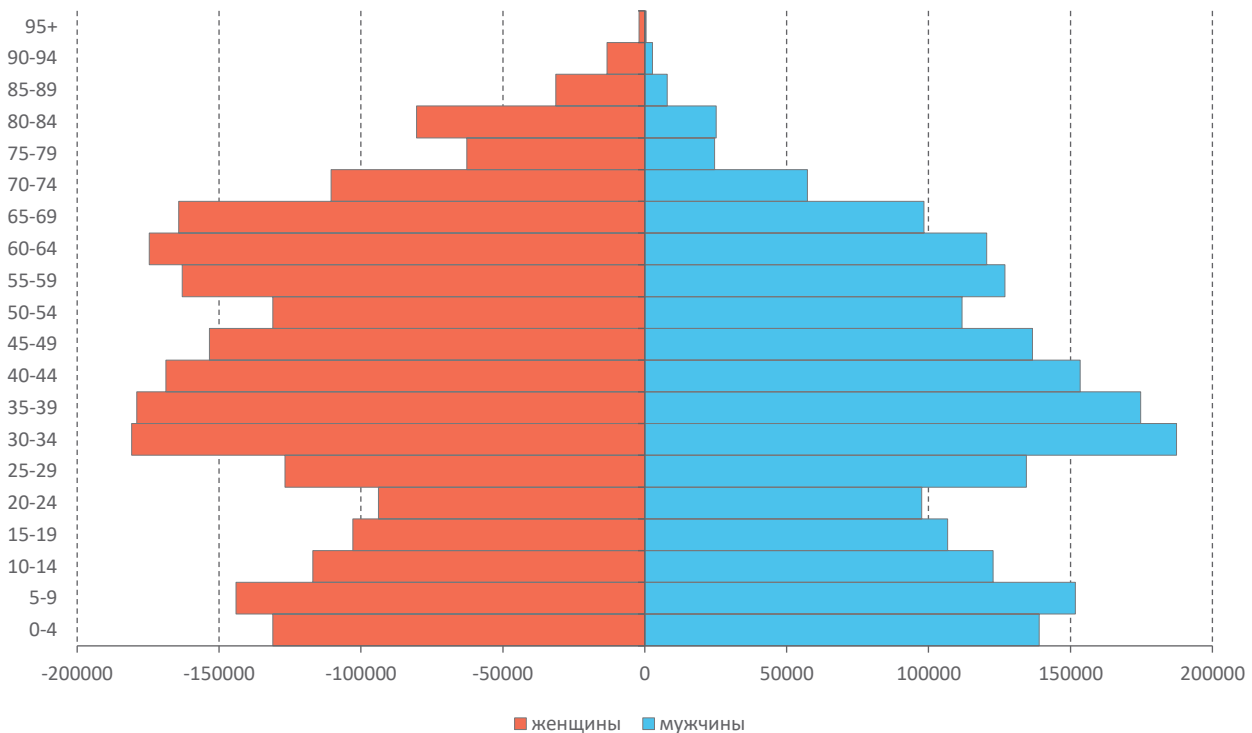

Рис. 2. Половозрастная пирамида населения Свердловской области в 2020 году

Таблица 1. Изменение возрастной структуры населения в Свердловской области в 2012–2020 гг.

Показатель	2012 год	2020 год	Коэффициент структурных сдвигов, 2020–2012 гг.
Удельный вес населения моложе трудоспособного возраста, %	16,4	19,7	3,3
Удельный вес населения в трудоспособном возрасте, %	60,2	55,1	-5,5
Удельный вес населения старше трудоспособного возраста, %	23,4	25,2	1,8
Всего	100	100	3,4
Коэффициент демографической нагрузки пожилыми, %	38,8	45,7	6,9
Индекс старения, %	142,0	127,5	-14,5
Индекс Биллетера, %	-11,5	-9,9	-1,6

Рассчитано по: Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения 10.09.2021).

третьих детей, что отразилось на росте показателей рождаемости и, следовательно, обеспечило повышение доли населения моложе трудоспособного возраста.

Среди муниципальных образований области наибольшие структурные сдвиги (от 4% и более) в доле населения моложе трудоспособного возраста произошли в Арамильском ГО (на 5,6%, с 18,9 до 24,5%), Березовском ГО (на 4,1%, с 17,5 до 21,6%), Бисертском ГО (на 4%, с 18 до 22%), Галкинском СП (на 4,2%, с 19,3 до 23,5%), ГО Верхняя Пышма (на 4,7%, с 17,3 до 22%), ГО «г. Ирбит» (на 4,3%, с 18,8 до 23,1%), Камышловском ГО (на 4,3%, с 17,8 до 22,1%), МО «г. Екатеринбург» (на 4,3%, с 16,4 до 19,3%), Сысертском ГО (на 4,4%, с 18,5 до 22,9%), Туринском ГО (на 4,2%, с 19,3 до 23,5%) и Унже-Павинском СП (на 4,1%, с 16,5 до 20,6%).

Самые незначительные структурные сдвиги (менее 1%) в данной возрастной группе были отмечены в ГО Верхний Тагил (на 1%, с 17,5 до 18,5%), Малышевском ГО (на 0,8%, с 16 до 16,8%), Серовском ГО (на 0,7%, с 17,9 до 18,6%), Краснополянском СП (на 0,7%, с 20,2 до 20,9%), ГП Верхние Серги (на 0,3%, с 16,2 до 16,5%).

В двух муниципальных образованиях области в период 2012–2020 гг. наблюдалось сокращение доли лиц моложе трудоспособного возраста. В ГО Рефтинский удельный вес данной возрастной группы уменьшился с 18,6 до 17,8% (сокращение составило 0,8%). В ГО Пелым сокращение составило 2,8%, с 18,9 до 16,1%.

На фоне сокращения численности и удельного веса населения моложе трудоспособного возраста доля старших возрастных групп, напротив, растет во всех без исключения муниципальных образованиях. В целом по региону удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличился с 23,4 до 25,2%. В настоящее время лица старше трудоспособного возраста составляют $\frac{1}{4}$ часть всего населения области. Самая высокая интенсивность увеличения старших возрастных групп (более 4,5%) наблюдалась в Гаринском ГО (на 6%, с 17,6 до 23,5%), ГО Пелым (на 6,8%, с 13,4 до 20,2%), ГО Рефтинский (на 4,9%, с 23,3 до 28,2%), Дружининском ГП (на 4,8%, с 20,5 до 25,2%), Слободо-Туринском СП (на 4,9%, с 20,1 до 25%), Таборинском МР (на 4,8%, с 25 до 29,8%), Унже-Павинском СП (на 4,7%, с 24,1 до 29,6%). В трех муниципальных образованиях: Малышевском ГО, Махневском МО и Таборинском СП удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличился в интервале от 5,1 до 5,5%, однако в результате увеличения доля лиц старше трудоспособного возраста составила более 30% об общей численности населения (в Малышевском ГО – 35,1%, Махневском МО – 32,6%, Таборинском СП 30,2%). Это самые старые с демографической точки зрения муниципальные образования Свердловской области.

Самый незначительный прирост доли населения старше трудоспособного возраста (до 1,5%) отмечен в Арамильском ГО (1,3%),

Березовском ГО (1,4%), ГО «г. Ирбит» (1,1%) и МО «г. Екатеринбург» (0,6%). Это активно развивающиеся муниципальные образования с высоким миграционным приростом, который в определенной степени обеспечивает некоторую стабильность возрастной структуры. И, хотя процесс старения населения здесь имеет место, его интенсивность выражена не столь значительно.

За 8 лет удельный вес трудоспособного населения области сократился на 5,5% и составил к 2020 году 55,1%, то есть чуть более половины от общей численности населения региона.

Абсолютно во всех муниципальных образованиях Свердловской области в период 2012–2020 гг. наблюдалось сокращение трудоспособного населения. Самое интенсивное сокращение (свыше 7%) отмечено в 12 муниципальных образованиях: Бисертском ГО (на 7,3%, с 55,4 до 48,1%), Галкинском СП (на 7,2%, с 56,5 до 49,4%), Гаринском ГО (на 7,6%, с 65,4 до 57,8%), Горноуральском ГО (на 7,5%, с 57,1 до 49,6%), ГО Заречный (на 7,2%, с 61,9 до 54,7%), Махневском МО (на 8,5%, с 54,5 до 46,1%), МО Красноуфимский округ (на 7,0%, с 55,5 до 48,5%), Обуховском СП (на 7,3%, с 57,4 до 50,1%), Слободотуринском СП (на 7,2%, с 57,2 до 50%), Таборинском СП (на 7,4%, с 57,1 до 49,7%), Туринском ГО (на 7,1%, с 55,5 до 49,4%), Унже-Павинском СП (на 8,8%, с 58,6 до 49,8%).

Самое низкое сокращение трудоспособного населения (менее 4%) зафиксировано в Серовском ГО (3,4%), Кленовском СП (3,6%), ГО Среднеуральск (3,1%), ГО Верхнее Дуброво (3,2%), ГО Верх-Нейвинский (3,5%), ГП Атиг (3,8%) и ГП Верхние Серги (3,3%).

В результате сокращения доли трудоспособного населения и увеличения доли населения старше трудоспособного возраста в Свердловской области значительно возросла демографическая нагрузка. Если в 2012 году демографическая нагрузка на трудоспособное население лицами старше трудоспособного возраста составляла 38,8%, то к 2020 году на 100 человек трудоспособного населения приходилось 45,7 пенсионера². Самые

высокие коэффициенты демографической нагрузки (свыше 60%) отмечены в Кушвинском ГО (60%), Таборинском СП (60,8%), ГО Дегтярск (61%), Горноуральском ГО (61,9%), Нижнесергинском МР (62%), Артинском ГО (62,2%), Нижнесергинском ГП (62,2%), ГП Атиг (62,25%), Бисертском ГО (62,3%), ГП Верхние Серги (62,65%), ГО Верх-Нейвинский (63,1%), Кленовском СП (63,45%), ГО Староуткинск (65,6%), Михайловском МО (66,6%). В Махневском МО и Малышевском ГО на 100 человек трудоспособного населения приходится 70,7 и 73,0 пенсионера соответственно.

Что касается интенсивности увеличения демографической нагрузки пенсионерами на трудоспособное население, то наиболее высокие структурные сдвиги произошли в следующих муниципальных образованиях: Горноуральском ГО (увеличение демографической нагрузки составило 16%, с 45,9 до 61,9%), Малышевском ГО (на 18,6%, с 54,4 до 73%), Махневском МО (на 20,3%, с 50,4 до 70,7%), Таборинском МР (на 15,5%, с 44,3 до 59,8%), Таборинском СП (на 17%, с 43,7 до 60,8%), Унже-Павинском СП (на 16,9%, с 42,6 до 59,5%).

Самая меньшая интенсивность роста демографической нагрузки зафиксирована в Восточном СП (5,9%, с 13,5 до 19,3%), ГО Верхнее Дуброво (5,9%, с 42,8 до 48,8%), Калиновском СП (4,6%, с 8,3 до 12,9%), ГО Среднеуральск (3,9%, с 37,6 до 41,5%) и МО «г. Екатеринбург» (3,9%, с 34 до 37,9%).

Еще одним показателем, характеризующим старение населения, является индекс старения, позволяющий определить соотношение населения старше трудоспособного возраста и населения моложе трудоспособного возраста. В течение 2012–2020 гг. благодаря росту рождаемости и, соответственно, увеличению доли детей индекс старения популяции Свердловской области снизился на 14,5%. Если в 2012 году на 100 детей приходилось 142 пенсионера, то в 2020 году – 127. Однако даже при снижении индекса старения численность лиц старше трудоспособного возраста превы-

² Здесь и далее по тексту под пенсионерами подразумеваются пенсионеры по возрасту.

шает численность населения моложе трудоспособного возраста.

Индексы старения выше отметки 100, свидетельствующей о превышении численности старших возрастных групп над числом детей, наблюдаются в большинстве муниципальных образований Свердловской области. Максимального значения индекс старения достигает в ГП Атиг (177,4%), ГП Верхние Серги (194,1%), ГО Верх-Нейвинский (185,8%) и Малышевском ГО (209,2%), где число пенсионеров в два раза превышает число детей.

Минимальные значения индекса старения под границей 100, указывающей на превышение численности детского населения над населением старше трудоспособного возраста, наблюдались только в пяти муниципальных образованиях региона: Арамилском ГО (индекс старения 91,1%), ГО Верхняя Пышма (97,8%), Камышловском МР (96,5%), Слободо-Туринском СП (99,9%) и Калиновском СП с минимальным по всей области значением индекса старения 61,9%.

Самые значительные структурные сдвиги в сторону увеличения индекса старения в период с 2012 по 2020 год зафиксированы в четырех муниципальных образованиях: Гаринском ГО (на 23%, со 103,3 до 126,2%), ГО Пелым (на 54,5%, с 70,6 до 125,1%), ГО Рефтинский (на 33,5%, со 125,4 до 158,9%), Малышевском ГО (на 24,5%, со 184,7 до 209,2%).

Максимальные структурные сдвиги в сторону сокращения индекса старения были отмечены в трех муниципальных образованиях: Арамилском ГО (на 20%, со 111,1 до 91,1%), МО г. Алапаевск (на 21,1%, со 159,3 до 138,2%) и МО «г. Екатеринбург» (на 30,7%, с 149,5 до 118,8%).

Наиболее низкая скорость структурных сдвигов индекса старения, свидетельствующая о почти неизменившемся соотношении лиц моложе трудоспособного возраста и лиц старше трудоспособного возраста, была отмечена в Горноуральском ГО (снижение индекса на 1,1%, со 157 до 155,9%), ГО Верхнее Дуброво (увеличение индекса на 0,5%, со 141,2 до 141,7%), ГО Верх-Нейвинский (снижение индекса на 0,1%, со 185,9 до 185,8%), ГО Заречный (снижение индекса

на 1%, со 141,1 до 140,1%), Камышловском МР (увеличение индекса на 2%, с 94,5 до 96,5%), Кленовском СП (снижение индекса на 0,7%, со 155,4 до 154,7%), Махневском МО (снижение индекса на 0,4%, со 152,9 до 152,5%), Тавдинском ГО (увеличение индекса на 1%, с 141,7 до 142,7%).

Еще одним показателем, отражающим процесс старения населения, является коэффициент постарения, или индекс Биллетера. В Свердловской области на протяжении всего исследуемого периода индекс Биллетера принимал отрицательные значения, что свидетельствует о проходящем на территории процессе старения населения. В 2012 году индекс составлял 11,5%, в 2020 году – 9,9%. В Свердловской области увеличение рождаемости в период с 2012 по 2015 год привело к незначительному снижению коэффициента постарения, однако его отрицательные значения не позволяют говорить об омоложении популяции региона.

Самые низкие значения индекса принимает на территории пяти муниципальных образований: ГП Атиг (-27,2%), ГП Верхние Серги (-30,4%), ГО Верх-Нейвинский (-29,2%), Малышевского ГО (-38,1%), Михайловского МО (-26,6%). Скорость старения населения в этих муниципальных образованиях очень высокая.

Только в четырех муниципальных образованиях индекс Биллетера имеет положительные значения, свидетельствующие о некотором омоложении населения. Но интенсивность этого омоложения не превышает 10%. В Арамилском ГО индекс Биллетера составляет 4,1%, ГО Верхняя Пышма – 0,9%, Калиновском СП – 7,9%, Камышловском МР – 1,1%.

В целом по области в исследуемом периоде коэффициент структурных сдвигов индекса Биллетера находился в интервале от -14,6 до +7,6%. При этом его наиболее резкое снижение отмечалось в ГО Пелым (на 14,6%). Если в 2012 году индекс Биллетера в ГО Пелым имел положительные значения на уровне 8,2%, то в 2020 году он приобрел отрицательные значения на уровне -6,4%. Самое заметное увеличение дан-

ного показателя отмечалось в Арамильском ГО. В 2012 году индекс Биллетера на территории Арамильского ГО составлял -3,5%, т. е. наблюдался процесс старения населения. Однако к 2020 году индекс приобрел положительные значения на уровне 4,1%, что означает небольшое омоложение популяции.

Располагая различными данными о показателях трансформации возрастной структуры населения и скорости этой трансформации, мы представляем следующую типологию и характеристику изменения возрастной структуры населения Свердловской области (табл. 2).

Таблица 2. Типология муниципальных образований Свердловской области по типу изменения возрастной структуры населения

№	Тип	Характеристика	Число МО	Муниципальные образования	
1	Очень старые, угасающие территории	1. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет 18–22% 2. Доля населения в трудоспособном возрасте составляет 46–57% 3. Доля населения старше трудоспособного возраста составляет 25–33% 4. Скорость увеличения доли населения моложе трудоспособного возраста составляет 1,5–4% 5. Скорость снижения доли населения трудоспособного возраста 5,5–8,5% 6. Скорость увеличения доли населения старше трудоспособного возраста 2,5–6% 7. Коэффициент демографической нагрузки находится в интервале 40,5–70% 8. Величина индекса старения принимает значения 120–175% 9. Индекс Биллетера принимает значения от -26 до -4%	24	ГО Верх-Нейвинский, ГП Верхние Серги, Михайловское МО, ГО Староуткинск, Горноуральский ГО, Артинский ГО, Таборинское СП, Унже-Павинское СП, Краснопольское СП, Усть-Ницинское СП, Новолялинский ГО, Байкаловский МР	ГО Верхняя Тура, Артемовский ГО, Волчанский ГО, ГО Нижняя Салда, Ницинское СП, Байкаловское СП, Гаринский ГО, Махневское МО, Малышевский ГО, Кленовское СП, Таборинский МР, Бисертский ГО
2	Старые, интенсивно стареющие территории	1. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет 17–23,5% 2. Доля населения в трудоспособном возрасте составляет 48–54% 3. Доля населения старше трудоспособного возраста составляет 27–32% 4. Скорость увеличения доли населения моложе трудоспособного возраста составляет 2–4% 5. Скорость снижения доли населения трудоспособного возраста 4–7,5% 6. Скорость увеличения доли населения старше трудоспособного возраста 2–5% 7. Коэффициент демографической нагрузки находится в интервале 52–62% 8. Величина индекса старения принимает значения 120–175% 9. Индекс Биллетера принимает значения от -27,5 до -8%	21	ГП Атиг, Нижнесергинский МР, Нижнесергинское ГП, ГО Дегтярск, Талицкий ГО, Кузнецовское СП, Тугулымский ГО, Кировградский ГО, Североуральский ГО, Верхнесалдинский ГО, Кушвинский ГО, ГО Рефтинский, Нижнетуринский ГО	Сладковское СП, Туринский ГО, Асбестовский ГО, ГО Карпинск, Ачитский ГО, Баженовское СП, Пышминский ГО, Шалинский ГО
3	Старые, умеренно стареющие территории	1. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет 18–24% 2. Доля населения в трудоспособном возрасте составляет 51–57% 3. Доля населения старше трудоспособного возраста составляет 20–28% 4. Скорость увеличения доли населения моложе трудоспособного возраста составляет 1–5% 5. Скорость снижения доли населения трудоспособного возраста 3–6% 6. Скорость увеличения доли населения старше трудоспособного возраста 2–4% 7. Коэффициент демографической нагрузки находится в интервале 40–56% 8. Величина индекса старения принимает значения 100–160% 9. Индекс Биллетера принимает значения от -20 до +1%	25	ГО Верхний Тагил, МО Красноуфимский округ, ГО Красноуральск, ГО Верхнее Дуброво, «Зареченское СП», ГО Красноуральск, Дружининское ГП, Камышловский ГО, Серовский ГО, ГО Среднеуральск, ГО Красноуфимск, ГО Верхняя Пышма	Качканарский ГО, Невьянский ГО, Обуховское СП, Режевской ГО, Галкинское СП, Полевской ГО, Тавдинский ГО, ГО Заречный, ГО Сухой Лог, Ирбитское МО, Сысертский ГО, Белоярский ГО, Ивдельский ГО

4	Территории стабильной возрастной структуры с тенденцией к старению	1. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет 20–25% 2. Доля населения в трудоспособном возрасте составляет 50–60% 3. Доля населения старше трудоспособного возраста составляет 22–29% 4. Скорость увеличения доли населения моложе трудоспособного возраста составляет 3–6% 5. Скорость снижения доли населения трудоспособного возраста 5–7% 6. Скорость изменения (увеличения) доли населения старше трудоспособного возраста составляет 0,5–2,5% 7. Коэффициент демографической нагрузки находится в интервале 35–60% 8. Величина индекса старения принимает значения 90–140% 9. Индекс Биллетера принимает значения от -16 до +4,5%	15	МО г. Алапаевск, Каменский ГО, ГО Первоуральск, Г. Нижний Тагил, Слободо-Туринский МР, ГО Богданович, МО Алапаевское, ГО «Г. Ирбит», ГО Ревда, Слободо-Туринское СП, ГО Верхотурский, Арамилский ГО, МО «г. Екатеринбург», Сосьвинский ГО, Березовский ГО
5	Территории в преддверии старости	1. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет 12–18% 2. Доля населения старше трудоспособного возраста составляет 9–20% 3. Доля населения в трудоспособном возрасте в интервале от 60–75% 4. Скорость увеличения доли населения моложе трудоспособного возраста составляет 1–2% и/или наблюдается снижение (ГО Пельым) 5. Скорость изменения (сокращения) доли трудоспособного населения составляет 4–6% 6. Скорость изменения (увеличения) доли населения старше трудоспособного возраста составляет 3–7% 7. Коэффициент демографической нагрузки составляет 19–30% 8. Величина индекса старения находится в интервале 60–120% 9. Величина индекса Биллетера находится в интервале от -6 до + 6%	4	Калиновское СП, Восточное СП, Камышловский МР, ГО Пельым

Источник: составлено авторами.

Выводы

На основании исследования половозрастной структуры и предложенной типологии возрастной структуры муниципальных образований Свердловской области можно сделать следующие выводы.

1. Отличительной особенностью возрастной структуры населения области является ее деформация с выраженным старением населения за относительно короткий период.

2. Практически во всех муниципальных образованиях наблюдается процесс старения населения, однако его интенсивность различна.

3. При анализе внутрирегиональных асимметрий возрастной структуры необходимо учитывать природные, экономические и социальные различия территорий. Например, неразвитость инфраструктуры или экономической составляющей какого-либо муниципального образования приводит к тому, что соседние территории используют свой потенциал для обеспечения потребностей муниципальных образований – реципиентов, что ведет к усилению диспропорций.

4. В Свердловской области фиксируются различия между сельскими поселениями и городскими округами. Население сельских территорий несколько старше, но в городских округах оно стареет интенсивнее.

5. Учитывая половые диспропорции в населении области, можно утверждать, что в регионе присутствует феминизация процесса старения.

6. Несколько возросший уровень рождаемости лишь замедлил процесс старения региона, но коренным образом на него не повлиял.

7. Имеются все основания полагать, что дальнейшее усиление процесса старения населения неизбежно повлечет увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население Свердловской области.

Значение полученных результатов для теории и практики определяется возможностью использования предлагаемого методического подхода к анализу динамики процесса изменения половозрастной структуры населения территории, а также применения данных в целях корректировки задач социально-экономического и демографического развития субъектов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lundh C. Utvärdering av en kohort metod att beräkna andelen ogifta efter ålder i Sverige före 1870. *Lund Papers in Economic History*, 2003, vol. 89. Available at: <https://portal.research.lu.se/portal/files/4451573/4407068.pdf> (accessed 10.09.2021).
2. Burgdörfer F. Familienstatistik und Fruchtbarkeitsmessung. Neue Aufgaben und neue Wege der deutschen Bevölkerungsstatistik. *Revue De L'Institut International De Statistique / Review of the International Statistical Institute*, 1937, vol. 5 (3), pp. 212–226. Available at: <https://doi.org/10.2307/1400953> (accessed 10.09.2021).
3. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения. М.: Прогресс, 1977. 520 с.
4. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
5. Pavlík Z., Kučera M. *Populační Vývoj České republiky 1990–2002*. Praha, 2002. 97 p.
6. Długosz Z. The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. *Bulletin of Geography (Socio-Economic Series)*, 2003, no. 2, pp. 5–15.
7. Długosz Z., Kurek S. Population ageing and its predictions for 2030 in the Małopolskie voivodship compared to Poland and Europe. *Moravian Geographical Reports*, 2009, vol. 17 (1), pp. 2–18.
8. Długosz Z. Population ageing in Europe. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 19, pp. 47–55.
9. Káčerová M., Mládek J., Ondačková J. Nové štatistické metódy merania populačného starnutia. *Forum Statisticum Slovaca*, 2012, vol. 3, pp. 62–69.
10. Káčerová M., Ondačková J., Mladek J. A comparison of population ageing in the Czech Republic and the Slovak Republic based on generation support and exchange. *Moravian Geographical Reports*, 2012, vol. 20 (4), pp. 26–38.
11. Káčerová M., Mládek J. Population ageing as generation substitutions: Economic and social aspects. *Ekonomický Časopis (Journal of Economics)*, 2012, vol. 3 (60), pp. 259–276.
12. Урланис Б.Ц. Народонаселение: исследования, публицистика. М.: Статистика, 1976. 359 с.
13. Кваша А.Я., Киселева Г.П. Влияние возрастной структуры на рост населения СССР // Проблемы народонаселения. М., 1973. С. 36–42.
14. Кваша А.Я., Киселева Г.П. Тенденции воспроизводства населения СССР // Возобновление поколений нашей страны. М.: Статистика, 1978. С. 3–18.
15. Калинюк И.В., Кваша А.Я. Старение населения: проблемы и перспективы // Население третьего возраста. М., 1986. С. 3–33.
16. Баркалов Н.Б. Моделирование демографического перехода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 80 с.
17. Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Статистика, 1976. 57 с.
18. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1 (1).
19. Миронов Б.Н., Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее // Советская этнография. 1984. № 1. С. 162–164.
20. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
21. Денисенко М.Б. Население России до 2025 года // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 4–5. С. 153.
22. Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В., Хараева О.А. Динамика численности и возрастной состав народов России // Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 3. Кн. 3: 1991–2000. М.: Рос. полит. энцикл., 2012. С. 99–129.
23. Барсуков В.Н. Анализ региональной дифференциации демографического старения населения // Вопросы территориального развития. 2015. № 4 (24).

24. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 92–108.
25. Барсуков В.Н. Региональные особенности процесса демографического старения в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). С. 5. URL: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.4.44.5> (дата обращения 10.09.2021).
26. Барсуков В.Н. Особенности и последствия старения населения Вологодской области // Human Progress. 2019. Т. 5. № 7. URL: <https://doi.org/10.34709/IM.157.4> (дата обращения 10.09.2021).
27. Сафарова Г.Л., Косолапенко Н.Г., Арутюнов В.А. Региональная дифференциация показателей старения населения России // Успехи геронтологии. 2005. № 16. С. 7–13.
28. Сафарова Г.Л., Сафарова А.А., Лисенков А.И. Гендерные аспекты старения населения России // Успехи геронтологии. 2014. Т. 27. № 2. С. 236–240.
29. Старение населения Москвы и Санкт-Петербурга: сходства и различия / Н.М. Калмыкова [и др.] // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2019. № 6 (150). С. 149–153.
30. Берендеева А.Б., Рычихина Н.С., Коробова О.О. Роль экономических факторов в воспроизводстве региональной структуры населения по полу (на примере регионов Верхневолжья) // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 2 (58). С. 9–18.
31. Липухин Д.Н. Современные тенденции эволюции возрастной структуры населения Уральского района // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 1 (6). С. 8–12.
32. Buvinic M., Das Gupta M., Casabonne U. Gender, poverty and demography: An overview. *The World Bank Economic Review*, 2009, vol. 23 (3), pp. 347–369.
33. Billeter E.P. Eine maßzahl zur beurteilung der altersverteilung einer bevölkerung. *Swiss Journal of Economics and Statistics (SJES)*, 1954, vol. 90 (4), pp. 496–505.
34. Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978. URL: http://www.sociologos.ru/upload/File/Shkalirovanie_pri_sbore.pdf (дата обращения 13.09.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Олеговна Секички-Павленко – ведущий экономист, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nnp81@mail.ru

Sekitski-Pavlenko O.O., Neklyudova N.P.

DYNAMICS OF GENDER AND AGE STRUCTURE OF THE REGION'S POPULATION IN THE SVERDLOVSK OBLAST MUNICIPALITIES

The article presents an analysis of the transformation of the gender and age structure of the Sverdlovsk Oblast population as a whole and in the context of municipalities for the period 2012–2020. The relevance of the study is due to the need for scientific understanding of dynamics in the gender and age structure from the perspective of strengthening population aging process

and its socio-economic consequences for the region. The scientific problem lies in the insufficient knowledge of the elements of the transformation of the gender and age structure in the context of municipalities, which hinders the effective implementation of demographic policy at the regional level. The purpose of the article is to develop a typology of the regional municipalities based on the dynamics of indicators that determine the transformation process of the gender and age structure, and to establish the speed of this transformation. We have used the following methods: logical, generalization method, systematic approach, typologization. The paper uses statistical grouping and calculation of indicators characterizing dynamics in the gender and age structure as research tools. Graphical and tabular techniques are used to visualize the data. The result of the study is the proposed typology of population age structure of the Sverdlovsk Oblast municipalities. We have made conclusion about the intensification of aging processes of the regional population, about the presence of significant disproportions in the age structure, the influence of socio-economic features of each territory on the aging process. The scientific significance of the research results lies in the development of methodological and methodical tools that allow assessing the transformation of the regional gender and age structure in the context of municipalities. The practical significance lies in the development of a scientific basis to implement effective management decisions in order to smooth out age disparities in the region and the formation of optimal age structure as the basis for the future socio-economic development of the region. The prospects for developing the research topic is to improve the proposed methodology and the expansion of polygons for its testing.

Gender and age structure, population aging, region, municipality, age structure typology.

REFERENCES

1. Lundh C. Utvärdering av en kohort metod att beräkna andelen ogifta efter ålder i Sverige före 1870. *Lund Papers in Economic History*, 2003, vol. 89. Available at: <https://portal.research.lu.se/portal/files/4451573/4407068.pdf> (accessed 10.09.2021).
2. Burgdörfer F. Familienstatistik und Fruchtbarkeitsmessung. Neue Aufgaben und neue Wege der deutschen Bevölkerungsstatistik. *Revue De L'Institut International De Statistique. Review of the International Statistical Institute*, 1937, vol. 5 (3), pp. 212–226. Available at: <https://doi.org/10.2307/1400953> (accessed 10.09.2021).
3. Sauvy A. *Obshchaya teoriya naseleniya* [General Population Theory]. Moscow: Progress, 1977. 520 p.
4. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya* [Population Aging Process]. Moscow: Statistika, 1968. 512 p.
5. Pavlík Z., Kučera M. *Populační Vývoj České republiky 1990–2002*. Prague, 2002. 97 p.
6. Długosz Z. The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. *Bulletin of Geography (Socio-Economic Series)*, 2003, no. 2, pp. 5–15.
7. Długosz Z., Kurek S. Population ageing and its predictions for 2030 in the Małopolskie voivodship compared to Poland and Europe. *Moravian Geographical Reports*, 2009, vol. 17 (1), pp. 2–18.
8. Długosz Z. Population ageing in Europe. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 19, pp. 47–55.
9. Káčerová M., Mládek J., Ondačková J. Nové štatistické metódy merania populačného starnutia. *Forum Statisticum Slovaca*, 2012, vol. 3, pp. 62–69.
10. Káčerová M., Ondačková J., Mládek J. A comparison of population ageing in the Czech Republic and the Slovak Republic based on generation support and exchange. *Moravian Geographical Reports*, 2012, vol. 20 (4), pp. 26–38.
11. Káčerová M., Mládek J. Population ageing as generation substitutions: Economic and social aspects. *Ekonomický Časopis (Journal of Economics)*, 2012, vol. 3 (60), pp. 259–276.

12. Uralnis B.Ts. *Narodonaselenie: issledovaniya, publitsistika* [Population: Research, Journalism]. Moscow: Statistika, 1976. 359 p.
13. Kvasha A.Ya., Kiseleva G.P. The influence of the age structure on the population growth of the USSR. In: *Problemy narodonaseleniya* [Population Problems]. Moscow, 1973. Pp. 36–42 (in Russian).
14. Kvasha A.Ya., Kiseleva G.P. Trends in reproduction of the USSR population. In: *Vozobnovlenie pokolenii nashei strany* [Renewing the Generations of Our Country]. Moscow: Statistika, 1978. Pp. 3–18 (in Russian).
15. Kalinyuk I.V., Kvasha A.Ya. Population ageing: Problems and prospects. In: *Naselenie tret'ego vozrasta* [Third Age Population]. Moscow, 1986. Pp. 3–33 (in Russian).
16. Barkalov N.B. *Modelirovanie demograficheskogo perekhoda* [Modeling Demographic Transition]. Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta, 1984. 80 p.
17. Pirozhkov S.I. *Demograficheskie protsessy i vozrastnaya struktura naseleniya* [Demographic Processes and Population Age Structure]. Moscow: Statistika, 1976. 57 p.
18. Vishnevsky A.G. The demographic resolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 2014, vol. 1, no. 1 (1) (in Russian).
19. Mironov B.N., Vishnevsky A.G. *Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: istoriya, sovremennost', vzglyad v budushchee* [Reproduction of Population and Society: History, Modernity, a Look into the Future]. Sovetskaya etnografiya, 1984. Pp. 162–164.
20. Vishnevsky A.G. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, 2006.
21. Denisenko M. Population of Russia until 2025. *Pro et Contra*, 2012, vol. 16, no. 4–5, p. 153 (in Russian).
22. Denisenko M.B., Mkrtychyan N.V., Kharaeva O.A. Dynamics of the number and age composition of the peoples of Russia. In: *Naselenie Rossii v 20 veke. Istoricheskie ocherki. V 3-kh tomakh. Tom 3* [Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays. In 3 Volumes. Volume 3]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2012. Pp. 99–129 (in Russian).
23. Barsukov V.N. Analysis of the regional differentiation of demographic aging. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2015, no. 4 (24) (in Russian).
24. Barsukov V.N., Chekmareva E.A. The consequences of demographic aging and the resource potential of the population of the “third” age. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2017, no. 3 (89), pp. 92–108 (in Russian).
25. Barsukov V.N. Regional features of demographic aging in Russia. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2018, no. 4 (44), pp. 5. Available at: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.4.44.5> (accessed 10.09.2021; in Russian).
26. Barsukov V.N. Features and consequences of population ageing in Vologda region. *Human Progress*, 2019, vol. 5, no. 7. Available at: <https://doi.org/10.34709/IM.157.4> (accessed 10.09.2021; in Russian).
27. Safarova G.L., Kosolapenko N.G., Arutyunov V.A. Regional differentiation of indicators of aging of the Russian population. *Uspekhi gerontologii=Advances in Gerontology*, 2005, no. 16, pp. 7–13 (in Russian).
28. Safarova G.L., Safarova A.A., Lisenenkov A.I. Gender aspects of the aging of the Russian population. *Uspekhi gerontologii=Advances in Gerontology*, 2014, vol. 27, no. 2, pp. 236–240 (in Russian).
29. Kalmykova N.M. et al. Aging of the population of Moscow and St. Petersburg: Similarities and differences. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal=Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 2019, no. 6 (150), pp. 149–153 (in Russian).
30. Berendeeva A.B., Rychikhina N.S., Korobova O.O. Role of economic factors in reproduction of regional structure of the population on the floor (on the example of regions of the Upper Volga). *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie=Modern High Technologies. Regional Application*, 2019, no. 2 (58), pp. 9–18 (in Russian).

31. Lipukhin D.N. Modern trends in the evolution of the age structure of the population of the Ural region. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii=Modern Trends in the Development of Science and Technology*, 2015, no. 1 (6), pp. 8–12 (in Russian).
32. Buvinic M., Das Gupta M., Casabonne U. Gender, poverty and demography: An overview. *The World Bank Economic Review*, 2009, vol. 23 (3), pp. 347–369.
33. Billeter E.P. Eine maßzahl zur beurteilung der altersverteilung einer bevölkerung. *Swiss Journal of Economics and Statistics (SJES)*, 1954, vol. 90 (4), pp. 496–505.
34. Kliger S.A., Kosolapov M.S., Tolstova Yu.N. *Shkalirovanie pri sbore i analize sotsiologicheskoi informatsii* [Scaling in the Collection and Analysis of Sociological Information]. Moscow: Nauka, 1978. Available at: http://www.sociologos.ru/upload/File/Shkalirovanie_pri_sbore.pdf (accessed 10.09.2021; in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ol'ga O. Sekitski-Pavlenko – Leading Economist, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru

Natal'ya P. Neklyudova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nnp81@mail.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: СЕНТЯБРЬ 2021 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹.

В январе – сентябре 2021 года² возобновился рост российской экономики. Согласно оценкам Минэкономразвития, ВВП за это время увеличился на 4,6%. По данным Росстата, в III квартале 2021 года индекс производства ВВП составил 104,3% против 96,5% годом ранее (рис. 1). В частности, динамика ВВП объясняется ростом промышленности и строительства.

1. Производство валового продукта

📈 В **промышленности** в целом по стране прирост составил 4,7% (табл. 1). Этот результат обусловлен как увеличением выпуска продукции обрабатывающей промышленности (105,2%), так и восстановительным ростом добычи полезных ископаемых (103%).

📍 В Вологодской области увеличение выпуска промышленности за этот же период составило всего 0,1%, на что во многом

повлиял спад производства электроэнергии, газа и пара на 16,1%. Обрабатывающая промышленность также не показала существенного роста (1,1% против 1,8% в предыдущем году). При этом в других регионах-металлургах темпы прироста объемов промышленного производства значительно выше: промышленность Челябинской области выросла на 109,9%, Кемеровской – на 106,5%, Липецкой – на 102,6%.

Динамика обрабатывающей промышленности характеризовалась ростом выпуска большинства отраслей. Так, отмечены позитивные изменения в **секторе промышленности конечного спроса**.

📈 В пищевой промышленности в целом по стране наблюдался рост выпуска на 2,9% (табл. 2). При этом такие факторы, как сокращение населения (на 0,34% за год) и сдерживание цен на продовольствие, существенно замедляют развитие данной отрасли. Наиболее заметно выросло производство фруктовых и овощных соков (на 26,3%), рыбных пресервов (на 17,4%), мясных полуфабрикатов (на 4,4%), а также безалкогольных напитков (на 21,7%).

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: сентябрь 2021 года // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 149–158. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.9

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy in September 2021. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 149–158. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.9

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – сентябрь 2021 года с январем–сентябрем 2020 года.

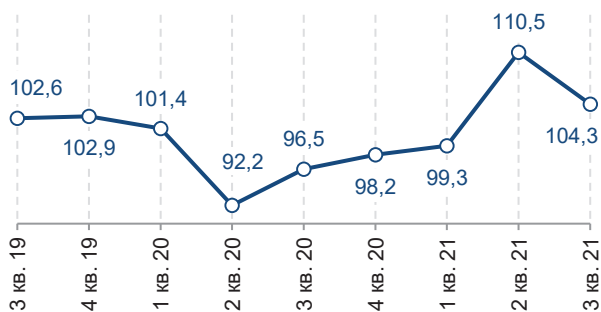

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	р**
Промышленное производство						
РФ	97,4	97,9	98,7	104,0	104,7	–
ВО	101,5	102,3	102,3	101,6	100,1	68
МО	99,8	101,0	102,4	102,3	105,2	41
РКА	106,2	105,5	96,9	99,9	100,7	65
АО	91,6	93,2	88,5	97,4	99,9	70
РКО	92,3	91,2	89,3	94,8	98,5	72
Добыча полезных ископаемых						
РФ	93,7	93,4	93,0	99,9	103,0	–
ВО	131,7	128,0	81,8	88,0	90,7	68
АО	86,7	87,1	83,8	97,8	103,2	29
РКА	105,7	104,2	100,4	103,6	103,1	30
МО	106,1	107,1	103,8	104,6	101,4	37
РКО	92,8	90,8	84,8	90,9	96,0	56
Обрабатывающие производства						
РФ	100,5	101,4	100,9	106,0	105,2	–
ВО	101,8	102,8	103,7	103,0	101,1	67
МО	96,7	98,4	101,1	100,9	107,3	27
РКО	90,0	90,6	100,4	104,6	103,9	50
РКА	106,2	106,0	91,8	95,5	98,4	75
АО	100,9	104,5	95,6	95,9	93,1	80

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.
 ** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – сентябре 2021 года (если не оговорено иное).

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.
Пищевое производство					
РФ	103,7	102,7	100,1	101,8	102,9
ВО	108,5	108,2	98,7	101,5	100,7
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	103,2	103,3	102,8	108,3	109,0
ВО	140,1	136,2	114,3	115,7	108,1
Химическое производство					
РФ	108,2	110,1	111,6	109,3	108,4
ВО	105,1	104,5	101,2	99,2	97,8
Металлургическое производство					
РФ	100,0	100,0	96,3	103,4	102,6
ВО	100,2	101,0	104,2	103,7	102,0
Деревообработка					
РФ	96,3	98,4	103,6	111,2	108,9
ВО	104,3	107,1	101,1	105,3	106,8
Машиностроение					
РФ	95,4	100,2	110,3	120,4	112,6
ВО	91,9	92,0	102,6	87,6	84,2
Производство стройматериалов					
РФ	98,6	99,9	97,4	106,9	106,6
ВО	113,7	103,4	76,7	98,4	110,4

❗ В Вологодской области темпы прироста выпуска пищевой промышленности были значительно ниже страновых, уменьшившись с 8,5 до 7%. На фоне роста производства напитков на 25,1% производство хлебобулочных и мучных кондитерских изделий сократилось на 19,6%.

📈 Целлюлозно-бумажная и полиграфическая промышленность РФ продемонстрировала прирост на 9%. Ключевыми направлениями развития отрасли стали расширение производства обоев (на 16,5%) и увеличение объема полиграфических печатных услуг (на 36%). В Вологодской области выпуск продукции этой отрасли возрос на 8,1% за счет высоких показателей прироста в производстве бумаги и картона (на 11,1%) и целлюлозы (на 7,2%).

В секторе промышленности промежуточного спроса можно отметить повышение экономической активности.

Химическая промышленность в РФ увеличила выпуск на 8,4% (годом ранее – на 8,2%). Ключевое влияние на этот результат оказали такие виды деятельности, как производство продуктов фармакологии (прирост на 17,9%), синтетических волокон (на 20,9%) и каучуков в первичных формах (на 15%).

В Вологодской области отмечено снижение выпуска химической промышленности (на 2,2%), которое вызвано спадом в производстве азотных удобрений (на 2,4%) и аммиака (на 6,3%). В то же время объем выпуска пластмасс в первичных формах возрос на 26,7%.

Металлургическая промышленность страны увеличила выпуск продукции на 2,6%. Это отчасти обусловлено расширением производства готовых металлических изделий (на 6,7%), стальных труб (на 12,4%) и металлопроката (7%). В Вологодской области рост металлургии был меньшим (2%), прежде всего он был обеспечен увеличением выпуска чугуна (на 12,4%) и готовой металлопродукции (на 39,4%).

В деревообрабатывающей промышленности страны отмечено значительное увеличение выпуска (на 8,9%). Существенную роль в ускорении роста отрасли сыграли наращивание производства деревянных домов заводского изготовления (41,4%), щитового паркета (33,5%), древесностружечных и волокнистых плит (19,9 и 16,1% соответственно). В Вологодской области также зафиксировано увеличение объемов выпуска деревообрабатывающего сектора (на 6,8%), которое во многом обусловлено почти двукратным ростом производства деревянных строительных конструкций, в частности деревянных домов заводского изготовления (на 27%).

Сектор промышленности инвестиционного спроса в январе – сентябре 2021 года также продемонстрировал позитивную динамику по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

Производство российского машиностроения выросло на 12,6%, при этом электронных ламп и трубок было произведено на 44,3%

больше, электронных печатных плат – на 24%, холодильников – на 28,5%, грузовых и легковых автомобилей – на 40,8 и 20,5% соответственно.

В Вологодской области объем производства продукции машиностроения снизился на 15,8% по причине негативной динамики изготовления подшипников на 7,8%, при прошлогоднем спаде в 35,3% и росте в целом по стране на 2,7%. Существенное снижение выпуска зафиксировано также в индустрии производства электрооборудования (на 19,3%), автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (на 11%).

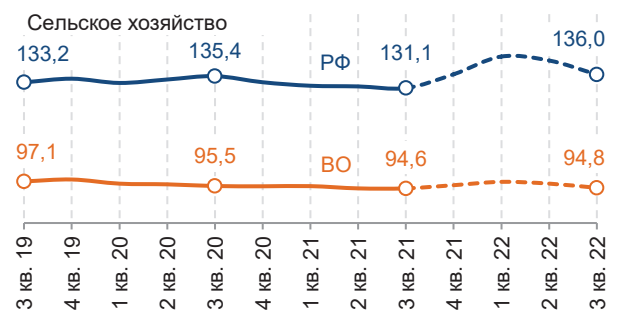
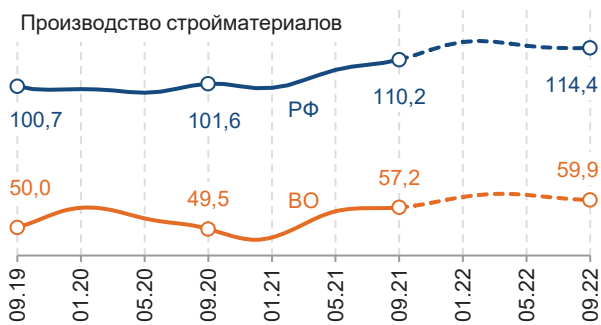
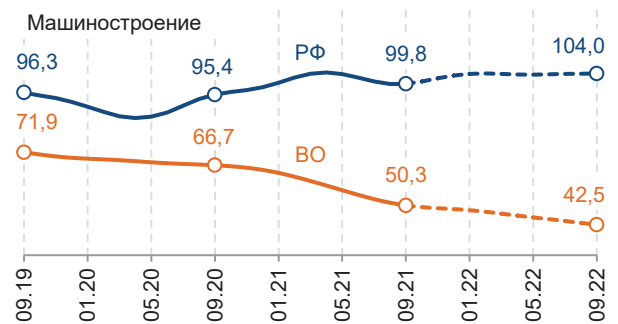
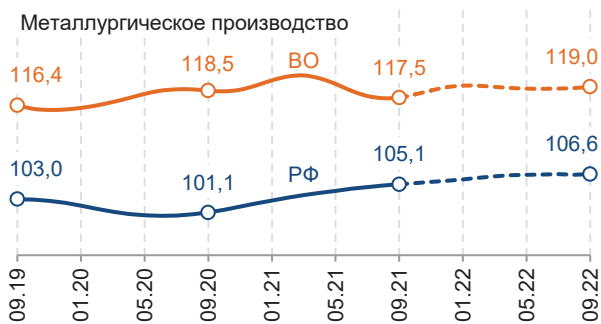
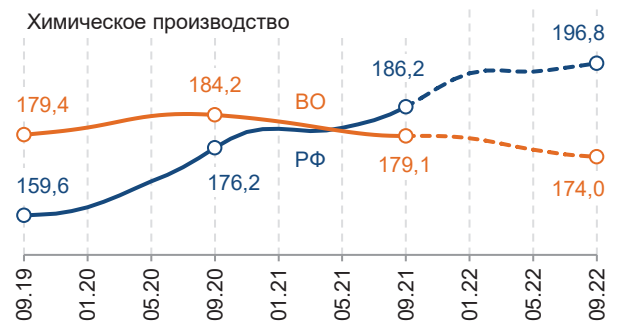
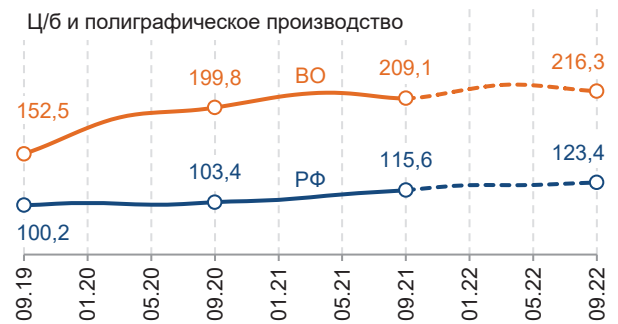
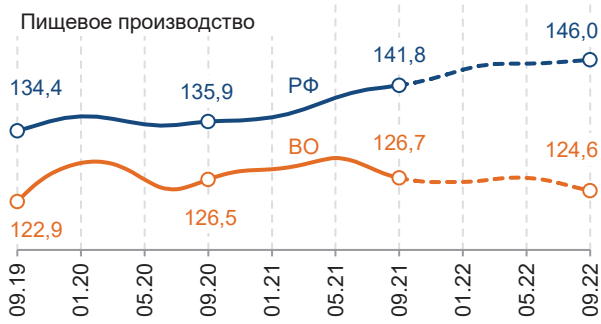
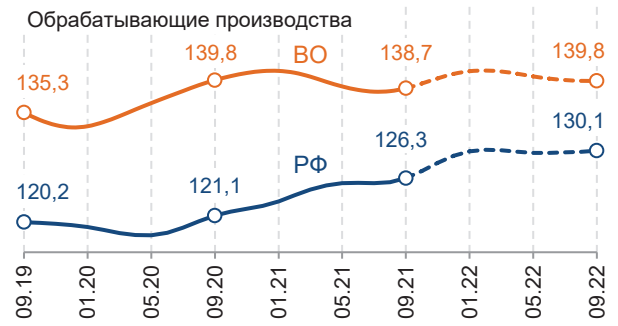
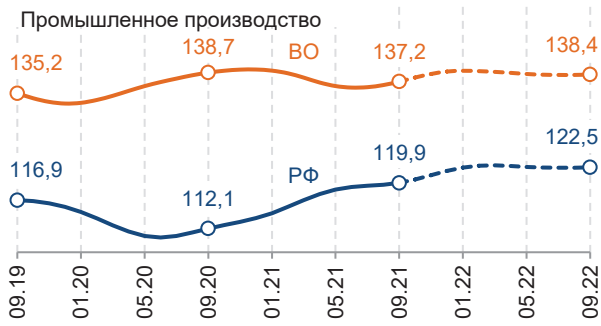
Выпуск минеральных строительных материалов в стране увеличился на 6,6%, что отчасти обеспечено ростом объемов выпуска термополированного листового стекла (на 33,5%) и строительных блоков из цемента (на 8,9%). Позитивным моментом для индустрии минеральных стройматериалов стал резкий рост цен на жилье вследствие реализации программы льготной ипотеки. В Вологодской области отрасль также ускорила производство (на 10,4%): наиболее активно расширялось производство строительных блоков (+17,5%) и товарного бетона (+13,6%).

В **сельском хозяйстве** России объем производства снизился на 4,3% (табл. 3). Зафиксирован спад выпуска скота и птицы на убой (на 0,6%), куриных яиц и молока (на 0,3 и 0,1% соответственно). В Вологодской области сельскохозяйственной продукции выпущено меньше на 1,4%, в частности скота и птицы на убой – на 4,7%. При этом отмечен рост производства куриных яиц (на 1,5%) и молока (на 0,2%).

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.
РФ	103,2	101,5	100,4	100,2	95,7
ВО	100,6	100,2	99,7	99,3	98,6
РКа	100,3	100,4	92,4	92,3	93,2
РКо	115,1	114,8	101,8	101,7	-
АО	100,6	101,3	95,9	97,4	-
МО	105,5	104,0	96,7	92,5	-

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

На **рынке труда** отмечены положительные тенденции.

В целом по стране отмечается снижение уровня безработицы до 4,4% (табл. 4), что соответствует уровню 2019 года. В Вологодской области также зафиксировано уменьшение значения данного индикатора (до 4,4%). Однако докризисный уровень не был достигнут: в 2019 году уровень безработицы составлял 3,7%.

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	6,4	5,6	5,6	5,3	4,4	–
ВО	7,5	5,3	5,3	5,2	4,4	40
МО	8,4	7,4	7,4	6,9	5,2	54
РКА	9,2	7,9	7,9	7,3	5,9	61
АО	8,0	7,1	7,1	6,0	6,3	65
РКО	8,0	6,9	6,9	6,9	6,7	67
Потребность работодателей в работниках						
РФ	93,3	105,3	118,4	132,1	131,8	–
ВО	85,9	95,3	97,4	112,8	112,6	–
МО	141,7	155,4	137,4	138,9	134,6	–
АО	94,1	105,0	118,6	133,0	132,6	–
РКО	99,0	109,8	106,9	115,1	107,1	–
РКА	94,3	104,7	116,9	127,0	–	–

Как в целом по РФ, так и в Вологодской области потребность работодателей в работниках заметно усилилась: по стране этот показатель вырос почти на треть, а в Вологодской области – на 12,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

2. Образование доходов

Тенденции, характеризующие изменения на этапе образования доходов, оказались разнонаправленными.

Реальные денежные доходы россиян увеличились на 4,4% (табл. 5). Однако реальная начисленная заработная плата росла медленнее: в среднем по стране (в январе – августе) ее размер увеличился на 2,9%, пенсии снизились на 0,5%.

В Вологодской области уровень реальных заработных плат в январе – августе сократился на 1,7%.

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	8 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	8 мес. 2021 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	102,6	102,4	101,3	103,3	102,9
ВО	103,9	104,0	94,4	97,8	98,3
РКО	103,4	103,4	101,5	102,5	101,8
РКА	101,1	100,2	98,9	100,0	99,1
МО	103,7	103,2	98,0	99,2	98,9
АО	101,7	101,0	98,2	98,6	98,1
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	56,5	76,5	344,9	264,5	266,0
ВО	79,9	97,0	705,6	267,7	259,3
РКО	7,1	14,3	–	–	1384,5
РКА	54,9	85,0	531,1	370,9	379,2
МО	165,6	292,6	218,5	327,1	292,2
АО	–	14,7	–	–	–
	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	102,4	105,9	103,7	109,5	110,3
ВО	103,3	104,6	114,9	126,0	128,5
Реальные денежные доходы населения					
РФ	96,9	97,6	96,7	102,4	104,4
ВО	99,4	99,1	93,8	97,4	–
МО	99,5	99,6	99,3	102,2	–
АО	98,1	98,2	96,3	98,3	–
РКА	99,5	99,4	94,5	97,7	–
РКО	98,1	97,0	94,6	97,1	–
Реальный размер назначенных пенсий					
РФ	102,7	102,4	100,1	99,8	99,5
ВО	102,0	101,5	100,1	99,8	–

Сальдированный финансовый результат организаций в целом по стране в январе – августе существенно вырос (в 2,7 раза). Схожая картина отмечена и в Вологодской области (увеличение в 2,6 раза). Отчасти это связано с почти двукратным ростом мировых цен на товары ключевых отраслей.

Реальные доходы консолидированного бюджета Российской Федерации показали увеличение на 10,3%. В Вологодской области рост поступлений в региональную казну был существенно выше (на 28,5%).

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** зафиксирована положительная динамика уровня стоимостных показателей.

⬆ В секторе **розничной торговли** оборот увеличился на 8,4%, в т. ч. объем реализации продовольственных товаров вырос на 2,1%, непродовольственных – на 14,7%. При этом, учитывая увеличение доли импорта в непродовольственной рознице³, можно констатировать, что прирост оборота розничной торговли не оказывает значимого позитивного влияния на уровень потребительского спроса на продукцию российского производства. В Вологодской области торговля росла медленнее. В целом оборот торговли увеличился на 3%, в частности продовольственных

товаров – на 0,2%, непродовольственных – на 6,5% (табл. 6). В секторе оказания **платных услуг** также наблюдается положительная динамика, перекрывающая снижение в 2020 году: по стране в целом объем оказанных услуг вырос на 18,8%, в Вологодской области – на 7,7%.

⬆ Объем выполненных работ по виду деятельности **«Строительство»** в стране увеличился на 6%. Главной причиной этого послужил рост ввода в эксплуатацию жилых домов (на 29,7%; табл. 7), спрос на которые поддерживался ростом ипотечного кредитования. В Вологодской области объемы выполненных строительных работ и жилищного строительства также демонстрируют увеличение на 12,6 и 28,8% соответственно.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

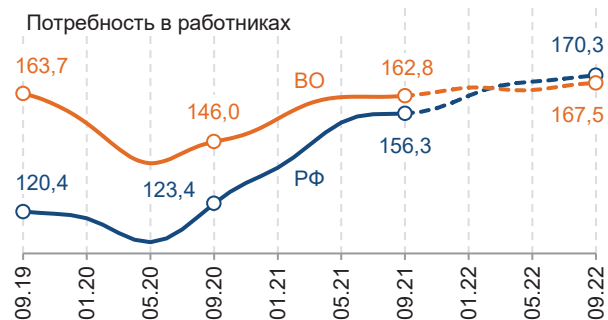
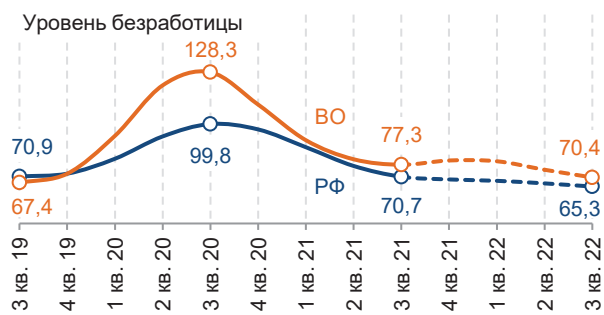
	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	96,2	96,8	98,6	110,2	108,4	–
ВО	103,4	102,5	96,1	104,1	103,0	63
АО	99,1	99,7	98,2	104,2	102,9	66
РКа	102,7	102,0	100,0	104,6	102,7	69
РКо	98,2	97,8	100,4	103,3	102,1	72
МО	97,1	96,1	93,3	96,4	98,8	81
Объем платных услуг населению						
РФ	83,6	85,2	96,8	119,2	118,8	–
ВО	91,6	93,2	97,6	110,1	107,7	67
АО	76,5	80,3	96,8	117,4	113,4	34
РКа	91,0	92,7	100,6	117,2	112,6	37
МО	89,0	90,0	96,4	107,9	108,6	64
РКо	81,7	83,8	96,7	109,8	107,1	69

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

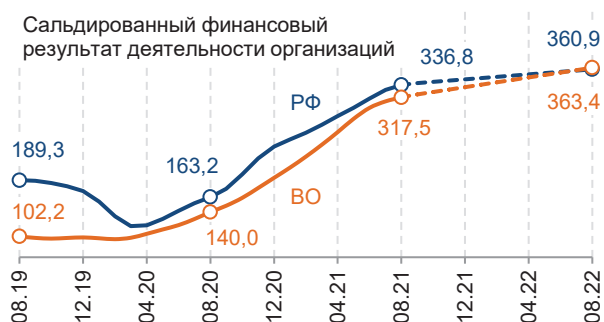
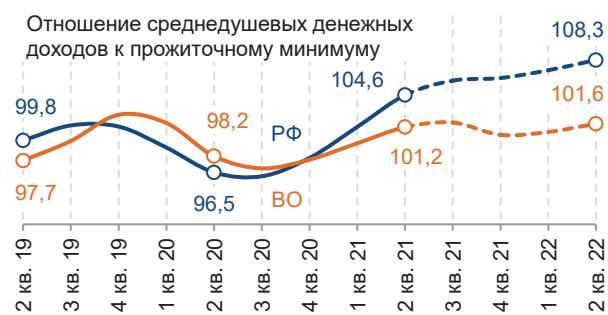
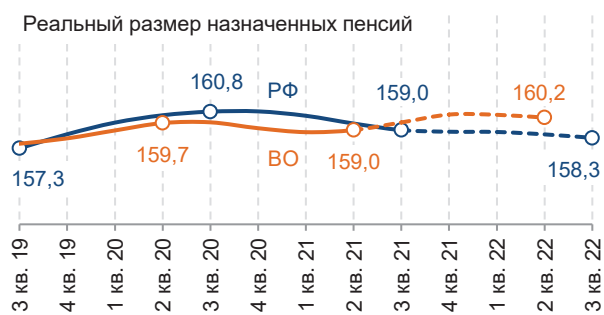
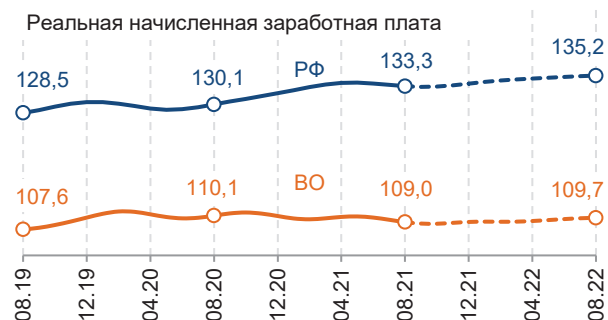
	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	99,8	100,1	100,2	106,4	106,0	–
ВО	88,2	97,6	95,2	109,4	112,6	29
МО	139,6	121,0	60,9	112,8	134,4	9
РКо	105,2	98,1	113,9	119,7	117,4	21
АО	83,5	60,1	123,7	124,4	114,9	25
РКа	62,8	74,4	67,7	72,3	96,9	58
Ввод жилых домов						
РФ	98,8	100,2	115,4	129,7	129,7	–
ВО	77,5	85,5	67,4	109,1	128,8	35
МО	65,8	79,3	348,9	276,7	214,7	4
АО	93,1	112,6	200,9	155,9	167,3	13
РКо	93,1	86,3	65,3	111,8	102,8	73
РКа	93,4	106,1	127,7	107,4	97,3	76

³ ВШЭ подсчитала долю импорта в непродовольственных магазинах России. URL: <https://1prime.ru/business/20211116/835224010.html> (дата обращения 19.11.2021).

Тренды развития рынка труда в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация

— Вологодская область

Одним из признаков экономического восстановления является активный рост **инвестиций в основной капитал**, наблюдаемый в I полугодии 2021 года. Так, в целом по России прирост инвестиций составил 7,3%, в Вологодской области темпы значительно скромнее – 0,4% (табл. 8). Отмечено

изменение в отраслевой структуре инвестиций: доля добычи полезных ископаемых снизилась с 25,1 до 22,6%, обрабатывающей промышленности – с 18,4 до 17,7%. При этом значительно увеличилась доля инвестиций в строительство (с 2,4 до 3,2%) и транспорт (с 15,4 до 16,5%).

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	Р
РФ	96,9	98,6	102,0	107,3	-	-
ВО	91,7	94,3	116,9	100,4	-	48
РКа	98,3	109,0	144,5	132,3	-	15
МО	113,0	104,8	81,6	109,4	-	33
АО	105,1	95,2	100,4	95,3	-	55
РКо	97,6	111,5	92,1	83,6	-	72

Изменения в сфере **внешнеторговой деятельности** характеризовались ростом цен и объемов товарооборота.

В целом по стране заметно увеличился стоимостной объем как экспорта, так и импорта товаров и услуг (на 41,6 и 29,1% соответственно; табл. 9). Вывоз товаров и услуг за рубеж из Вологодской области за этот период показал прирост на 54,6%, однако ввоз в регион из-за границы сократился на 27,4%.

Таблица 9. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	77,8	79,4	103,3	129,0	141,6
ВО	98,5	98,0	113,2	142,8	154,6
РКо	80,0	82,2	117,6	141,5	156,5
РКа	62,1	71,5	106,6	120,8	147,1
АО	96,8	97,7	71,0	104,4	122,6
МО	101,7	117,3	106,5	144,0	118,1
Импорт товаров и услуг					
РФ	93,2	94,8	116,6	129,0	129,1
ВО	110,9	96,8	59,7	69,7	72,6
АО	63,3	80,3	212,2	260,5	200,8
РКа	100,2	112,9	138,9	175,0	181,0
МО	93,5	98,7	140,8	137,6	144,5
РКо	86,9	85,3	111,7	94,6	106,3
Мировые цены на товары					
Нефть	65,5	67,2	120,9	154,7	163,1
Газ	54,5	67,5	211,2	274,8	414,9
Мет.	88,4	94,1	143,7	160,3	183,0
ФУ	88,5	99,9	180,9	190,6	191,7

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

Цены на мировых рынках на основные экспортные российские товары продемонстрировали существенный рост: природный газ подорожал в 4,1 раза, нефть – более чем в полтора (на 63,1%). Цены на продукцию, экспортируемую Вологодской областью, также имели положительную динамику: фосфорсодержащие удобрения подорожали на 91,7%, металлопрокат – на 83%, при этом внутренние цены на «длинный» прокат росли быстрее, чем на мировом рынке (табл. 10, 11).

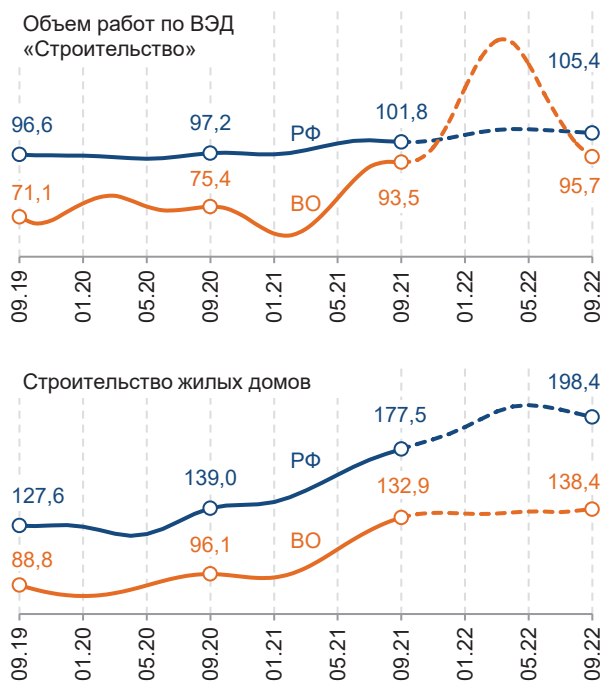
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало ноября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2021 г., %	
					к 2020 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	1228	678	528	181,0	232,5
Лист оцинкованный	долл. США	1273	710	618	179,2	205,9
Лист горячекатаный	долл. США	1058	573	433	184,6	244,2
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	853	528	490	161,5	174,0
Конструкционные профили	долл. США	1178	645	683	182,6	172,4
Сортовой прокат	долл. США	1050	625	588	168,0	178,6

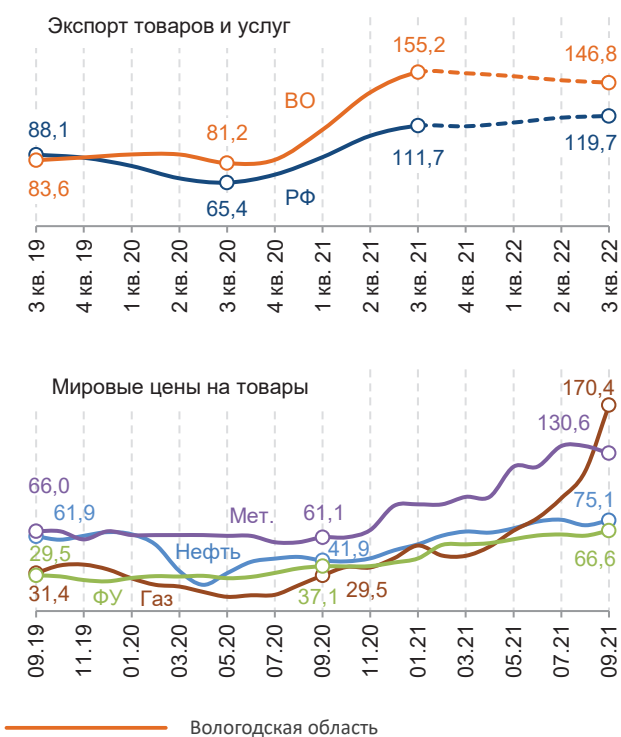
Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало ноября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2021 г., %	
					к 2020 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	89741	58604	50921	153,1	176,2
Лист оцинкованный	руб.	102000	75845	57706	134,5	176,8
Лист горячекатаный	руб.	80588	42698	43874	188,7	183,7
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	83983	41185	35076	203,9	239,4
Балка и швеллер	руб.	88852	49414	46206	179,8	192,3
Круг	руб.	84843	42034	37000	201,8	229,3
Уголок	руб.	83222	42966	39286	193,7	211,8

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Таким образом, в январе – сентябре 2021 года в российской экономике зафиксированы позитивные изменения: стабилизировалось положение большинства отраслей реального сектора, улучшилась ситуация на рынке труда, росли доходы населения, государства и бизнеса. Позитивные изменения

наблюдались и в сфере потребительского спроса, внешней торговли.

Вместе с тем в экономике накапливался комплекс противоречий. Так, резкий рост спроса на жилье на долгое время делает его значительно менее доступным, что в совокупности с грядущим подорожанием продо-

вольственной продукции во всем мире лишь увеличит разрыв между слоями населения с различным уровнем дохода. Конъюнктура стагнирующего внутреннего потребительского рынка в совокупности с ростом ключевой ставки делает малоперспективным развитие неэкспорториентированных отраслей экономики.

В целях ускорения восстановительного роста и преодоления кризисных явлений важным видится изменение системы поддержки ипотечного кредитования (от которой, в конечном счете, выиграли лишь ее первые пользователи, собственники жилья, строители, банки и агентства недвижимости), комплексное удешевление кредитов для предпринимателей, предоставление налоговой паузы для предприятий в период их

технологической реконструкции, поддержка доходов населения и внутреннего потребительского рынка, в том числе стимулирование спроса на продукцию ключевых отраслей промышленности.

Источники:

*Росстат, Вологдастат,
Федеральная таможенная служба,
Федеральное казначейство,
www.metaltorg.ru, metalinfo.ru,
www.indexmundi.com*

Материалы подготовил

М.А. Сидоров
*младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОКТЯБРЕ 2021 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.10 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В сентябре – октябре 2021 года ФГБУН ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

📈 В октябре 2021 года по сравнению с августом 2021 года несколько улучшились оценки социального настроения жителей области: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», возросла с 68 до 71% (табл. 1).

В большинстве социально-демографических категорий населения за последние два месяца отмечаются позитивные изменения: при этом наиболее существенный рост индекса социального настроения наблюдается в возрастной группе старше 55 лет (на 19 п., со 122 до 141 п.), в 20%-й группе

наименее обеспеченных (на 8 п., со 120 до 128 п.), среди лиц с высшим образованием (на 7 п., со 150 до 157 п.), а также в областном центре (на 7 п., со 124 до 131 п.). Негативные тенденции фиксировались в возрастной группе до 30 лет (индекс снизился на 14 п., со 168 до 154 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 6 п., со 177 до 171 п.).

🟡 Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 77%, удель-

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2021 года // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 159–167. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.10

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in October 2021. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 159–167. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.10

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Изменение (+/-), окт. 2021 к	
													авг. 2021	дек. 2020
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	59,9	59,9	63,3	66,0	67,9	70,6	+3	+11
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	31,5	31,0	30,2	26,9	26,5	25,5	-1	-6
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,7	128,4	128,9	133,1	139,1	141,4	145,1	+4	+17
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	69,8	69,7	74,1	76,5	77,0	77,2	0	+7
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	20,9	20,4	19,0	17,7	16,7	17,1	0	-4
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	148,9	149,3	155,1	158,8	160,3	160,1	0	+11

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

ный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 17%.

❏ Наиболее значительно индекс запаса терпения в августе – октябре 2021 года снизился в возрастной группе до 30 лет (на 10 п., со 168 до 158 п.), среди лиц с высшим образованием (на 7 п., со 168 до 161 п.), среди представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных жителей области (на 10 п., со 191 до 181 п.).

⬆ В октябре 2021 года по сравнению с декабрем 2020 года показатели социального самочувствия существенно улучшились: индекс социального настроения увеличился на 17 п. (со 128 до 145 п.), индекс запаса терпения – на 11 п. (со 149 до 160 п.).

В динамике самооценок материального положения за период с августа по октябрь 2021 года произошли неоднозначные изменения.

⬆ Рост фактических доходов наблюдался среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наиболее обеспеченных (на 3004 руб., с 30600 до 33604 руб.), ❏ снижение – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 639 руб., с 9285 до 8646 руб.) и 60%-й группе среднеобеспеченных (на 231 руб., с 16141 до 15910 руб.; табл. 2).

⬆ В октябре 2021 года по сравнению с декабрем 2020 года уровень доходов возрос во

всех группах населения, соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в целом по области увеличилось на 0,2 раза (с 1,3 до 1,5).

⦿ В период с августа по октябрь 2021 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 13 и 11%, отрицательных – 31 и 38% соответственно (табл. 3). В разрезе социально-демографических групп населения заметное повышение индекса оценок экономической ситуации в России наблюдалось в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 7 п., с 85 до 92 п.), среди лиц с высшим образованием (на 5 п., с 78 до 83 п.), в области – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 8 п., с 58 до 66 п.). При этом в категории лиц со средним специальным образованием, а также в 60%-й группе среднеобеспеченных оценки экономической обстановки в регионе ухудшились и значение индекса снизилось (на 7 п., с 77 до 70 п., и на 6 п., с 76 до 70 п. соответственно).

⦿ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 9%, негативные суждения выска-

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Изменение (+/-), окт. 2021 к	
												авг. 2021	дек. 2020
Доход на одного члена семьи, руб.													
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	7560	7422	7988	8633	9285	8646	-639	+1086
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	14298	14378	15346	16090	16141	15910	-231	+1612
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	29231	29198	28003	27676	30600	33604	+3004	+4373
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	15937	15952	16405	16918	17665	17997	+332	+2060
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11811	11767	11767	11767	11767	11767	0	-44
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз													
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7	-0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4	1,4	0	+0,2
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	2,6	2,9	+0,3	+0,4
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	0	+0,2

*Источник: Постановления Правительства «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Изменение (+/-), окт. 2021 к	
												авг. 2021	дек. 2020
Экономическое положение России													
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	10,3	9,6	10,4	10,5	11,2	12,5	+1	+2
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	41,0	42,9	41,8	42,6	44,5	43,2	-1	+2
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	33,1	32,7	30,3	29,5	30,6	30,7	0	-2
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	77,2	76,9	80,1	81,0	80,6	81,8	+1	+5
Экономическое положение области													
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	9,7	9,3	10,7	10,3	11,3	11,0	0	+1
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	37,2	39,6	38,7	41,3	42,9	39,9	-3	+3
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	38,2	36,5	34,1	35,0	35,3	38,1	+3	0
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	71,4	72,8	76,6	75,3	76,0	72,9	-3	+2
Материальное положение семьи													
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	9,4	7,9	7,3	7,0	8,8	+2	0
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	47,0	44,3	47,5	49,3	50,8	49,9	-1	+3
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	33,7	34,2	31,8	31,7	33,3	32,2	-1	-1
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	74,7	75,2	76,1	75,6	73,7	76,4	+2	+1

зывали 32% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения заметных изменений не наблюдалось, сохранились оценки на уровне двухмесячной давности.

В октябре 2021 года по сравнению с декабрем 2020 года характер суждений об экономике России улучшился: соответствующий индекс увеличился на 5 п. (с 77 до 82 п.).

Индексы оценок экономического положения области и материального благополучия семьи сохранились на уровне 73 и 76 п.

 За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России и области существенно не изменился. Доля тех, кто считает ситуацию в

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Изменение (+/-), окт. 2021 к	
												авг. 2021	дек. 2020
В России													
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	39,7	38,2	36,4	38,3	36,7	36,6	0	-3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	44,9	46,0	46,6	45,5	47,6	49,6	+2	+5
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>94,8</i>	<i>92,2</i>	<i>89,8</i>	<i>92,4</i>	<i>89,1</i>	<i>87,0</i>	<i>-2</i>	<i>-8</i>
В области													
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	52,8	52,7	55,5	56,2	53,7	52,0	-2	-1
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	33,9	35,2	33,2	30,7	34,4	36,0	+2	+2
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>118,4</i>	<i>117,4</i>	<i>124,3</i>	<i>125,5</i>	<i>119,3</i>	<i>116,0</i>	<i>-3</i>	<i>-2</i>

стране «благополучной, спокойной», составляет 37 и 52%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 50 и 36% (табл. 4).

❖ В разрезе социально-демографических групп оценки политической обстановки в стране заметно ухудшились в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 7 п., с 94 до 87 п.), среди лиц с неполным средним и средним специальным образованием (на 9 п., с 88 до 79 п. и с 95 до 86 п.), в Череповце (на 6 п., с 78 до 72 п.), в области – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 16 п., со 112 до 96 п.).

⬆ Положительные тенденции в оценках политической ситуации в России и области наблюдаются среди лиц с высшим образованием (индекс увеличился на 13 п., с 83 до 96 п., и на 10 п., со 114 до 124 п. соответственно), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 8 п., с 86 до 94 п., и на 19 п., со 118 до 137 п. соответственно).

В октябре 2021 года по сравнению с декабрем 2020 года характер суждений о политической ситуации в стране ухудшился: соответствующий индекс снизился на 8 п. (с 95 до 87 п.). ☉ Оценки политической обстановки в регионе сохранились без изменений: индекс соответствует отметке 116 пунктов.

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в августе – октябре 2021 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

– на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 82 и 73 п.);

– не претерпели изменений показатели материального положения семей (76 п.) и запаса социального терпения (160 п.);

– значительно не изменились оценки политической обстановки в России и регионе (87 и 116 п. соответственно).

Позитивные изменения отмечены в оценках социального настроения: соответствующий индекс увеличился на 4 п. (со 141 до 145 п.).

В различных социально-демографических категориях за последние два месяца отмечаются неоднозначные тенденции. Прежде всего, обращает на себя внимание ухудшение:

– оценок среди представителей возрастной группы до 30 лет; в данной категории снизились индексы социального настроения и запаса терпения (на 14 и 10 п. соответственно);

– мнений жителей области, имеющих среднее специальное образование; в данной категории снизились индексы оценок экономической ситуации в области (на 7 п.), политической ситуации в стране и регионе (на 9 и 5 п. соответственно);

– оценок в 60%-й группе среднеобеспеченных; в данной категории ухудшились оценки экономической ситуации в регионе (на 6 п.), политической обстановки в России и области (на 4 п.).

Отсутствие положительных тенденций в оценках населения Вологодской области по ключевым параметрам (оценка экономической и политической ситуации, самооценка социального самочувствия и материального положения) во многом обусловлено отсутствием позитивных изменений в динамике уровня жизни населения. По данным официальной статистики, в первом полугодии 2021 года реальная среднемесячная начисленная заработная плата и реальные располагаемые денежные доходы населения остаются ниже уровня аналогичного периода 2020 года (97,9 и 96,6% соответственно), индекс потребительских цен в январе – августе 2021 года по отношению к соответствующему периоду предыдущего года составил 106,1%¹. Результаты социологических опросов коррелируют с данными статистики: в октябре 2021 года, как и двумя месяцами ранее, каждый второй житель региона (50%) отнес себя к категории «бедных и нищих», почти 40% населения заявили о низкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»). В качестве наиболее актуальных современных проблем жители области называют инфляцию (63%), низкий уровень

жизни, бедность (52%), расслоение населения на «бедных» и «богатых» (31%).

Аналогичные тенденции характерны и для России в целом. По данным Левада-Центра², самыми острыми социально-экономическими проблемами общества, по мнению россиян, являются рост цен (61%), бедность и обнищание населения (36%), рост безработицы (33%)³.

Негативное влияние на общественное настроение продолжают оказывать и проблемы, связанные с коронакризисом, а именно карантинные ограничения, рост заболеваемости, вопросы вакцинации.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в декабре 2021 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

² Внесен в реестр иностранных агентов.

³ Проблемы общества. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/21/problems-obshchestva-2>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

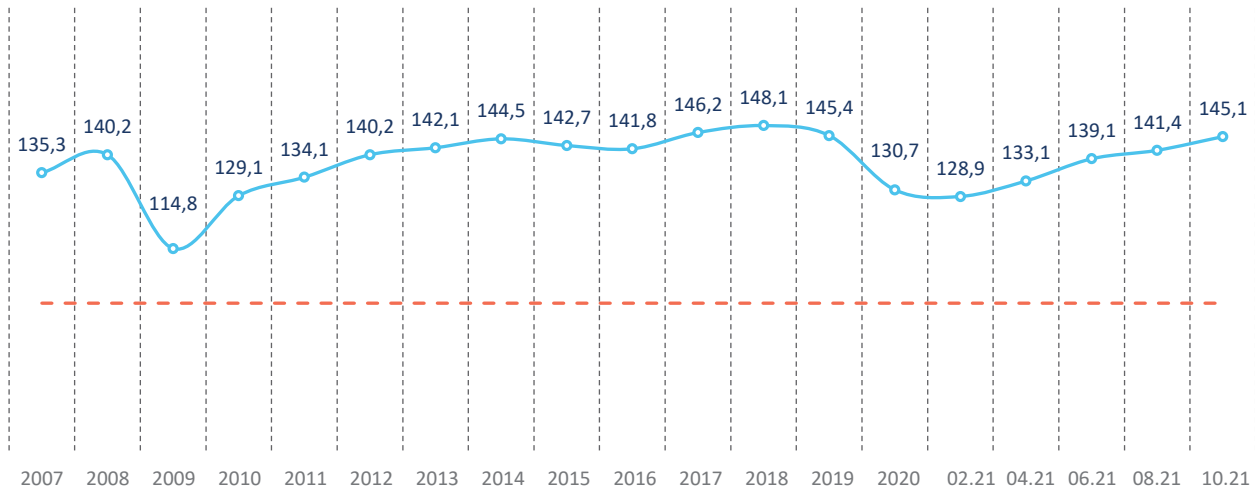

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В октябре 2021 года продолжилось начавшееся в апреле т. г. повышение индекса социального настроения жителей Вологодской области. По сравнению с августом 2021 года индекс вырос на 4 пункта (со 141 до 145 п.).

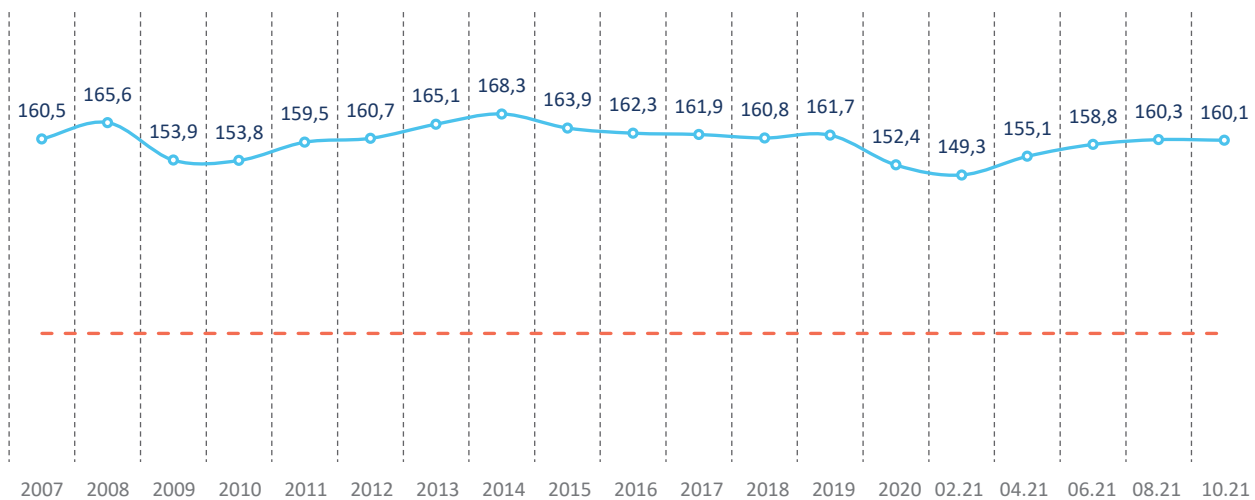

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

С августа по октябрь 2021 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области не претерпел изменений и составляет 160 п.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (---).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

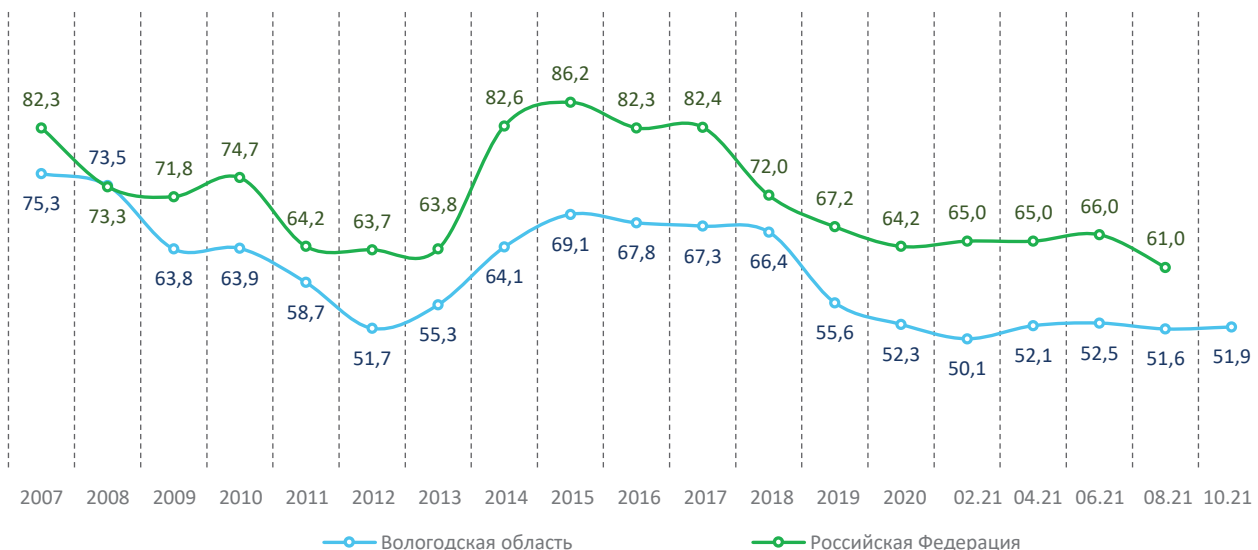

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С августа по октябрь 2021 года уровень одобрения жителями Вологодской области деятельности главы государства не изменился (52%).

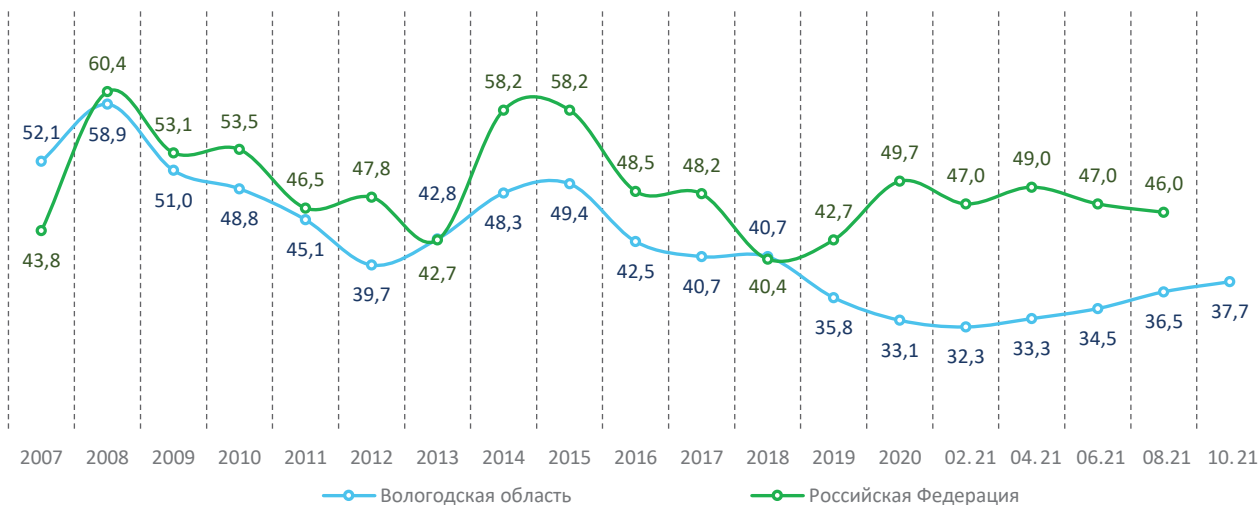

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В октябре 2021 года по сравнению с августом т. г. не произошло изменений в одобрительных оценках работы Правительства РФ жителями региона. Данный показатель находится на уровне 37–38%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНИЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра* (<http://www.levada.ru>).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

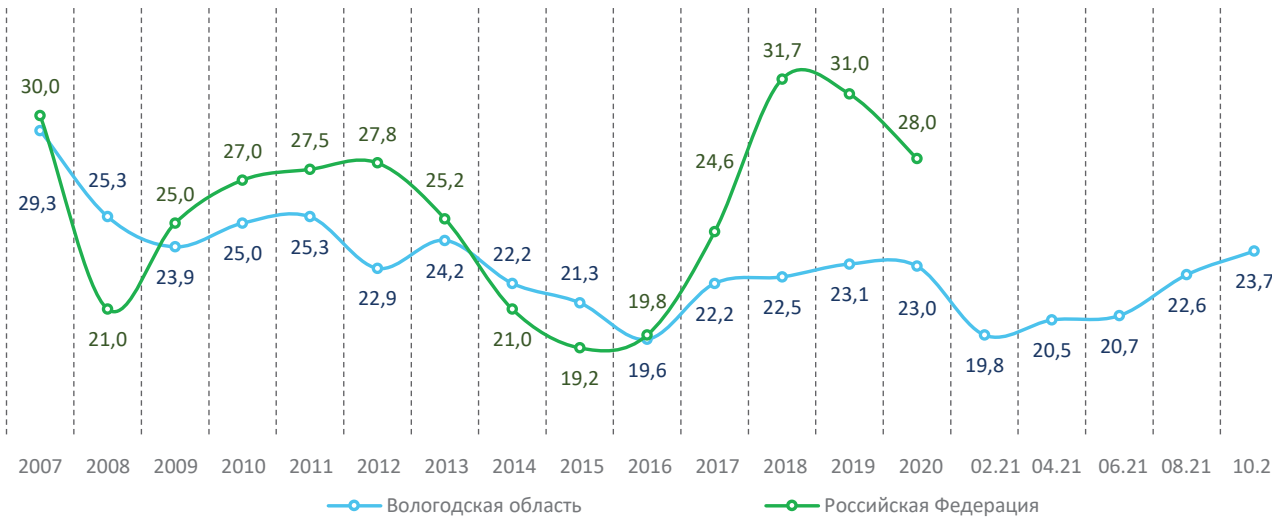

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

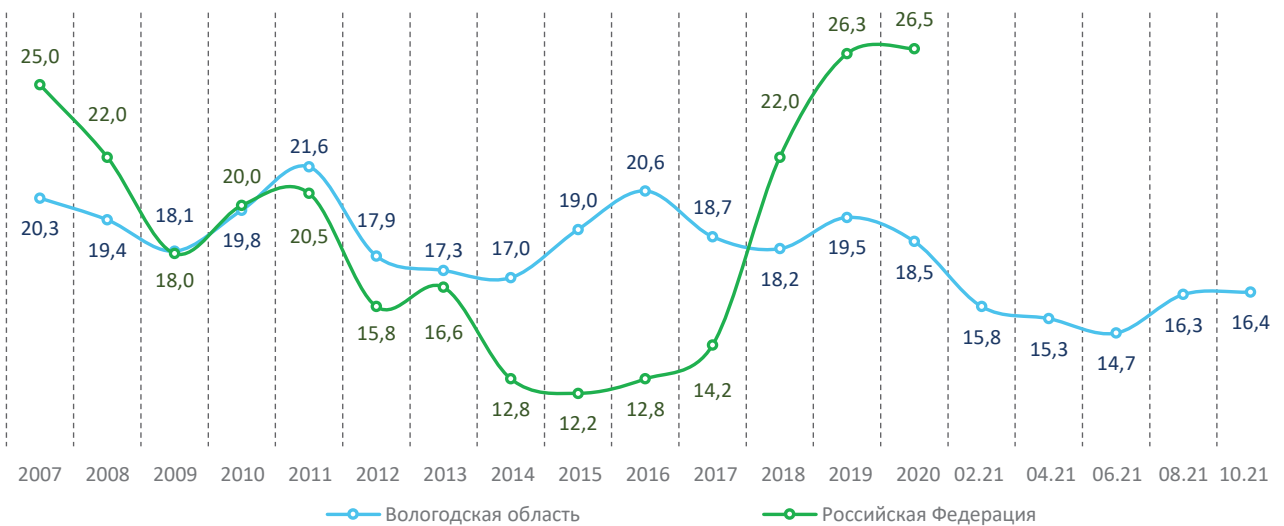

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

С августа по октябрь 2021 года уровень социальной напряженности жителей Вологодской области не изменился. Доля населения, допускающего протестные выступления, составляет 23–24% соответственно, готового принять в них участие – 16%.

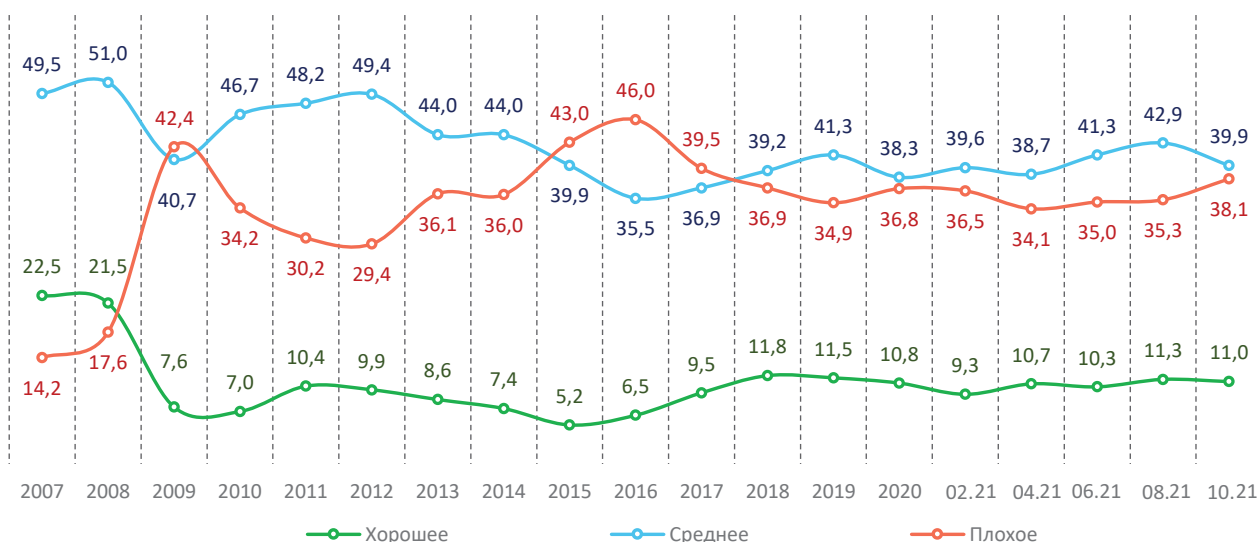

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В октябре 2021 года по сравнению с августом т. г. доля отрицательных характеристик экономического положения области увеличилась на 3 п. п. (с 35 до 38%), нейтральных – снизилась на 3 п. п. (с 43 до 40%). Удельный вес положительных оценок не изменился (11%).

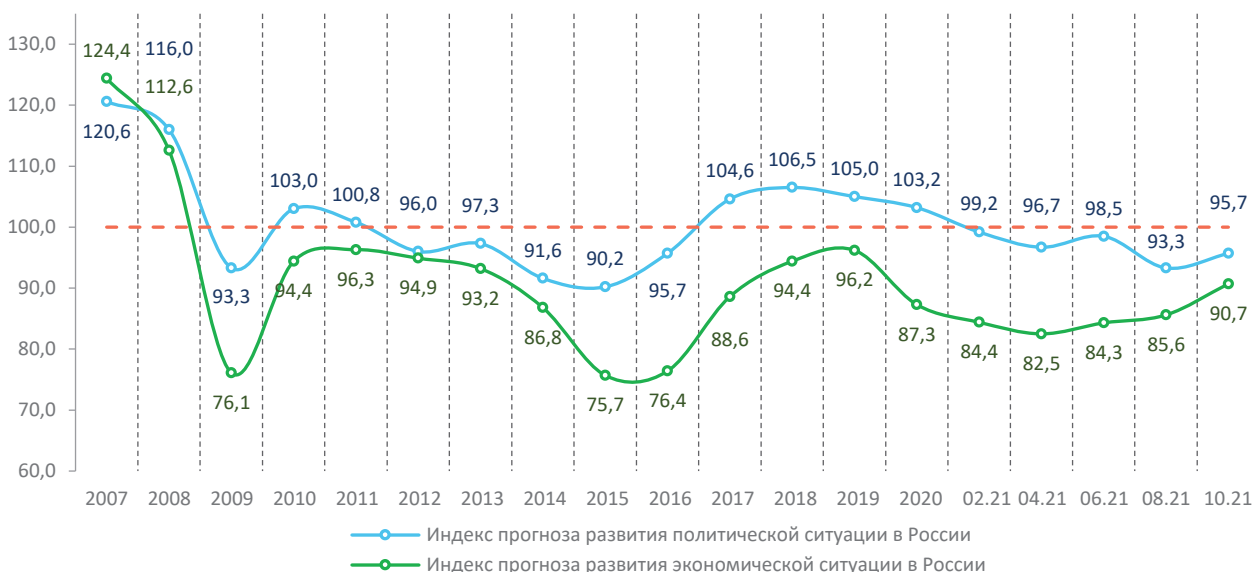

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

С августа по октябрь 2021 года наблюдаются положительные изменения индексов прогнозов развития ситуации в России. Индекс прогноза развития политической ситуации увеличился на 3 п. (с 93 до 96 п.), экономической – на 5 п. (с 86 до 91 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: мат-лы VI междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 19–21 мая 2021 г.: в 2 ч. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 347 с.

В сборнике представлены материалы VI международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей в г. Вологде 19–21 мая 2021 года.

Участие в конференции приняли экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы социально-экономического развития и управления территориальными и производственными системами, проблемы повышения эффективности государственного и муниципального управления, проблемы и перспективы развития малого предпринимательства и другие. Затрагиваются вопросы взаимодействия власти и бизнеса в условиях цифровизации. Рассматриваются направления повышения конкурентоспособности экономики страны и ее регионов. Освещаются аспекты развития региональных инновационных экономических систем, проблемы и перспективы социокультурного развития территорий, эффективности страховой и банковской систем как источников инвестиционных ресурсов.

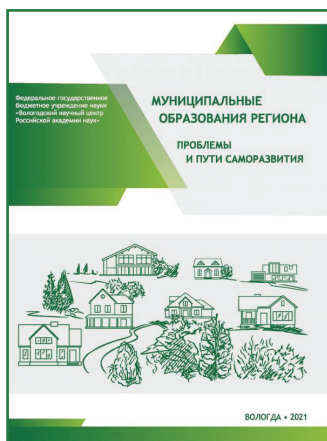
Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России.

Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Секушина И.А. Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития: монография / под общ. ред. Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 232 с.

В монографии рассмотрены теоретико-методологические основы управления развитием муниципальных образований и реализации внутрирегиональной политики; на материалах Вологодской области проведена оценка тенденций и проблем развития районов и городских округов, а также действий органов государственной власти по их развитию; обоснованы направления и механизмы обеспечения саморазвития муниципальных образований, в том числе в отношении развития агломераций, малых и средних городов, сельских территорий, участия муниципалитетов в реализации национальных проектов.

Книга адресована научным работникам, специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2021 ГОДУ

ОТ РЕДАКЦИИ	№	Стр.
Бабич Л.В., Головчин М.А., Устинова К.А. Проблемы формирования человеческого капитала в фокусе исследований Вологодского научного центра РАН	2	7–23
Леонидова Г.В., Димони К.О. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда	6	7–31
Лукин Е.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики в исследованиях ВолНЦ РАН	1	7–28
Мазилев Е.А. Проблемы развития кадрового потенциала российской науки: региональный аспект	5	7–20
Ускова Т.В. Транспортная инфраструктура как фактор развития территорий и связанности экономического пространства	3	7–22
Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина	4	7–23
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ		
Агешина Е.Ю., Алексеенко А.П., Ли Е.Л. Зарубежный опыт развития рыбной промышленности и перспективы его использования в ДФО	3	38–51
Гусев А.Б., Юревич М.А. Региональные инвестиционные форумы России: медиарейтинг и жизненный цикл	5	52–70
Косыгина К.Е. Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе	6	67–81
Кузнецова Е.П. О взаимодействии науки, бизнеса и государства в развитии экономики территории	5	71–87
Леонидова Е.Г. Оценка влияния пандемии COVID-19 на туристский сектор региона	5	37–51
Манаева И.В. Территориально-отраслевое развитие городской системы региона: методика оценки	5	21–36
Патракова С.С. Газификация сельских территорий Вологодской области: история и перспективы	3	52–71
Решетникова Е.Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени	1	108–122
Румянцев Н.М. Лесопромышленный комплекс как приоритет структурной политики Вологодской области	6	51–66
Сидоров М.А. Развитие цепочек создания стоимости как фактор регионального экономического роста	3	23–37
Филина В.Н. Транспортное обеспечение арктических территорий	2	24–43
Шиплюк В.С., Мазилев Е.А. Перспективы развития обрабатывающих производств региона в условиях цифровизации	6	82–99
Широкова Е.Ю. Химическая промышленность как драйвер роста экономики страны и региона	2	59–72
Яковенко Н.А. Тенденции формирования региональной структуры российского экспорта агропродовольственной продукции	2	44–58
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ		
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Регионально-отраслевые кадровые дисбалансы России: постиндустриальные вызовы	4	24–42
Басова Е.А. Доступность здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития территорий	1	68–87
Басова Е.А., Рассадина М.Н. Проблемы современного образования в контексте формирования экономики знаний (на примере регионов РФ)	3	107–126
Белехова Г.В. Динамика и территориальные особенности экономического поведения населения России в сфере использования вкладов и кредитов	4	81–99
Жестянников С.Г. Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области)	1	52–67
Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г. Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия	1	29–51
Попов А.В. Масштабы и особенности распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ	4	43–62
Попова Л.А., Зорина Е.Н., Суховеренко Н.Н. Особенности уровня и структуры смертности по причинам в Республике Коми	4	63–80
Секички-Павленко О.О., Неклюдова Н.П. Изменение половозрастной структуры населения региона в муниципальных образованиях Свердловской области	6	131–148
Смолева Е.О. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа)	2	90–107
Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах)	1	88–107

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инерционность модели функционирования региональных вузов России в условиях постиндустриальной экономики 6 32–50

Иванов С.Л., Устинова К.А. Инновационный потенциал региона как фактор развития предпринимательства 5 146–165

Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны 1 123–137

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Беилин И.Л. Оценка влияния нефтегазовых доходов на структуру и динамику инвестиций в основной капитал региона (на примере Приволжского федерального округа) 4 119–138

Тресорук А.А. Региональные инвестиционные фонды как инструмент привлечения целевого финансирования проектов в судостроительной промышленности 5 125–145

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

Иваненко И.С. Оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа 3 89–106

Кадомцева М.Е., Нейфельд В.В. Региональные особенности использования технологий точного земледелия в сельском хозяйстве 2 73–89

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Дианов С.В., Калашников К.Н., Ригин В.А. Поиск путей оптимального пространственного размещения объектов инфраструктуры здравоохранения: обзор методического инструментария 2 108–127

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Ворошилов Н.В. Тенденции и перспективы изменения муниципально-территориального устройства в России 5 105–124

Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. Перспективы формирования межрегиональных агломераций как направления реализации фронтальной стратегии России (на примере Республики Башкортостан и Челябинской области) 6 100–117

Ковалева Т.Ю., Базуева Е.В., Симонян Е.Р. Модель управления рисками международных кластерных проектов как элемент системы риск-менеджмента территориальных кластеров 1 138–156

Секушина И.А. Межмуниципальное сотрудничество как инструмент управления социально-экономическим развитием малых и средних городов 4 100–118

Янков К.В. Проблема транспортной доступности населенных пунктов в федеральных документах стратегического планирования 6 118–130

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Лебедева М.А. Состояние и перспективы развития возобновляемой энергетики в регионах Крайнего Севера России 4 139–155

Тихонова Т.В. Экологический фактор перспективного освоения минеральных ресурсов северного региона 5 88–104

Ширков Э.И., Ширкова Е.Э., Дьяков М.Ю., Михайлова Е.Г. Оценка природного капитала как инструмент регионального развития 3 72–88

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2020 году 1 169–178

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2021 года 2 140–149

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2021 года 3 136–144

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2021 года 4 168–176

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2021 года 5 177–185

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2021 года 6 159–167

Мониторинг экономики: ноябрь 2020 года 1 157–168

Мониторинг экономики: итоги 2020 года 2 128–139

Мониторинг экономики: март 2021 года 3 127–135

Мониторинг экономики: май 2021 года 4 156–167

Мониторинг экономики: июль 2021 года 5 166–176

Мониторинг экономики: сентябрь 2021 года 6 149–158

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (ptd@volnc.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.11.2021.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20.34. Тираж 500 экз. Заказ № 91
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru